

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 21

**Москва
2002**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2002. —
Вып. 21. — 184 с.

ISBN 8-317-00458-6

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в
1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в
2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г.

ББК 81
Я410

ISBN 8-317-00458-6

© Авторы статей, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Никишина И. Ю.</i> Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике	5
<i>Изотов А.И.</i> Концептуализация «авторитарного побуждения» в чешском и русском языковых пространствах	8
<i>Ю Чул Чжон (Республика Корея)</i> Семантическое описание русского глагольного конфикса <i>на- -ся</i>	24
<i>Хо Сон Тэ (Республика Корея)</i> Синонимические отношения в семантических полях 'ЖИЗНЬ' и 'СМЕРТЬ'	42
<i>Хо Сон Тэ (Республика Корея)</i> Глагольно-атрибутивная сочетаемость имени СМЕРТЬ в паремиях русского языка	55
<i>Зевахина Т. С., Олейникова Е. Е.</i> Искусство убедительной аргументации: ценности и оценки (От семантики слова к семантике дискурса)	64
<i>Филимонова Е. Н., Пак Сон Гу (Республика Корея)</i> Конфронтативные лакуны изобразительного типа в русских текстах	80
<i>Зевахина Т. С.</i> Паремиологические единицы в дунганском и китайском языках: параметризация, эксперимент, базы данных	90
<i>Лихачева А. Б. (Литва)</i> Родной иностранный язык. К вопросу о языковом сознании двуязычных детей	106
<i>Ермишкина Н. В.</i> О текстовых функциях полипредикативных предложений, выражающих отношения быстрого следования	114
<i>Малюга Е. Н.</i> Роль заголовков и подзаголовков в англо-американской прессе	129
<i>Анисимова А. Г.</i> К вопросу о переводе терминов гуманитарных наук	139

ЛИНГВОПОЭТИКА

<i>Митева Н.В.</i> Несколько слов о соотношении синтаксического облика художественного произведения и характере его стиля.....	144
<i>Москвин Г. В.</i> К вопросу об элементе живописи в прозе М.Ю.Лермонтова (на примере романа «Вадим»)	148
<i>Давыдов М. В., Давыдов В. М.</i> Английские современники А. П. Чехова о его творчестве.....	159
<i>Нестерская Л. А.</i> Языковые средства формирования оценочности в современной публицистике.....	171

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Киржанова С. В.</i> Место ритмической группы среди ритмико-интонационных средств в свете проблем обучения русскому языку как неродному.....	178
<i>Скорородова Е. Ю.</i> Новые орфографические ошибки.....	181

ЛИНГВИСТИКА

Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике

© И. Ю. Никишина, 2001

В современной когнитивной лингвистике стержневым становится понятие «концепт», которое в качестве термина все чаще используется исследователями, занимающимися проблемами языкового представления когнитивных. В самом общем виде концепт, по мнению Ю.С. Степанова, можно представить, с одной стороны, как «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нею». Изучение концептосферы языка (термин предложен Д.С. Лихачевым) позволяет выявлять особенности ментального мира того или иного этноса, увидеть, выражаясь метафорически, специфику траектории полета человеческой мысли, следовательно познать культуру народа на разных этапах ее становления.

Концепты — мыслительные образы, стоящие за языковыми знаками, означаемые языковых знаков, в последнее время стали предметом живого внимания лингвистов. Понятие концепта, пришедшее из когнитологии, оказалось важным и нужным для изучения языка и легло в основу когнитивной лингвистики. Из концептов составляется семантическое пространство конкретного языка, а по семантическому пространству можно судить о структурах знаний в их конкретно-национальном преломлении.

Всю познавательную деятельность человека (когницию) можно рассматривать как развивающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты; концепты возникают для обеспечения операций этого рода. Для выделения концепта необходимы и перцептуальная выделяемость некоторых признаков, и предметные действия с объектами и их конечные цели, и оценка таких действий и т.п., но зная роль всех этих факторов, когнитологи тем не менее еще не могут ответить на вопрос о том, как возникают концепты, кроме как указав на процесс образования смыслов в самом общем виде.

Считается, что лучший доступ к описанию и определению природы концепта обеспечивает язык. При этом одни ученые считают, что в

качестве простейших концептов следует рассматривать концепты, представленные одним словом, а в качестве более сложных — те, которые представлены в словосочетаниях и предложениях. Другие усматривали простейшие концепты в семантических признаках или маркерах, обнаруженных в ходе компонентного анализа лексики. Третьи полагали, что анализ лексических систем языков может привести к обнаружению небольшого числа «примитивов» (типа некто, нечто, вещь, место и пр. в исследованиях А. Вежбицкой), комбинацией которых можно описать далее весь словарный состав языка. Наконец, известную компромиссную точку зрения разделяют те ученые, которые полагают, что часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», т.е. способы их языкового выражения, но часть этой информации представляется в психике принципиально иным образом, т.е. ментальными репрезентациями другого типа — образами, картинками, схемами и т.п. Мы, например, знаем различие между елкой и сосной не потому, что можем представить их как совокупности разных признаков или же как разные концептуальные объединения, но скорее потому, что легко их зрительно различаем и что концепты этих деревьев даны прежде всего образно.

Не вызывает, однако, сомнения тот факт, что самые важные концепты кодируются именно в языке. Нередко утверждают также, что центральные для человеческой психики концепты отражены в грамматике языков и что именно грамматическая категоризация создает ту концептуальную сетку, тот каркас для распределения всего концептуального материала, который выражен лексически. В грамматике находят отражение те концепты (значения), которые наиболее существенны для данного языка.

Для образования концептуальной системы необходимо предположить существование некоторых исходных, или первичных концептов, из которых затем развиваются все остальные: концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Концепты представляют собой неанализируемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются. Возьмем, например, такой признак, как «красный», который, с одной стороны, интерпретируется как признак цвета, а, с другой, дробится путем указания на его интенсивность (ср. алый, пурпурный, багряный, темно-красный и т.д.) и обогащается другими характеристиками. Да и сама возможность интерпретировать разные концепты в разных отношениях свидетельствует о том, что и число концептов и объем содержания многих концептов беспрестанно подвергаются изменениям.

Предметом поисков в когнитивной семантике часто являются наиболее существенные для построения всей концептуальной системы

концепты: те, которые организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения. Многие разделяют сегодня точку зрения Р. Джекендоффа на то, что основными конституентами концептуальной системы являются концепты, близкие «семантическим частям речи» — концепт объекта и его частей, движения, действия, места или пространства, времени, признака и т.п.

Понятие концепта используется широко и при описании семантики языка, ибо значения языковых выражений приравниваются выражаемым в них концептам или концептуальным структурам: такой взгляд на вещи считается отличительной чертой когнитивного подхода в целом.

Л и т е р а т у р а

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
2. *Павленис Р.* Язык. Смысл. Понимание. Вильнюс, 1986.
3. *Jackendoff R.* Semantic structures. Cambridge (Mass.), 1990; Languages of the mind: Essays on mental representation. Cambridge (Mass.), 1992.

Концептуализация «авторитарного побуждения» в чешском и русском языковых пространствах¹

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 2002

Смысловая структура «авторитарного» побудительного речевого акта может быть представлена следующим образом:

Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и *возможность* данного действия обуславливается *волеизъявлением* Прескриптора.

Поскольку чешский и русский языки семантически структурируют поле императивности не совсем одинаково, соотношения между чешскими и русскими побудительными интерпретациями далеко не всегда однозначны, поэтому предлагаемое далее разбиение на параграфы носит несколько условный характер (не все интерпретации вынесены в названия этих параграфов, некоторые интерпретации упоминаются в нескольких параграфах, некоторые русские или чешские интерпретации не будут иметь формального соответствия в другом языке и т. д.).

Příkaz, rozkaz, nařízení — приказ, распоряжение

В ситуации *приказа* побуждение направлено «сверху вниз», в данном конкретном акте коммуникации говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию и не сомневается, что адресат выполнит (либо, по крайней мере, попытается выполнить) каузируемое действие. Эта уверенность основана на социально институализированном праве либо ситуативно обусловленной возможности Прескриптора применить по отношению к Агенсу серьезные санкции (поэтому приказывать может не только начальник подчиненному, но и грабитель в темном переулке — прохожему).

Необходимо отметить, что в чешской языковой картине мира *приказ* менее авторитарен, чем в русской, о чем, по нашему мнению, свидетельствует обычность сочетания *nalévací rozkaz* в чешских лингвистических текстах, ср. [Grepl, Karlík 1986: 71], [Mluvnické češtiny 1987: 339]. В русской же языковой картине мира сочетание **настойчивый приказ* имеет, по нашему мнению, ярко выраженный оксиморонный характер

¹ Автор признателен сотрудникам Института Чешского национального корпуса при философском факультете Карлова университета в Праге за любезно предоставленную возможность пользоваться собранным ими и хранящимся в компьютерном виде фактическим материалом, в частности, подкорпусом SYN2000 (около ста миллионов словоформ), представляющим основные функциональные стили современного чешского литературного языка, см. <http://ucnk.ff.cuni.cz/>

— там, где у Говорящего есть возможность *приказывать*, ему незачем *настаивать*². Об этом же косвенно может свидетельствовать и то обстоятельство, что в нашем русском материале в авторском комментарии к побудительной реплике персонажа рассматриваемого типа в тех случаях, когда речь не идет о многократно повторяющемся действии, используются только глаголы совершенного вида, тогда как в материале чешском — глаголы как совершенного, так и несовершенного. Мы полагаем, что в русской языковой картине мира *приказ* концептуализируется как завершенное действие, а в чешской может пониматься и как растянутый во времени процесс, ср. следующие примеры из романа Я. Гашека, при переводе которых на русский язык П. Богатыреву пришлось поменять видовую характеристику глагола:

“Není doma,” řekl tvrdě Švejk, ale mladá dáma byla již v předsíni a kategoricky **přikazovala** Švejkovi: “Odneste kufry do pokoje”

‘«Нету дома», — твердо сказал Швейк, но молодая дама была уже в передней и категорическим тоном **приказала** Швейку: «Отнесите чемоданы в комнату.»’

“Polibte ještě, bábo, krucifix,” **poroučel** strážmistr, když Pejzlerka za ukrutného vzlykotu odprísáhla a pokřižovala se zbožně

‘«Теперь поцелуйте крест», — **приказал** вахмистр после того, как бабка Пеизлерка, громко всхлиывая, повторила присягу и набожно перекрестилась.»’

Viděl prý také ve snu nějakého anděle, který mu přímo **velel**: “Otevři šuple od pohovky!”

‘А во сне ему якобы явился ангел и **повеле**л: «Открой ящик в диване!»’

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что хотя современный чешский язык, подобно русскому, располагает немалым количеством выражающих «авторитарное» побуждение глаголов речевой каузации, эти чешские глаголы синонимичны в гораздо большей степени, чем соответствующие русские глаголы.

Речь идет прежде всего о глаголах *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařít // nařizovat, poručít // poroučet, nakázat // nakazovat*.

В нормативном «Словаре литературного чешского языка...» [Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost 2000] лексическое значение этих глаголов определяется одно через другое, ср.:

přikázat ^{dok.} 1. *dát příkaz, nařít², rozkázat, poručit* 1: *přikázat* pacientovi ležet, aby ležel 2. ^{kníž.} *přidělit* 2, *určit* 1: *přikázat* někomu byt; byl

² Ср. мнение анализирующего русские императивные высказывания Л. А. Бирюлина: «приказ не оставляет стоящему ниже в социальной иерархии возможности отказа или какого-либо обсуждения» [Бирюлин 1992: 26].

služebně přikázán jinam; přikázaný příd.: přikázaný směr jízdy; **přikazovat** ned.

nakázat dok. *přikázat 1, naříditi², poručiti 1*: rodiče nakázali dětem, aby...; nakázala mu sedět; **nakazovat** ned.

naříditi² dok. *dát rozkaz, přikázat 1, poručiti 1, nakázat*: nařídil mu, aby...; naříditi nemocnému klid, ležet; **nařizovat²** ned.

poručiti dok. **1.** *rozkázat, naříditi², přikázat 1*: poručila mu odejít, aby odešel **2.** *objednat 1 (v hostinci, obchodě ap.)*: poručiti si večeři; **poroučeti** ned. (3. mn. -/ej/i): umí, zvykl si poroučeti

rozkázat dok. *poručiti 1, přikázat 1, naříditi²*: rozkázal mu čekat, aby čekal; **rozkazovat** ned.

В соответствии с данными Чешско-русского словаря (1976), различия между глаголами *rozkázat, přikázat* и *poručiti* состоят фактически лишь в том, что у двух последних возможны некоторые дополнительные, лексически связанные значения, ср.:

rozká|zati³¹⁰, -žu, -ži dok. *komu co n. s inf.* приказать*I кому s inf. (от)дать* приказ, велетьII кому s inf.; распорядиться*II s inf.

přiká|zati³¹¹, -žu, -ži dok. **1.** *komu co n. s inf.* приказать*I кому s inf.; отдать* приказ n. распоряжение кому в чём, распорядиться*II o чём; **2.** *komu co (byt, pokoj ap.)* дать*, отвести*I кому что. **3.** *koho kam (služebně, na práci ap.)* определитьII, назначитьII кого куда.

poruč|iti³⁵⁶, -ím dok. **1.** *komu co n. se sp. aby* приказать*I кому s inf. **2.** *~it si co (večeři ap.)* заказать*I (себе) что.

О том, что в чешском языковом сознании речь идет фактически об одном и том же подтипе побуждения, свидетельствует и то, что побуждение, выражаемое с помощью перформативных конструкций, содержащих формы *přikazují, rozkazují, poroučím*, характеризуется одним термином, выглядящим как *rozkaz (přikaz)* [Mluvnice češtiny 1987: 339], ср. также [Müllerová 1979], [Příruční mluvnice češtiny 1996]). Впрочем, порой мы можем встретиться с оговоркой, что хотя *rozkaz* и *přikaz* семантически очень близки, их иногда пытаются развести, утверждая, что первым каузируется какое-то однократное действие, тогда как «срок годности» второго более продолжителен [Mluvnice češtiny 1987: 339]. Если это так, то чешские *rozkaz* и *přikaz* в определенном плане соотносятся как русские *приказание* и *приказ* — в то время как чешский *rozkaz* и русское *приказание* используются исключительно для обозначения одного конкретного подтипа побуждения, близкого к *команде* (чешск. *povel*), русский *приказ* и чешский *přikaz* может использоваться также в качестве общего понятия для группы «авторитарных» побудительных интерпретаций.

Не случайно чешский *rozkaz* часто переводится русским *приказанием*, ср.:

Zasalutovan podal jí dopis a Šвейк взял под козырек, podal ей hlásil: "Podle rozkazu pana письмо и доложил: — Согласно приказу oberlajtnanta mám se k vám, zанию господина обер-лейтенанта, я

milostpaní, chovat uctivě a *обязан вести себя с вами, сударыня,*
taktně a obsluhovat vás uctivě *учтиво и тактично, служить не за*
a udělat vám všechno, co vám *страх, а за совесть и исполнять все*
vidím na očích” (J. Hašek. *ваши желания, которые только прочту*
Osudy dobrého vojáka *в ваших глазах* (Перевод П. Богаты-
 Švejka) *рева)*

Чешское *nařízení*, так же, как и русское *распоряжение*, соотносится с понятием более общим (с русским *приказ* и чешским *příkaz*), оба так или иначе ассоциативно связаны с идеей упорядочения, устройства, управления, ср. однокоренные русск. *порядок, упорядочить*, чешск. *řízení, zařídit, řídit*. Нам тем не менее представляется, что чешское *nařízení* вычленяется из общего понятия *приказ — příkaz* менее отчетливо, чем русское *распоряжение*.

Так, в нашем русском материале в качестве *приказа* характеризуются высказывания, содержащие одно побуждение, а в качестве *распоряжения* — содержащие, как правило, более одного побуждения, ср. некоторые примеры из произведений А. и Б. Стругацких: «*Кладите этого сюда же*», — *приказал он Панди*. (Обитаемый остров); «*Замолчи*», — *приказал Максим*. (Обитаемый остров); «*Вели обед на двоих*», — *приказал он на ходу*. (Трудно быть богом); *Поупражнявшись минут десять в выпадах и отражениях, Румата воткнул мечи в стену, нагнулся над пустой лоханью и приказал: «Лей!»* (Трудно быть богом); «*За упряжкой*», — *приказал Антон и откинулся на спинку кресла*. (Попытка к бегству); *Окончив инструкции, господин ротмистр Чачу распорядился: «Капрал Гаал, оставайтесь. Остальные свободны»*. (Обитаемый остров); *Затем роту отвели к казарме, и ротмистр распорядился: «Первая секция назначается в конвой. Остальным секциям приступить к занятиям по распорядку»*. (Обитаемый остров)³.

Наш чешский материал о подобном распределении говорить не позволяет: в качестве *nařízení* регулярно характеризуются высказывания, содержащие одно побуждение (ср. — *Popište onoho tuže! — nařídil policejní komisař*. (J. Marek. *Panoptikum starých kriminálních příběhů*) «*Опишите этого мужчину*», *сказал [букв. распорядился] комиссар полиции*), а в качестве *příkaz* — содержащие более одного побуждения (ср. *Příkázal přísně Lidušce: Lido, plavat. Postavit na kafe a pak dodělat ten příklad*. (J. Procházka. *Klauni*) «*Он строго сказал [букв. приказал] Лиде: «Лидо, шевелись. Поставь воду для кофе и доделывай свой пример»*»).

³ Следующие примеры, казалось бы, не подтверждают эту закономерность, однако нетрудно заметить, что в них всех «авторская ремарка» следует непосредственно за первым из побуждений, так что формально они этой закономерности не противоречат: «*Слезай вниз, — приказал я строго, — и отвечай на вопрос*». (Хищные вещи века); «*Сядь перед упряжкой, — приказал Антон, — и поговори с ним*». (Попытка к бегству); «*Пусть хозяин катит бочку, — приказал он, — а эти девочки (он указал на караульных гвардейцев, игравших в карты за другим столом, пусть идут сюда)*». (Трудно быть богом).

Показательно и то обстоятельство, что в приводимых в [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988: 37] в качестве функционально эквивалентных чешских и русских высказываниях чешскому *příkaz* может соответствовать и *приказ*, и *распоряжение*, ср.:

Budem ждать. Приказ есть при- *Tak budete čekat. Příkaz je příkaz.*
каз.

Тогда скажите, что это *Tak řekněte, že je to příkaz (z)*
распоряжение министерства. *ministerstva.*

В обоих сопоставляемых языках представлены тематизирующие авторитарное побуждение глаголы речевой каузации с отчетливой этимологической внутренней формой «передать в руки». Речь идет о русской видовой паре *поручить / поручать* и чешской *poručit / poroučēt.*, которые, впрочем, в истории каждого языка семантически значительно разошлись.

Для А. Вежбицкой ‘поручать’ значит ‘уполномочивать’ [Вежбицка 1985: 265], именно данный оттенок значения (‘наделение правом совершить каузируемое действие’) противопоставляет *поручение* другим побудительным интерпретациям данной подгруппы (побудительные интерпретации, маркированные по признаку «авторитарное побуждение» — условно *приказ*). Впрочем, речь идет о привативной оппозиции, а никак не об эквивалентной: ‘наделение правом совершить каузируемое действие’ предполагается, если авторитет Прескриптора достаточно высок не только для Агенса, но и для тех, чьи интересы данное каузируемое действие может задевать и кто мог бы этому действию воспротивиться. Так, когда в поэме М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» православный царь «*велит*» братьям осужденного «по всему царству русскому широко торговать безданно, беспошлинно», его повеление касается не только того, кто будет торговать, но и того (и прежде всего того!), кто может попытаться пошлину взыскивать.

Мы, однако, склонны полагать, что хотя оттенок значения ‘наделение правом совершить каузируемое действие’ действительно характеризует семантический потенциал *поручения*, актуализуется этот признак далеко не во всех употреблениях русского глагола *поручить*. Что же касается чешского языка, то данный оттенок значения выражается уже не глаголом *poručit*, а глаголом *pověřit*, ср.:

Mě pověřil divisijní soud, jako ‘Дивизионный суд *поручил* мне,
vašeho představeného, vyslechnout как вашему начальнику, *допро-*
vás a zasílá mně současně celé spisy сить вас и одновременно *посыла-*
tykající se vyšetřování. (J. Hašek. *et* мне материалы *следствия.*
Osudy dobrého vojáka Švejka (Перевод П. Богатырева)’

Мы считаем, что для русского речупотребления характерна актуализация другого содержащегося в семантическом потенциале *пору-*

чения оттенка значения — каузируется действие, исполнение которого важно для Прескриптора. Поэтому для вычленения **поручения** из общей подгруппы «авторитарных» побудительных интерпретаций важен не только признак ‘наделение правом совершить каузируемое действие’, но и признак ‘важность исполнения каузируемого действия для Прескриптора’⁴. Во всяком случае, мы намерены постулировать это для русского языкового пространства, причем речь опять пойдет о привативной, а не об эквиполентной оппозиции: дивизионный суд может не только *поручить* полковнику разобраться с провинившимся подчиненным, но и *приказать* сделать это и смысл высказывания от этого не изменится — как *по поручению*, так и *по приказу* полковник будет делать то, что нужно для Прескриптора, тогда как если царь не *велит*, а *поручит* кому-либо «торговать безданно, беспошлинно», смысл высказывания изменится весьма кардинально (можно будет предположить, что сам царь каким-либо образом заинтересован в полученной таким образом лишней прибыли). Данное противопоставление (*поручить* — *приказать*) в русском речепотреблении часто нейтрализуется: первый же пример параграфа **1.12. Распоряжение, указание, приказ** в [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988] выглядит как *У меня к вам небольшое поручение* [шрифтовое выделение наше — А. И.].

В современном чешском речепотреблении эта нейтрализация имеет абсолютный характер: формы глаголов *přikázat / přikazovat* и *poručit / poručet* регулярно употребляются одними и теми же авторами в сходных контекстах в сходном значении, ср. некоторые примеры из популярного детективного сериала Й. Прохазки о майоре Земане:

– *Jděte otevřít, – přikázal mi, – podívejte se. Ale myslete přitom, že vám pořád mířím na záda.* – ‘Идите откройте, – приказал он ему, – посмотрите, кто там. Но при этом помните, что я целюсь вам в спину.’

Namířil na ni pistoli a poručil: – Lžeš. Jdi stranou! – ‘Он направил на нее пистолет и приказал: «Врешь. Отойди в сторону!»

Lidušce na odchodnou přikázal: – Máte vyříd', ať mě dnes radši nečeká. – ‘Лиде он сказал [букв. приказал]: «Передай маме, пусть меня сегодня лучше не дожидается.»

– *Dej mi něco jíst, – poručil nakvašeně.* – ‘«Дай что-нибудь поесть», – сказал [букв. приказал] он кисло.’

⁴ Сказанное, естественно, никак не является ни «опровержением» А. Вежбицкой, ни упреком ее переводчику: исследовательница анализировала не русские, а английские перформативные глаголы, и мы не собираемся вваливать на кого-то ответственность за несовпадение английской и русской (чешской) языковых картин мира.

Данная нейтрализация закономерно привела к исчезновению из чешского языка соответствующего отглагольного деривата **poručení*, отсутствующего в нормативном словаре [Slovník spisovné češtiny... 2000], но представленного в [Slovník spisovného jazyka českého 1989], включающего в себя, помимо современной, лексику «золотого фонда» чешской литературы, ср.:

poručení, -í s. **1.** poněk. zast. *zdvořilý pozdravný vzkaz, odevzdání se v něčí přízeň*: pěkně p. slečince (Rais); vzkázat, vyřídit uctivé p. † **2.** *nařízení, rozkaz, příkaz*: dostat p. odjeti (Jir.); pečeti opatřené p. císařské † **3.** *doporučení*: platné p. podat (Tyl) † **4.** *poslední vůle, závět'*: umíraje, v p. svém vzpomínal na bratra (Schulz); v. též **poručiti**

Этот словарь фиксирует с пометой † также и рефлекс «этимологического» значения ‘передать в чьи либо руки’ у глагола **poručit** (выделение серым фоном наше), ср.:

poručiti dok. (3. mn. -i) **1.** (komu co; co; ~) *dát rozkaz k něčemu; naříditi II 1, rozkázat, přikázat, nakázat 1, uložit* poručil mu, aby vše zařídil; poručil připravit materiál; dovede p.; lékař mu poručil klid *předepsal, doporučil*; přen. neměl sil si p. *přimět se k něčemu*; srdce mu poručilo, aby tak jednal *přimělo ho 2.* p. (si) (co) *objednat si (zvl. v hostinci, obchodě op.); požádat (oč)*: p. si víno, večeři; poručila si kilo masa; poručil si pohřeb chudíčký (Rais) *vyslovil přání † 3.* (koho, co komu, čemu) *odevzdat něčí pozornost, nikomu do ochrany; odporučit 2*: p. syna péči vychovatele (Stroup.); p. les pánuobohu (Vrba) *nestarat se o něj; ♦ pánuobohu, osudu poručeno (výraz smíření se s něčím) † 4.* (koho, co koma, čemu) *doporučit*: také mne poručil přízni této ctné paní (Jir.) **5.** poněk. zast. (komu co) *odkázat I (v závěti)*: p. podíl ženě • předp. **do-, na-, od-**; – ned. **poroučeti, poručovati**

Глаголы *nakázat/nakazovat*, входящие, по данным [Slovník... 2000] в синонимический ряд *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, naříditi // nařizovat, poručit // poroučet*, крайне неупотребительны и самостоятельного подтипа «авторитарного» побуждения, на наш взгляд, не образуют, ср. примеры из «Чешского национального корпуса»:

Ale pan Pumblehook nakázal: «Dejte mu víno, panínko. V něm též není, za to ručím.» <doc S|NOV|1996|dicken1> <s 001-p232s3> *‘Однако господин Памблхук распорядился: «Дайте ему вина, барышня. В нем дегтя нет, ручаться»’.*

«Jdi tedy tamhle naproti do pokoje,» nakázala a ukázala svou zvadlou rukou na dveře za mnou, «a počkej tam, až přijdu.» <doc S|NOV|1996|dicken3> <s 001-p53s1> *‘«Иди вон в ту комнату напротив, – велела она, показав старческой рукой на дверь за моей спиной, – и подожди там, пока они не придут»’.*

*Předal jsem Tošovi ukradenou peněženku, dopil pivo, postavil se a **nakázal** mu: «Je čas vydat se na lov! Drž mi tu místo!»* <doc S|NOV|1997|marcin> <s 002-p249s2>

‘Я передал Тошу украденный кошелек, допил пиво, встал и сказал [букв. приказал] ему: «Пора на охоту! Постереги мое место!»’

*«Postavte se,» **nakázala** mu doktorka.* <doc S|NOV|1997|sharpe><s 001-p98s1>

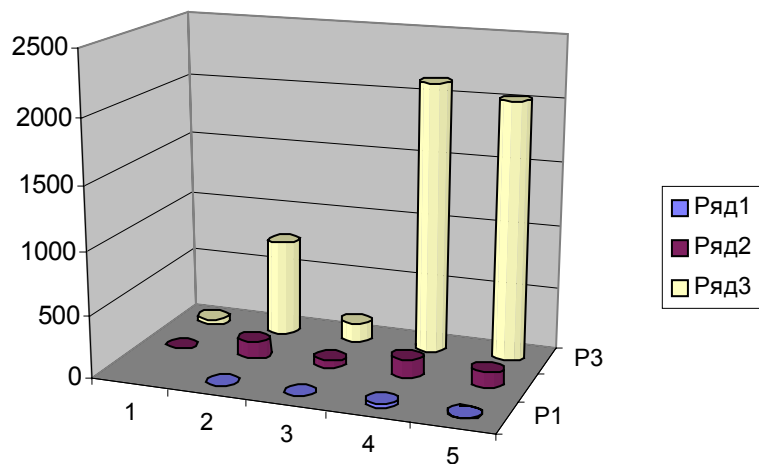
‘«Встаньте!» – велела мне врач.’

*Držela své ratolesti hlavu pod perinou, zdálo se, že mu zacpává uši, a každých pět minut **nakazovala**: «Spi!...»* <doc S|NOV|1993|svet> <s 001-p1124s3>

‘Она держала своего отпрыска головой под периной, казалось, что она затыкает ему уши, и каждые пять минут приказывала: «Спи! ...»’

Предлагаемая ниже диаграмма иллюстрирует относительную употребительность глаголов *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařít // nařizovat, poručit // poroučet, nakázat // nakazovat*, учитывая их представленность в текстах «Чешского национального корпуса» в составе эксплицитных перформативных конструкций, а также конструкций с интерпретирующим предикатом.

Интерпретирующие предикаты и перформативы

- Ряд 1 – примеры с прямо-эксплицитными перформативными (т.е. «автоинтерпретирующими») конструкциями типа *Jsem člověk a nařizuju ti, aby ses zastavil* <doc S|NOV|199f|kalib><s 007-p77s6>
- Ряд 2 – примеры, в которых интерпретирующий предикат выступает в качестве комментария к побудительному высказыванию типа «*Jed' dále!*» *nařídil*. <doc S|NOV|1993|jeruz><s 011-p51s2>
- Ряд 3 – примеры, содержащие интерпретирующий предикат в сообщении об имевшем место побудительном высказывании типа *Chief Salamander nařídil, abych tlumočil oběma vládám jeho neochvějnou vůli navázat s nimi co nepřátelštější styk*. <doc S|NOV|1981|s_mloky><s 001-p1337s18>

1 – *nakázat/nakazovat*; 2 – *přikázat/přikazovat*; 3 – *rozkázat/rozkazovat*; 4 – *naříditi/nařizovat*; 5 – *poručit/poroučet*

Как видно из предложенной диаграммы, в тех случаях, когда речь идет о потребности иллокутивно охарактеризовать цитируемое побудительное высказывание, чех в целом с равной предпочтительностью обращается к глаголам *přikázat // přikazovat*, *naříditi // nařizovat*, *poručit // poroučet*, в сообщениях же об имевших место побудительных речевых актах явно доминируют глаголы *naříditi // nařizovat* и *poručit // poroučet*.

Objednávka — заказ

В качестве отдельного вида прескриптивного речевого акта может быть выделен **заказ**. В качестве обоснования его выделения обычно отмечают то обстоятельство, что его осуществление связано с конвенциональными ситуациями общения — ресторан, магазин, бюро обслуживания [Дорошенко 1986]. В речевом акте рассматриваемого типа «приоритетную позицию занимает говорящий, что обусловлено его ситуационной ролью клиента, чьи запросы должен удовлетворять адресат. Адресат расценивает каузируемое действие как обязательное, ибо оно входит в круг его служебных обязанностей» [Беляева 1992: 18].

Нам представляется, что в русской языковой картине мира данный подтип побуждения вычленяется более отчетливо, чем в чешской: хотя чешский язык и располагает глаголами *objednat / objednávat*, он нередко использует в составе интерпретирующего предиката те же глаголы *poručit (si) / poroučet (si)*, что и для выражения **приказа**, ср.:

A k Petrovu zděšení poručil: – Pane vrchní, tři koňaky! (J. Procházka. *Klauni*) *И к ужасу Петра он крикнул [букв. заказал]: «Официант, три коньяка!»*

– *Dvě vodky a dvě piva, pane hostinský, – poručil* (J. Procházka. *Vrah se skrývá v poli*) *«Две водки и два пива, хозяин», заказал он».*

Несмотря на то, что в сообщениях об имевшем место побудительном речевом акте рассматриваемого типа а абсолютном большинстве случаев используются формы типа *objednal / objednával* (в текстах «Чешского национального корпуса») количество примеров этого типа в два с половиной раза превышает общее количество примеров с формами типа *poručil / poroučel*), в тех случаях, когда интерпретирующий предикат выступает в качестве комментария к побудительному высказыванию данного типа, употребительность глаголов *poručit (si) / poroučēt (si)* соотносима с употребительностью глаголов *objednat / objednávat*, ср. некоторые примеры из корпуса:

«*Jamajský rum!*» *objednal pan Moritz a sedl si naproti panu Pragovi na poslední volnou židli.* <doc S|NOV|1995|tresnak2> <s 001-p2537s1> ‘«Ямайского рома!» – заказал господин Мориц и присел напротив господина Прага на последний свободный стул.’

Usedl na vysokou barovou židli, opřel se o pult a poručil si: «Jako vždycky, džin a sodu.» <doc S|NOV|1993|pi187> <s 001-p413s3> ‘Он присел на высокий стул у стойки, привалился к пульту и заказал: «Как всегда, джин с содовой».’

«*Eště jednoho panáka,*» *objednával si.* <doc S|NOV|199h|leponap> <s 020-p92s1> ‘«Еще рюмку,» – заказал он.’

«*Pane hostinský, sem dva štoky, a na mě!*» *poroučel pan Bedar ...* <doc S|NOV|1993|pi187> <s 001-p1221s11> ‘«Хозяин, два пива сюда, и на мой счет!» – заказал господин Бедар ...’

Příkázání — заповедь, наказ, повеление

Весьма показательно сопоставление чешского *příkázání* и русской *заповеди*. В обоих сопоставляемых языках речь идет о разновидности «авторитарного» побуждения, к отличительным признакам которой относятся: а) стилистическая маркированность, б) ритуализованность; в) максимальная степень обязательности. И русск. *заповедь*, и чешск. *příkázání* характеризуется ограниченной сферой употребления, ср., например, известные *desať zaповедей (desaťero příkázání)* из 5 главы Второзакония.

Однако в то время, как чешское *příkázání* мотивируется тем же глаголом *příkázat*, что и *příkaz*, вступая в силу этого с последним в очевидные ассоциативные связи⁵, русская *заповедь* мотивируется глаголом

⁵ Авторы брненской «Настольной грамматики чешского языка» упоминают *příkázání* в параграфе **Rozkaz / Příkaz**, помещая его в скобках после *příkaz*, то есть фактически дают его как вариант последнего [Příruční mluvnické češtiny 1996: 603].

заповедать, маркированным (в отличие от мотивирующего *приказ* глагола *приказать*) как явный церковнославянизм. Обособлению русской *заповеди* от *приказа* (как общего понятия) способствуют и две примыкающих к ней семантически и стилистически близких интерпретации — *наказ* и *повеление*.

С *наказом заповедь* объединяет некая ритуализованность, отличает же то, что предписанное *заповедью* становится обязательным к выполнению уже навсегда, «время действия» *заповеди* неограниченно, презентно-футуральная перспектива побуждения бесконечна, *заповедь* можно *исполнять*, но нельзя *исполнить*, *наказ* же более конкретен — даже если речь не идет об однократном действии, темпоральные ограничения налицо, *наказ* должен не только *исполняться*, но и *быть исполненным* (ср., например, словосочетание *наказы избирателей*). Несмотря на бесспорную маргинальность, и *наказ*, и *заповедь* продолжают существовать в русском языковом пространстве поля побуждательности, о чем свидетельствует, в частности, оперирование этими понятиями современными авторами, ср., например, некоторые фрагменты из работ современных литературоведов: *Дети охотно выражают свою покорность, выслушивают наставления, нисколько не придавая им значения, и потихоньку нарушают все эти заповеди и наказания* (А. И. Журавлева, М. С. Макеев. Александр Николаевич Островский.); *Характерен по центральному ударению и наказ, который дается царем Платову: «Поезжай на Тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится»* (А. А. Горелов. Н. С. Лесков и народная культура.).

Повеление, в отличие от *заповеди* и *наказа*, не ритуализованно (т.е. не маркировано в качестве такового), с *наказом* его сближает конкретный характер побуждения (*повеление* обычно может не только исполняться, но и быть исполнено), а с *заповедью* — абсолютность авторитета Прескриптора: *велеть* может кто угодно (лишь бы его социальный статус был выше социального статуса Агенса), а *повелеть* / *повелевать* — только Господь⁶ или, по крайней мере, монарх, ср. два примера из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, демонстрирующие выбор *велеть* / *повелеть* в зависимости от статуса Прескриптора: *Командант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака; После обыкновенного приступа он объявил ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и,*

⁶ Здесь *повеление* пересекается с *заповедью*, ср. комментарий к двум из уже упоминаемых *десяти заповедей*: *Наблюдай* день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой. <...> *Почитай* отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой.

бавляя его от позорной казни, **повелела** только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Если же социальная роль Прескриптора более скромна, характеристика побуждения в качестве *повеления* служит средством создания иронического эффекта, ср.: «Мистер диГриз, у меня **приказ**. От самого Инскиппа». / «И что же наши дражайший шеф **повелевает?**» (Г. Гаррисон. Стальную крысу — в президенты! Перевод. А. Соловьева).

При этом следует подчеркнуть, что в составе интерпретирующего предиката формы глагола *велеть* в норме используются не для обозначения *повеления*, а в качестве общего понятия для группы «авторитарных» побудительных интерпретаций (*велеть* = ‘высказать / высказывать свою волю, одной которой достаточно, чтобы сделать выполнение каузиреуемого действия для Агенса обязательным’), конкурируя с формами *приказал,-а,-и, прикажет, прикажи, приказываю*, ср.: *Тупой и скорый на расправу Медведь говорит: «На что тут много разговоров? Вели без дальних сборов Овец передуть. Кому о них жалеть?»* Однако **прямой приказ**, бросающий тень на Льва, непригоден, как и грубая сила. (В. И. Коровин. Басни Ивана Крылова).

***Povel* — Команда**

В качестве особой функциональной разновидности **приказа** следует рассматривать **команду** (чешск. *rovel*), которая может быть представлена как разновидность категорического побуждения к немедленному началу или окончанию конкретного действия при максимальной обязательности исполнения. Именно поэтому **команда** может восприниматься как нечто превосходящее «просто приказ» по категоричности (команда — это не приказ, а строгий приказ), ср.: *Прекрати об этом думать, пришла откуда-то издалека, из окружающего Ранда ничто команда, строгий приказ* (Р. Джордан. Огни небес / Перевод Т. Велимеева, А. Сизикова).

Важной особенностью **команды** следует считать ее более или менее отчетливую «фразеологизованность», что, в частности, предполагает теоретическую возможность задать более или менее исчерпывающий список команд. «Фразеологизованность» команды предполагает определенную ее «деграмматикализацию»: так, русская команда «*Стой!*» (равно как и чешская команда *Stůj!*), в отличие от русского приказа «*Стой здесь!*» (чешского *Stůj tady!*) отнюдь не свидетельствует о том, что ее адресат единичен. Форма единственного числа подчеркивает, что адресат побуждения «понимается как недифференцированная масса, как собирательное множество, поставленное к говорящему лицу в отношении если не подчинения, то, во всяком случае, повиновения» [Виноградов, 1972: 467].

Можно даже говорить о специальном подязыке (или, вернее, подязыках) команд тех или иных профессиональных групп — воен-

ных, спортсменов, летчиков гражданской авиации и т. д. При этом, как отмечается в специальных исследованиях, «чаще всего подъязык команд состоит из слов с фиксированными для конкретных групп обобщающими значениями, правил образования предложений, а также правил образования высказываний» [Болобова, 1994: 49], «команды — самые определенные термины. Они имеют строго обусловленный и хорошо определенный словарный состав» [Рождественский 1993: 146].

Рокун — указание

В качестве особого социально значимого подтипа побуждения может быть выделено **указание** (чешск. **рокун**), так же, как и **команда**, характеризующееся суженной сферой употребления: с указаниями мы встречаемся «...прежде всего в служебных разговорах, когда, например, руководящий работник дает задания своим подчиненным» [Müllerová 1979: 69]. Следует, впрочем, отметить, что в примерах из Корпуса, содержащих рассматриваемый каузатив, в абсолютном большинстве случаев сохраняется (как минимум потенциально) «этимологическое» значение ‘кивнуть, подать знак’, ср.:

Královna s nepatrným pousmáním ‘Слегка улыбнувшись, королева
pokynula: "Mluvte, pane!" <doc S|NOV|1996|veclaska><s 002-
p10s1> кивнула: «Говорите!»’

"Vy učinili jste z domu otce mého ‘«Вы превратили дом отца моего
peleš lotrovskou!" řval Krucifix a в вертеп разбойников! – взревел
pokynul svým: "Zkonfiskujte jejich Круцификс и дал знак своим
hříšné peníze, aby chudým rozdány спутникам: – Конфискуйте их
byly!" <doc S|NOV|1996|klima><s грешные деньги, чтобы раздать
004-p209s3> их бедным!»’

Напомnutí

Элементом «авторитарного» участка чешского поля побуждения, не имеющим формального аналога в русском языковом пространстве, является **напомnutí** — *одергивание [букв. напоминание⁷]. О. Мюллерова определяет данное побуждение как «вариант приказа и запрета, реализующийся прежде всего в определенных ситуациях, чаще всего в школе, в семье, при общении взрослых с молодежью и т.п.» [Müllerová 1979: 69]. «Авторитарность» подобного типа побуждения, как нам представляется, несколько завуалирована, ср.:

⁷ Е. А. Филатова относит глагол *напоминать* к числу номинаций речевых актов побуждения в русском языке [Филатова 1997: 64], однако **напоминание** в качестве побудительного речевого акта не анализирует. В качестве **просьбы-напоминания** характеризуется высказывание [мать сыну:] *Ты не хочешь сходить в магазин?* в [Безяева 1998: 55].

*Řekni mu tedy, že jsem tě **napomínal**,
abys byl hodnej a dělal mu všechno,
co tu na očích vidíš* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) ‘Скажи ему, что я учил тебя
быть послушным и выполнять
все, что он ни пожелает.’

Данный подтип побуждения часто осложняется коннотацией упрека⁸, ср.:

*“Lído!” **napomenula** ji. “Takhle se
nemůžeš chovat!”* (V. Erben. Bláznova smrt) ‘«Лиди! — одернула ее мать. —
Не смей [букв. ты не можешь]
так себя вести!»’

Возможно, что в прошлом веке чешское **napomenutí** было ближе к русскому **напоминанию**, чем сейчас, ср.:

*Pánové a dáme, vy odpustíte, že vás
ještě jednou **napomínám**, abyste zde
v salónu netančili!* (J. Neruda. Merenda nestřídmych) ‘Дамы и господа! Вы меня про-
стите, что я вас еще раз прошу
[букв. что я вам еще раз **напо-
минаю...**] не танцевать здесь в
салоне’

Обозревая в целом средства и способы экспликации «авторитарного» побуждения в современном чешском языке, следует отметить большую, чем для ряда побудительных высказываний иных типов, узуальность побуждения через тематизацию действия или его последствий и меньшую — через тематизацию необходимости или возможности, ср. следующие диаграммы, иллюстрирующие употребительность средств и способов экспликации различных типов побуждения в текстах «Чешского национального корпуса» (учитывались примеры, содержащие соответствующий интерпретирующий предикат в качестве комментария к побудительному высказыванию):

Диаграмма 1 – побуждение, маркированное по признаку «высокая степень вероятности каузируемого действия, обусловленная авторитарной позицией Прескриптора» (условно «приказ»);

Диаграмма 2 – побуждение, маркированное по признаку «высокая степень мотивированности каузируемого действия» (условно «просьба»);

Диаграмма 3 – побуждение, маркированное по признаку «индикация полезности/неполезности для Агенса каузируемого действия» (условно «совет»);

⁸ Именно это обстоятельство, по-видимому, обусловило следующий вид словарных статей в [ЧРС 1976]:

napomín||ati³⁹², -ám *nedok* сделатьI замечание кому.

napomen||outi³³⁸, -u *dok koho* сделатьI замечание кому • ~**nout žáka z matematiky škol.** сделатьI выговор ученику за плохую успеваемость по математике.

Мы тем не менее полагаем, что приведенные выше примеры позволяют рассматривать упрек именно как факультативную коннотацию, а не как составную часть основного значения *napomenutí*.

Диаграмма 4 – сводная диаграмма по всем типам побуждения (включая побуждение, не маркированное по названным признакам – условно «предложение»).

Диаграмма 1

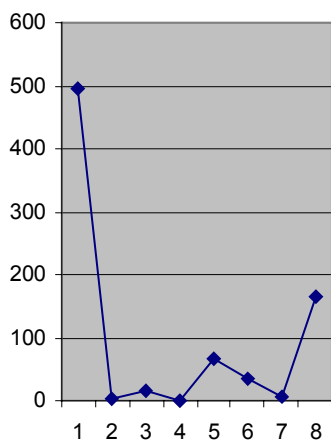

Диаграмма 2

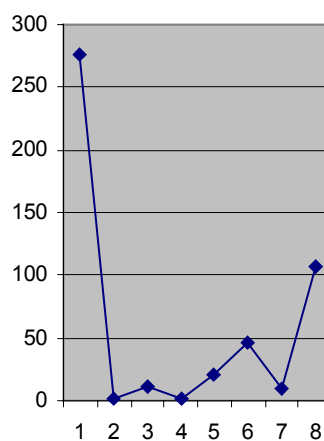

Диаграмма 3

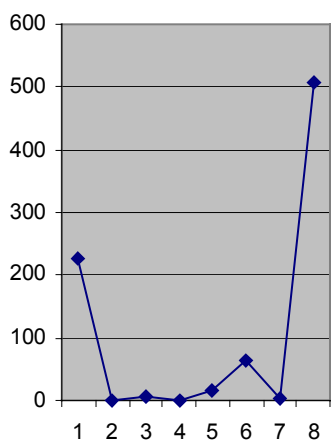
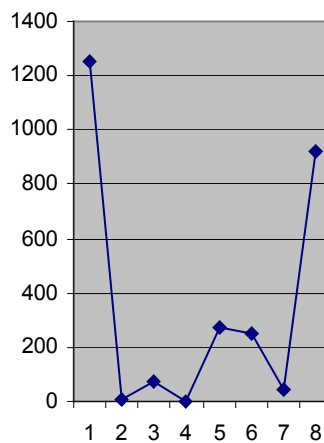

Диаграмма 4

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.

3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через тематизацию действия.
6. Побуждение через тематизацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через тематизацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

Л и т е р а т у р а

- Арутюнов А. Р., Паролкова О., Лизунов В. С.* Чешско-русские речевые параллели в темах и ситуациях. – М.: Русский язык, 1988. – 336 с.
- Безяева М. Г.* Вариативный ряд конструкций русской просьбы // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 2. – М.: Диалог МГУ, 1998. – С. 51-70.
- Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. – 167 с.
- Бирюлин Л. А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 1992. – 41 с.
- Болобова О. П.* Лингвистический аспект обеспечения надежности восприятия команд в автомобильном спорте // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. – М., 1994. – С. 49-54.
- Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 251-275.
- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
- Дорошенко А. В.* Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 26 с.
- Рождественский Ю. В.* Техника, культура, язык. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
- Филатова Е. А.* Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 253 с.
- Чешско-русский словарь // Под ред. *Л. В. Коцецкого* и *Й. Филипча*. – Москва—Прага: Русский язык; SPN, 1976. Т. I – 580 с.; Т. II – 864 с.
- Grepl M., Karlik P.* Skladba spisovné češtiny. – Praha: SPN, 1986. – 474 s.
- Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1987. D. III. – 748 s.
- Müllerová O.* Komunikativní složky výstavby dialogického textu. – Praha, 1979. – 161 s.
- Příruční mluvnice češtiny. – Brno: Lidové Noviny, 1996. – 800 s.
- Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost / Red. *J. Filipec, Fr. Daneš et al.* – Praha, 1978. – 800 s.; 2. vyd. – Praha: Academia, 2000. – 648 s.
- Slovník spisovného jazyka českého / Red. *B. Havránek, J. Bělič, M. Hečkl, A. Jedlička, V. Křístek, F. Trávníček et al.* – Praha, 1989. Dd. I. – 555 s.; II. – 594 s.; III. – 637 s.; IV. – 717 s.; V. – 654 s.; VI. – 425 s.; VII. – 442 s.; VIII. – 608 s. [2. vyd.].

Семантическое описание русского глагольного конфикса *на-* *-ся*

© Ю Чул Чжон (Республика Корея), 2002

1. Введение

В общей морфологии и в теории словообразования конфиксом называется разрывный аффикс, формально состоящий из двух частей, но функционирующий как единая, самостоятельная морфема [Плунгян 2000: 95-97; Мельчук 1975: 42; 1997: 49; ЛЭС 1990: 59-60] (кроме конфикса употребляется и термин «циркумфикс»).

В русском языке можно выделить 17 глагольных конфиксов: *в-* *-ся*, *вз-* *-ся*, *вы-* *-ся*, *до-* *-ся*, *за-* *-ся*, *из-* *-ся*, *на-* *-ся*, *о-* *-ся*, *об-* *-ся*, *от-* *-ся*, *под-* *-ся*, *пере-* *-ся*, *при-* *-ся*, *про-* *-ся*, *раз-* *-ся*, *с-* *-ся*, *у-* *-ся*. Эти конфиксы имеют форму «простой префикс + постфиксальный элемент *-ся/сь*», но в процессе словообразования они присоединяются к простым глаголам комплексно и выражают словообразовательные значения, отличающиеся от суммы значений простых префиксов и постфикса *-ся/сь*. В настоящее время многие исследователи считают, что глагольные конфиксы представляют собой самостоятельные словообразовательные единицы, и они должны рассматриваться отдельно от соответствующих префиксов, хотя, конечно, в тесной связи с ними [Зализняк 1995: 150; Guiraud-Weber 1988: 34-35]. Такой точки зрения придерживаемся и мы.

Среди отмеченных глагольных конфиксов *на-* *-ся* проявляет высокую словообразовательную продуктивность и участвует в образовании большого количества производных глаголов: ср. *набегаться*, *наглядеться*, *нагуляться*, *накричаться*, *налюбоваться*, *насидеться*, *насмотреться*, *начитаться* и мн. др.

Эти глаголы так же, как и другие конфиксальные дериваты, уже давно привлекали внимание лингвистов, занимавшихся «способами глагольного действия» и внутриглагольным словообразованием, хотя в традиционных исследованиях они часто назывались не конфиксальными, а префиксально-постфиксальными производными глаголами, см. [Исаченко 1960: 246-247; Бондарко, Буланин 1967: 19; Авилова 1976: 303, 306; ПРГ 1979: 258-259; Шелякин 1983: 189-190; РГ 80: 386,602; Кронгауз 1998: 118-119; Зализняк, Шмелев 2000: 116].

Семантическое описание дериватов с конфиксом *на-* *-ся* в этих работах, при всей его тонкости, нам представляется все же недостаточно детальным и полным. В частности, некоторые авторы не последовательно разграничивают значение конфикса *на-* *-ся* и значение «кумуля-

тивного способа действия», представляемого префиксом *на-*. Кроме того, большинство исследователей определяет значение конфикса *на-* на весьма абстрактном уровне, не обращая достаточного внимания на существование нескольких типов значений данного конфикса.

В связи с этим, мы хотели бы сначала коротко остановиться на главных различиях значения конфикса *на-* и «кумулятивного» значения префикса *на-*. Основную же часть работы мы посвятим конкретным типам значений конфикса *на-*.

2. Дериваты с конфиксом *на-* и с префиксом *на-*

Дериваты с префиксом *на-* («кумулятивный способ действия» или «накопительный способ действия») образуются, в первую очередь, от переходных базисных глаголов, и дополнение при них выражается либо родительным-партитивным, либо сочетаниями с количественными словами типа *много, массу, уйму, множество* и т. п.: ср. *наварить каши, закупить (массу) вещей, наделать (много) ошибок* и т. п. Префикс *на-* у этих дериватов указывает на большое количество накопленных объектов. Ориентация префикса *на-* в «накопительном» значении на объект так сильна, что даже непереходные «глаголы движения» при сочетании с ним превращаются в переходные глаголы: ср. *За этот сезон он набегал свыше трехсот километров; Таксист наездил за день десять тысяч рублей; Летчик налетал два миллиона километров.*

Когда префикс *на-* имеет дело не с количеством объекта, а с количеством субъекта, образование «накопительного способа действия» сопровождается трансформацией в бесподлежащую конструкцию с субъектом в родительном-партитивном: ср. *набежало народу, навалило снегу, напало листьев* и т. п. Здесь выражается значение множественности субъекта: 'много народу', 'много снегу', 'много листьев'.

Дериваты с конфиксом *на-* -ся, в отличие от дериватов с префиксом *на-*, образуются, в большинстве случаев, от непереходных глаголов и выражают количественную оценку самого действия: ср. *наговориться вволю; нагуляться влать; набегаться до усталости; накуриться до головной боли; напиться до чертиков* и т. д.

И даже в тех редких случаях, когда дериваты с *на-* образуются от переходных базисных глаголов и берут дополнение в родительном-партитивном, их значение отличается от значения дериватов с префиксом *на-*, выражающих множественность актантов. Проиллюстрируем это следующими примерами:

а) *Намыли огурцов; Настирать рубашек;*

б) *Не ругай ты, мать, меня, Наживешься без меня.. Сама половнамоешься, Белья ты настираешься* (Русские частушки).

Здесь дериваты с *на-* (*намыть, настирать*) прежде всего указывают на большое количество объектов, подвергнутых действиям, обозначенным базисными глаголами. Множественность самого действия выражается лишь косвенным образом. Между тем, дериваты *намыться, настираться*, хотя они тоже имеют дополнение в родительном падеже, что и дериваты с префиксом *на-*, все-таки не столько передают накопление этих объектов, сколько акцентируют количественную оценку самого действия, приводящую к чувству насыщения или пресыщения субъекта. Здесь, наоборот, множественность объектов выражается лишь косвенно.

Таким образом, главные семантические различия между конфиксом *на-* *-ся* и простым префиксом *на-* заключаются в том, что последние выражают количество актантов (объектов или, реже, субъектов), тогда как первые передают количественную оценку самого действия.

3. Типы значений производных глаголов с конфиксом *на-* *-ся*

Наш анализ конкретных употреблений производных глаголов с конфиксом *на-* *-ся* показал, что типов его значений в общей сложности можно выделить три:

А. Значение 'совершать действие до полного удовлетворения';

Б. Значение 'совершать действие очень много до отрицательных последствий';

В. Значение 'совершать действие очень много'.

В первом типе значений ('до полного удовлетворения'), дериваты описывают такую ситуацию, когда субъект совершает какое-то действие столько, сколько он хочет, или до такой степени, что он больше не хочет продолжать его. Данный тип значений может быть разграничен более детально в зависимости от того, какой семантический оттенок выдвигается на первый план, «насыщенность» или «пресыщенность»: ср. *А то устроюсь библиотекарем. Вот уж где **начитаюсь*** (Авдеев), с одной стороны, и – *Нет, голубушка, книжки в сторону: довольно **начиталась**, очень довольно, пора, матушка, за дело приниматься* (Герцен), с другой.

Во втором типе значений ('очень много до отрицательных последствий') дериваты обозначают предельную меру действия уже без указания на чувство субъекта (насыщенность или пресыщенность). Они сообщают о том, что субъект совершает какое-то действие «очень много» или «предельно много», в результате чего у него появляются какие-то отрицательные последствия. Последние представляют собой непосредственные и «естественные» результаты предельной меры действия: ср. ***наработаться до усталости, нахлопотаться до изнеможения; напиться до чертиков, надратся до белой горячки; Она насмотрелась американских триллеров и теперь не может заснуть*** и т. д. и т. п. В

зависимости от характера отрицательных последствий можно выделить подгруппы дериватов с данным значением.

Наконец, в третьем типе значений ('совершать действие очень много') дериваты с конфиксом *на-* *-ся* обозначают просто предельную меру действия без указания на насыщенность (пресыщенность) субъекта или какие-либо отрицательные последствия. Во многих случаях базисные глаголы дериватов данной группы уже содержат в своей семантике отрицательный оттенок: ср. *наголодаться*, *настрадаться*, *натерпеться* (страха); *насмотреться* (всяких), *навидеться* (разных небылиц).

Нужно отметить, что при выделении отмеченных типов значений мы во многом опирались на «метод рядов», принятый рядом исследователей семантики аффиксов [Зализняк 1995; Кронгауз 1998; Плунгян 2001]. Авторы этих работ выделяют ряды производных глаголов с определенным аффиксом на основе сходства семантических и синтаксических свойств соответствующих глаголов, а точнее, их употреблений. При таком подходе один глагол в разных употреблениях может попадать в разные ряды. Так, дериват *насмотреться* входит в разные группы в зависимости от своих употреблений: ср. *Мать не могла **насмотреться** вдоволь на своего сына* (тип А); *Честный программист стал хакером, **насмотревшись** сериалов* (фантастических телесериалов «Bugs» ('жучки') о приключениях хакеров) (Тип Б); *Я **насмотрелся** всяких небылиц* (Тип В).

Кроме того, в принятом подходе значение аффикса понимается как общая часть толкований производных глаголов, входящих в тот или иной ряд, т. е. практически типовое значение производных глаголов определенной группы.

В дальнейшем изложении, мы будем рассматривать каждый тип значений производных глаголов с конфиксом *на-* *-ся* более подробно. Наше изложение будет следовать следующей схеме:

- 1) семантика дериватов с конфиксом *на-* *-ся* данной (под)группы;
- 2) список дериватов данной (под)группы;
- 3) комментарий (при необходимости);
- 4) контекстуальные распространители дериватов данной (под)группы. Они представляют собой типовые контексты, которые поддерживают или усиливают конкретное значение конфикса. С другой стороны, эти распространители служат формальной основой для выделения данного значения у определенных дериватов.

А. Значение 'до полного удовлетворения'

1). Семантика дериватов с конфиксом *на-* *-ся* данной группы

Дериваты с конфиксом *на-* *-ся* данной группы выражают, что субъект совершает какое-то действие столько, сколько он хочет, до такой

степени, что он больше не хочет совершать его. Состояние «насыщения» может наступить как в результате однократного, но интенсивного действия (ср. – *Спасибо, я уже **наелся***), так и в результате многократного и продолжительного действия (ср. *Поеду во Францию, там **напьюсь вина***).

В семантике дериватов данной группы имеется **пресуппозиция**, что субъект хотел совершать данное действие, потому что оно ему нравится или, может быть, потому что просто ему хочется совершать его (ср. *наплакаться*) и совершил его очень много. **Ассерция** дериватов заключается в том, что мера совершения действия достигает некоего количественного предела, после которого субъект больше не хочет продолжать данное действие (состояние насыщенности). То, что семантика дериватов данной группы имеет именно такую структуру, подтверждается тем, что при отрицании глаголов пресуппозиционная часть их значения не подвергается отрицанию, а отрицается только асертивная часть: ср. *Сколько годов я тут прожил и **все не нажился*** (Бунин). Данное высказывание сообщает о том, что субъекту нравится жить в данном месте и он жил там достаточно долго, но все еще не чувствует насыщения (т. е. ему все еще хочется жить в данном месте). Как видно, отрицанию подвергается только асертивная часть значения *нажиться*, а не пресуппозиция.

С другой стороны, достижение такого количественного предела, после которого субъект чувствует насыщенность, подчеркивается вспомогательным глаголом *успеть*: ср. – *Добро, будет, Алексей! – сказал **запорожец**. – Успеешь **нарадоваться** и **нагореваться** после; теперь нам не до того (Загоскин); [*Катерина:*] **Надуматься-то да **наплакаться-то** еще успею на досуге** (А. Островский); *А думать тебе рано. Успеешь за жизнь **надуматься*** (К. Паустовский).*

2). Список дериватов данной группы

МАС фиксирует большое количество дериватов с *на-* -ся с данным значением: *набаловаться*¹, *набегаться*, *наболтаться*, *наоборотся*, *набродиться*, *набрюзжаться*, *навалаться*, *навеселиться*, *навизжаться*, *навозиться*, *наворчаться*, *навыться*, *наглядеться*, *наговориться/наговариваться*, *нагоняться*, *нагореваться*, *нагоститься*, *нагуляться/нагуливать*, *надивиться*, *надивоваться*, *надуматься*, *надурачиться*, *надышаться*, *наестся/наедаться*, *нажеваться*, *нажиться*, *нажраться/нажираться* 'наестся (о животных)', *назеваться*, *наиграться*,

¹ Дериват *набаловаться* здесь образован от возвратного глагола *баловаться* или *баловать* в значении 'играть, забавляться // резвиться, играть (о животных) // заниматься, чем-л. ради удовольствия или обращать в забаву что-л. серьезное' и тем самым отличается от деривата одной и той же формы, образованного от префиксального глагола *набаловать* в значении 'испортить излишним баловством // Балуюсь, что-л. испортить, причинить кому-, чему-л. вред, неприятности'.

*накалякаться, накататься, накачаться 'вдоволь покачаться', накле-
ваться, накоклетничаться, накомандоваться, накричаться, накру-
житься, накупаться, накуриться, накушаться, налазиться, налакаться
'вдоволь, досыта полакать (о животных)', налакомиться, налаяться,
належаться, налетаться, нализаться 'вдоволь полизать', наломаться
'вдоволь поломаться, поиздеваться над кем-л.', налопаться 'наесться',
налюбезничаться, налюбоваться, намечтаться, намиловаться, намол-
чаться, намотаться, нанежиться, нанюхаться, наозорничаться, на-
ораться, напастись, напеться, написаться, напиться 'наесться',
напиться, наплаваться, наплакаться, наплескаться, напроситься, на-
прыгаться, наработаться, нарадоваться, нареветься, нарезатьвиться,
наругаться, насвистаться 'посвистать много, вдоволь', насвистеться,
насидеться, наскучаться, наслужиться, наслушаться, насмеяться
'посмеяться вдоволь', настучаться, натапцеваться, натараториться,
натешились 'вдоволь потешиться', натолкаться, натолковаться, на-
топаться, натоптаться, нафилософствоваться, нахвалиться, нахва-
статься, нахлебаться, нахлестаться 'вдоволь похлестать себя чем-л.',
нахлопотаться, находиться, нашагаться, нашалиться, нашептаться.*

БАС фиксирует еще большой разряд дериватов, которых не отмече-
ны в МАС, что свидетельствует о высокой продуктивности данной сло-
вообразовательной модели:

*набатрачиться, набахвалиться, набеседоваться, набеситься, на-
блажиться, набормотаться, набросаться, набрехаться, набрызгаться,
набунтоваться, набушеваться, набуяниться, навертеться, на-
врать, навластноваться, наволочиться, наворковаться, наворочать-
ся, наглазеться, наглодаться, нагрызться (семячек), надвигаться, на-
драться 'вдоволь, много подрасться', надрематься, нажужжаться,
назавтракаться, назубриться, наколоться, накаркаться, накоситься,
накидаться, наклеветаться, наклеузничаться, наковать, наковы-
ряться, накувыркаться, накуликаться, накусаться, накутиться, наме-
ситься, намитинговаться, намолиться, намолоться, намошенничать-
ся, намыться, нанежничаться, наохаться, наохотиться, напахаться,
напилиться, напироваться, наплеваться, наплестись, наплутоваться,
наползаться, напоститься, напраздноваться, напричитаться, напря-
статься, напутешествоваться, напьянствоваться, нарезатьаться (дров),
нарисоваться, нарубиться (дров), нарыдаться, насердиться, наска-
каться, наскитаться, наскулиться, наслоняться, насоветоваться,
насплетничаться, наспориться, настираться, настрогаться, настран-
ствоваться, настреляться, настряпаться, насудачиться, насудиться,
насуетиться, насутяжиться, насутяжничаться, наспаться, натас-
каться (по улицам), натаскаться (тяжестей), наторговаться, натре-
паться, натрепцаться, натрубиться, наудиться, наудиться, науужи-*

наться, нафыркаться, нахлопаться, нахныкаться, нахрапиться, нацеловаться, начерпаться, начесаться, нашататься, нашитья, нашуметься, нашутиться, нашушукаться, нацеголяться, нацелкаться, наябедничаться.

3). Комментарий

3.1). Дериваты данной группы в большинстве своем образованы от глаголов, обозначающих «контролируемую деятельность» [Булыгина 1982: 7-85; Падучева 1996: 122-151] или, по крайней мере, должны интерпретироваться в определенном контексте как таковые; неконтролируемые действия не образуют дериватов с указанным значением: ср. невозможны образования типа **навидеться вдоволь* (ср. *насмотреться вдоволь*), **наслышаться вдоволь* (ср. *наслушаться вдоволь*), **наволноваться вдоволь* (ср. *нарадоваться вдоволь*), **налюбоваться*, основы которых описывают неконтролируемые субъектом состояния.

3.2). Если базисный глагол имеет прямой объект в винительном падеже, то у деривата с *на-* *-ся*, образованного от него, это дополнение выражается, главным образом, в форме родительного падежа, и реже творительного: ср. *Оба проголодавшиеся приятеля, подсев к закуске, наелись хлеба с маслом, полотка и соленых грибов* (Л. Толстой); *Мы настрелялись уток; Напиться чаю* (или *чаем*); *[Настя] не могла нахвалиться дисциплиной, толковостью и даже золотым нравом новой трактористки* (Николаева);

Если базисный глагол имеет объект, выраженный другими (не винительным) падежами, то они сохраняются и у дериватов с *на-* *-ся*: ср. *Вашей хозяйственной деятельности я не нарадуюсь* (Л. Толстой); *Дай мне тобой налюбоваться* (Языков); *Мать на сына не насмотрится* (СО).

4). Контекстуальные распространители дериватов данной группы

В высказываниях значение дериватов данной группы поддерживается контекстуальными распространителями следующих типов:

4.1). Наречиями типа *вволю, вволюшку, вдоволь, вдосталь, всласть, досыта*: ср.

Вволю: *Оставшаяся одна Анфиса, наплакавшись вволю, легла спать во втором часу ночи* (Булгаков); *[В «нарядной»] можно ... накуриться вволю, чтоб потом восемь часов не курить в шахте* (Б. Горбатов. Донбасс);

Вволюшку: — *Матюшка, пойдём-ка, брат, на конную, нашилились здесь вволюшку* (Григорович);

Вдоволь: *Наговорившись вдоволь, старики затихают* (Тарасов); *[Воевода:] Не прячь своих очей И ненаглядной красоты девичьей, Дай наглядеться, дай на расставанье Налюбоваться вдоволь про запас* (А.

Островский); [Старик] **нахлестался** вдоволь, окатился дубовой водой и быстро спустился вниз – круглый, красный (Морев);

Вдосталь: *И на весь следующий день был снят бессменный караул. Ревностный конвоир дал, наконец, и себе полную свободу. Он вдосталь **наохотился**, **набегался** по лесам, вдосталь **належался** на солнышке – изредка лениво, с чувством собственника, поглядывая с вершины холма на раскинувшийся поселок (Владимов); [Купава:] Девичьей ласкою Вдосталь **натешившись**, Вдоволь **нахваставшись**, При людях девицу Назвал бесстыжею (А. Островский);*

Всласть: ***Написавшись** всласть, он ложился спать (Гоголь); **Наругавшись** всласть, он уходил куда-нибудь в холодок и спал (Мамин-Сибиряк); Поющих колокольчиков, Воркующих бубенчиков **Наслушавшись** всласть (Некрасов);*

Досыта: *Что-то поддельвают в деревне наши братцы и сестрицы? Все, должно быть, досыта **нагулялись**, **набегались**, **налакомились** ягодами и загорели (Достоевский); — Там на вечере будем свободны, ничем не связаны; понимаешь, воля! — досыта **нашалимся**, **набесимся** (Данилевский).*

4.2). Разными отрицательными синтаксическими конструкциями: как отмечено выше, в отрицательных высказываниях, включающих дериваты данной группы, под отрицание попадает только ассертивная часть значения глаголов, в результате чего получается значение 'в процессе совершения действия его мера еще не достигала количественного предела, после чего субъект не хочет продолжать данное действие, поэтому он все еще хочет продолжать его'. Чаще всего речь идет о таких ситуациях, когда субъект никак не может дойти до насыщения или пресыщения, совершая данное действие, поскольку последнее ему так нравится, что он хочет еще и еще продолжать совершать его. Но возможна несколько другая ситуация: ср. *Ну, что ты, еще не **наплакалась**?*

а) **не мочь** + дериваты с **на-** -ся (Vinf): ср.

- Герр Лемке не мог на вас **нарадоваться** (Кунин); Я смотрю и не могу досыта **насмотреться** на эти плавные движения белой, осыпанной цветами ветки (Куприн); Я не мог отвести взора от черт ее лица, не мог **наслушаться** ее речей, **налюбоваться** каждым ее движением (Тургенев); Прошел уже год, как Иван Петрович сидит за кассой, и мы не можем **нахвалиться** нашим кассиром. Все честно и благородно... Не ворует ... (Чехов);

б) **нельзя** + дериваты с **на-** -ся (Vinf): ср.

Весна разгоралась – **надышаться** нельзя. Два часа бестолково ходил, набирал, набирал воздуха, тепла (Солженицын); Гоголем нельзя **начитаться**. Даже трудно представить себе человека, который прочел его один раз и более к нему бы не возвращался (Андроников);

в) **базисные глаголы (Vнаст.вр.НСВ) + дериваты с на- -ся (Vбуд.вр.СВ):** ср.

Досыта у Губонина Дают ржаного хлебушка. Жую – не нажуюсь (Некрасов); *Радуются не нарадуются на ненаглядное детище* (Салтыков-Щедрин); *Слушает Порфирий Владимыч Ильины речи и не наслушается их! Умный, верный мужик, этот Илья!* (Салтыков-Щедрин);

г) **все (еще) + не + дериваты с на- -ся (Vпрош.вр.СВ):** ср.

Сколько годов я тут прожил и все не нажился (Бунин); — *У тебя разве ноги отсохли, что ты не можешь постоять? ... Не належался еще?* (Гончаров).

5) Примечания

В некоторых употреблениях дериватов данной группы вместо семантического элемента 'насыщенность', т. е. значения «до полного удовлетворения», на первый план выдвигается 'пресыщенность'. Сема 'пресыщенность' может подчеркиваться соответствующими контекстуальными распространителями – наречием типа *довольно* или выражением типа *будет* в значении 'хватит': ср. — *Нет, голубушка, книжки в сторону: довольно начиталась, очень довольно, пора, матушка, за дело приниматься* (Герцен); — *И сегодня не сговорите, и завтра не сговорите...никогда! Будет! повластвовали! Наслушалась я довольно; послушайте теперь вы, каковы мои слова будут!* (Салтыков-Щедрин); *Здесь не по мне, не могу жить ... ничего не поделаешь. Насмотрелся на невежество – будет с меня.*

Б. Значение 'очень много до отрицательных последствий'

Если глаголы предыдущей группы выражают количественную оценку действия, связанную с чувством насыщения или пресыщения субъекта ('так много V, что больше не хочется'), то глаголы данной группы подчеркивают предельную меру действия, вызывающую отрицательные последствия.

Примечательно, что отрицательные последствия у дериватов с на- -ся являются непосредственно связанными с предельной мерой действия, представляют собой ее «естественные» исходы: предельная мера физической работы естественно приводит к физической усталости, предельная мера потребления алкоголя – к сильному опьянению, предельная мера умственной деятельности – к психологическому или ментальному изменению и т. д. Поэтому можно сказать, что дериваты данной группы непосредственно обозначают предельную меру действия и имплицитно указывают на отрицательные последствия (в отличие от дериватов с конфиксом до- -ся, которые, в первую очередь, указывают на отрицательные последствия и лишь в пресуппозиции имеют указание на из-

лишнее совершение действия). Сказанное объясняет, почему невозможны высказывания типа **Бегал, бегал, да и набегался; *Плясал, плясал, да и наплясался*, но возможны *Бегал, бегал, да и добегался; Плясал, плясал да и доплясался*. Конструкция с союзом *да и* выражает значение 'интенсивный процесс и его результат': повторение простых глаголов НСВ обозначают первую часть данного значения, а глаголы СВ акцентируют вторую часть. Естественно, глаголы с *на-* *-ся* данной группы не могут употребляться в этой конструкции, поскольку они имеют сему 'интенсивный процесс' как ассерцию своего значения, что создает тавтологию со значением повторительной формы простых глаголов НСВ. А глаголы *добегался* и *доплясался*, подчеркивающие именно отрицательные результаты, не создают такой тавтологии.

В зависимости от типов отрицательных последствий, которые подразумевают дериваты с *на-* *-ся*, можно выделить четыре подгруппы, о которых пойдет речь ниже.

Б.1. Значение 'очень много до последствий физической усталости'

1). Семантика дериватов с конфиксом *на-* *-ся* данной подгруппы

Базисные глаголы дериватов данной подгруппы обозначают физическую деятельность. Конфикс *на-* *-ся* при сочетании с ними указывает на предельную меру совершения этих действий, приводящую к физической усталости.

2). Список дериватов данной подгруппы

Словари МАС и БАС фиксируют следующие дериваты с указанным значением:

набегаться, набродиться, навозиться, нагоняться, накрутиться 'много, долго покрутиться, похлопотаться', *наломаться* 'утомиться от тяжелой, продолжительной физической работы', *намахаться* 'много, вдоволь помахать чем-л.' (БАС), *намотаться/наматываться, наноситься, наплутаться, наработаться, насидеться, наскакаться* (БАС), *настояться, натоптаться, натопаться, натрудиться, нахлопаться* (БАС), *нахлопотаться, находиться, нашагаться*.

3). Контекстуальные распространители дериватов данной группы

3.1). Предложно-падежная группа «до + род. п. сущ. со значением усталости»: ср.

Девки до устали намахаются платочками, натопчутся в кругу. Потом начнут каждого парня величать (Караваева); *Я доволен уже тем, что наскакался по простору .. до устали* (Марлинский); *Наплутавшись до изнеможения, Тавров направился по течению ключа* (Коптяева);

3.2). Синтаксическая конструкция до того ..., что ... включающая расширенный контекст, который указывает на физическую усталость (утомленность): ср.

*К полуночи капельмейстер, махая палочкой, до того **намахался**, что .. ухватился за барабан и вместе с ним повалился, как мертвый* (А. Н. Толстой);

3.3). Расширенный контекст:

- *Мы, бывало, деревья [в саду] **окапывали**. **Во, наломаешься**, --- **насилу к вечеру до избы доползешь*** (Серафимович); *Ей хотелось поскорее **прилечь, отдохнуть**, потому что она **досыта наработалась** в это утро* (Чернышевский); ***Шагу не наступишь: натрудилась нога*** (Асеев); *За день [Тимофей Ильич] **находился, устал, все тело ныло, старчески сухие ноги просились на покой*** (Бабаевский).

Б.2. Значение 'очень много до последствий сильного опьянения'

1). Семантика дериватов с конфи́ксом на- -ся данной подгруппы

Базисные глаголы дериватов данной подгруппы обозначают потребление алкоголя и конфи́кс на- -ся указывает на предельную меру употребления, приводящую к сильному алкогольному опьянению (см. ниже разряд а). Совсем близко к этому разряду стоит разряд дериватов *накуриться, нанюхаться*, обозначающих 'предельную меру потребления наркотика и сильное опьянение от него' (разряд б): ср. — *Я однажды **нанюхалась** кокаину и отравилась* (Паустовский). Употребление глагола *накуриться* в прямом смысле также может реализовать указанное значение: ср. *Неспящие сидят [в вагоне] и **до одурения накуриваются*** (Бунин).

2). Список дериватов данной подгруппы

а) МАС фиксирует следующие глаголы с значением 'большая мера потребления алкоголя и сильное алкогольное опьянение':

набраться/набираться, надраться/надираться, надрызгаться, нажраться/нажираться, назюзиться, назюзюкаться, накачаться/накачиваться, наклюкаться, налакаться, нализаться, налимониться, налопаться, напиться/напиваться, нарэзаться/нарезаться (нарезываться), насосаться/насасываться, наспиртоваться/наспиртовываться, натрескаться, натянуться/натягиваться, нахлестаться/нахлестываться;

БАС фиксирует еще два глагола с данным значением *насвистаться, насуслиться/насусливаться*: ср. — *Помнишь, как ты в Ростове-на-Дону **насвистался?** Бочонок с вином мы с Сашкой вдвоем еле-еле донесли, а ты его один выпил, да потом еще за ромом послал* (Чехов); — *Ну, давай скорей... — заключил долбоносый чиновник, больше других любивший **насуливаться**.. Он выпил и возвратил рюмку* (Генслер).

М. А. Кронгауз в своей работе [Кронгауз 1998: 118] дополняет данный ряд еще с такими глаголами, как *нажлечься*, *накваситься*, которые ни в МАС ни в БАС не отмечены.

б) *накуриться*, *нанюхаться*, *наколоться*.

3). Комментарий

Почти все глаголы разряда а) (кроме *напиться/напиваться*) зафиксированы в МАС со стилистической отметкой «груб. прост.» или «прост.».

4). Контекстуальные распространители дериватов данной подгруппы

Дериваты данной подгруппы сопровождаются контекстуальными распространителями следующих типов:

4.1). Наречия типа *вдребезги*, *допьяна*, *мертвецки*, *основательно*, *порядочно*: ср.

[Лузгин] *начинает каждый день **напиваться допьяна**, приводя в отчаяние свою жену и расстраивая свое здоровье* (Добролюбов); [Яков] *пьет умеренно, т. е. **мертвецки не напивается*** (Гончаров); *Ради субботнего дня ... он успел **основательно надраться*** (Нагибин); *Хозяйка поднесла французской водки, приятели налили себе в стаканы и **порядочно-таки натянулись*** (Слепцов);

4.2). Сравнительные обороты типа *как зюзя*, *как сапожник*, *как свинья*; *как стелька*: ср.

- *Приглядываюсь и вижу: мой тестюшка, **как зюзя**... **Нахлестался**, сволочь...* (Чехов); *Потом (дня 3 тому назад) я имел глупость взять его с собой на свадьбу: там он **натрескался, как сапожник**, остался и не приходил домой до вчерашнего дня* (Чехов); *Покупка моя довела меня до остервенения. Похож я на человека, который зашел в трактир только затем, чтобы съесть биток с луком, но, встретив приятелей, **нализался, натрескался, как свинья**, и уплатил по счету 142 р. 75 к.* (Чехов); *Жалею, что я не пьяница и не могу **нализаться, как стелька*** (Чехов);

4.3). Фразеологизированные обороты типа *до (зеленых) чертиков*, *до белой горячки*, *до синих тараканов*, *до положения риз*, *до беспамятства*: ср.

*Всегда не прочь **нализаться до положения риз**; **напившись** вечером до зеленых чертиков, утром встает как встрепанный...* (Чехов); *Утром все выяснилось. Выл доктор у соседей. Он **нажрался до чертиков**, а потом высунулся в иллюминатор и завыл с тоски* (Покровский); *Его задержали, составили протокол, и, ожидая следующего поезда, **напился он до беспамятства*** (Бунин).

4.4). Синтаксическая конструкция типа до того /так..., что ..., включающая расширенный контекст, который указывает на сильную степень опьянения: ср.

[Прохор] до того набрался, что с чрезвычайными усилиями встал на ноги (Шолохов); А потом так надрался с рабочими, что его два дня рвало желчью и он не мог головы оторвать от подушки – все кружится, все болит, ничего не хочется и на все наплевать. Поднялся он только на третий день (Домбровский); Когда же это я уснул? – повторил он. – Ах, старый хрен, старый хрен! Старая ты собака! Так, значит, налимонился, что сидя уснул! Хвалю! (Чехов);

4.5). Расширенный контекст: ср.

... Помнишь, как ты в Ростове-на-Дону насвистался? Господи, даже вспомнить страшно! Бочонок с вином мы с Сашкой вдвоем еле донесли, а ты его один выпил да потом еще за ромом послал... (Чехов);

Б.3. Значение 'очень много до последствий психологических или ментальных изменений'

1). Семантика дериватов с конфиксом на- -ся данной подгруппы

Базисные глаголы дериватов данной подгруппы обозначают умственную деятельность. Конфикс на- -ся выражает предельную меру совершения этих действий, приводящую к психологическому или ментальному изменению субъекта. О содержании конкретных отрицательных результатов указывается в контексте (см. примеры ниже). Кроме того, у дериватов данной подгруппы часто возникает оттенок осуждения, исходящего от говорящего. Поэтому они употребляются преимущественно в «не-Я предложениях», т. е. в предложениях, где в качестве субъекта выступает не первое лицо, а второе или третье лицо: ср. *“Я **начитался** французских романов и ...; “Я **насмотрелся** американских триллеров и ...*, и вполне нормальные *Он **начитался** французских романов и ...; Это ты **насмотрелся** американских триллеров.*

Кроме того, поскольку данная модель содержит указание на отрицательные последствия и оттенок осуждения, невозможны высказывания типа **Он **начитался** французских романов и теперь хорошо может судить о французской литературе; *Он **насмотрелся** американских боевиков и теперь может хорошо отличить фильм одного режиссера от другого;* чтобы получить нормальные высказывания, производные глаголы с на- -ся должны быть заменены на *прочитал много* и *посмотрел много*, соответственно, которые просто указывают на большую меру действия.

2). Список дериватов данной подгруппы

Данная подгруппа малочисленна. В нее входят три глагола:

Насмотреться (американских фильмов), начитаться (французских романов), послушаться (рассказней).

3). Комментарий:

Все дериваты данной подгруппы употребляются с дополнением в родительном-партитивном.

4). Контекстуальные распространители дериватов данной подгруппы

Дериваты данной подгруппы часто сопровождаются расширенными контекстами, описывающими психологические или ментальные изменения субъекта: ср.

*Он демонстрировал явственные замашки мелко́го сыщика, и я гадал, избрал ли он их самостоятельно, или **насмотрелся детективных фильмов** (Подольский); *У нас зам считал, что настоящий подводник в походе должен в пилотке ходить. С замами такое бывает. Это он **фильмов насмотрелся** (Покровский); Не так давно наши сызранские и чухломские детеныши, **начитавшись Майн-Рида и Купера, удирали из родительских домов и изображали бегство в Америку** (Чехов); **Начитались вы всякой слякоти, товарищ Поддубов, и разоружились идеологически!** (Солженицын); *Ребенок спать не может, **наслушался разных рассказней** (устная речь).***

В. Значение 'очень много'

В.1. Значение 'очень много' (значения базисных глаголов содержат отрицательный оттенок)

1). Семантика дериватов с конфиксом *на-* -ся данной группы

Если в семантике базисных глаголов уже содержится отрицательный оттенок, то конфикс *на-* -ся выражает только предельную меру действия. Сюда попадают, главным образом, глаголы, обозначающие «мучение», «страдание» или «неприятные для субъекта действия»: ср. *настрадаться, наголодаться, надрожаться* и др.

Некоторые исследователи толкуют значение конфикса *на-* -ся у дериватов данной подгруппы как '*до крайности*' и считают эти дериваты синонимами к дериватам с формантом *из-* -ся: см. толкование А. В. Исаченко глагола *намучиться*² 'помучиться до крайности, измучиться' [Исаченко 1960: 246]. Но, с нашей точки зрения, между дериватами с конфиксом *на-* -ся и с конфиксом *из-* -ся, все-таки имеются семантические различия. Конфикс *на-* -ся подчеркивает предельную меру самых мучительных действий, в то время как *из-* -ся фокусируется на конечном

² Мы не считаем дериват *намучиться* конфиксальным, поскольку у него есть и префиксальный коррелят *намучить* и постфиксальный коррелят *мучиться*. Но, с семантической точки зрения он похож на чисто конфиксальные дериваты типа *настрадаться, натерпеться, наголодаться* и др.

результате множественности мучительных действий, а именно на исчерпанности силы, энергии, работоспособности субъекта. Сказанное подтверждается невозможностью замены дериватов с *на-* -ся из следующих примеров, где вопросительное местоимение *сколько* подчеркивает именно большое количество действия, на дериваты с *из-/ис-* -ся: ср. *Никакое перо не напишет, сколько **настрадалась** (* *исстрадалась*) я за это время* (Дружинин); — *Сколько я еще **натерзаюсь** (* *истерзаюсь*), прежде чем она .. успокоит мои мученья?* (Лесков).

2). Список дериватов данной подгруппы

набедствоваться, наголодаться, нагрустить, надрожаться, наждаться, назябнуться, намыкаться (горя), намытариться, нанянчиться, наприниматься (горя), настрадаться, натерзаться (БАС), натерпеться (горя), натомиться, натрудиться, натужиться, натрястись 'много, долго потрястись (при езде по тряской дороге, в тряском экипаже и т. п.)', нахвораться (БАС), начихаться (БАС).

К данной группе примыкают идиоматизированные значения дериватов *наплакаться* 'испытать много неприятностей, огорчений' и *наплясаться* 'настрадаться от чего-л.': ср. — *Вы еще у меня вспомните это! Вы еще **наплачетесь** досыта!* (Куприн); — *Ужо тебя к ответу потянут, голубчика; вот ты ужо **напляшишься*** (Тургенев).

3). Комментарий

Производные глаголы, семантически похожие на указанные конфиксальные дериваты типа *намаяться, намориться, намучиться* не включены в список, поскольку у них есть соответствующие префиксальные глаголы без *-ся* *намаять, наморить, намучить*. Последние с возвратными дериватами с *-ся* вступают в отношения «каузатив» — «декаузатив».

4). Контекстуальные распространители дериватов данной подгруппы

4.1). Наречия типа *отчаянно, порядочно, предостаточно, так и даже вдоволь*³: ср.

Начихалась я отчаянно.** Каждая страница поднимала облако пыли* (Л. Авилова. А. П. Чехов в моей жизни); — *А ведь он **порядочно наголодался** в молодости, — подумал студент* (Куприн); *Без пяти минут принцесса [супруга кронпринца Норвегии Хаакон, бывшая официантка] просила журналистов больше не припоминать ей ее прошлого. Что ж, уважим. Тем более что **настрадалась** Метте-Марит от пронырливых напарницы **предостаточно («Итоги»); *[Под горою] дорога совсем другая: широкая, ровная, укатанная, без малейших рытвин, без ухабов, по которым **так** намаялись-**натряслись** перед горой* (Фурманов); *Идет он по лесу и весь даже в поту от страха: все кажется, что кругом раз-*

³ Наречие *вдоволь* в сочетании с дериватами данной группы не передает значение 'до полного удовлетворения', а значение 'очень много'.

бойники пересвистываются! И только уж, когда он вдоволь надрожался, вдруг его словно обухом по голове: «а ведь это у меня в носу...» (Салтыков-Щедрин);

4.2). Наречные обороты типа сверх меры: ср.

Люди намыкались, наголодались сверх меры (Дворкин);

4.3). Синтаксическая конструкция до того ..., что ... включающая расширенный контекст, который указывает на предельную меру страдания: ср.

- *Пока сели мы на пароход, до того намытарились, что, как вспомню, и сейчас кровь закипает!* (Фадеев);

4.4). Синтаксический фразеологизм⁴ Ты (Он, Она) + у меня + дериваты с на- -ся (Vбуд.вр.СВ): ср.

- *Наплачется он у меня! Узнает, каково идти на Троекурова* (Пушкин); — *Постой ты, бесовский кузнец, .. ты у меня напляшешься!* (Гоголь);

В.2. Значение 'очень много разных'

1). Семантика дериватов с конфи́ксом на- -ся данной подгруппы

Базисные глаголы данной подгруппы обозначают восприятие или жизненный опыт (*видеть, глядеть, смотреть, слушать*). Дериваты с конфи́ксом на- -ся выражают разнообразие объектов, подвергших к этим действиям.

2). Список дериватов данной подгруппы

навидеться (всего), навидаться (много чего), наглядеться (всякого), наслушаться (всяких небылиц), насмотреться (всего);

3). Контекстуальные распространители дериватов данной подгруппы

3.1). Дериваты данной подгруппы имеют дополнение в родительном-партитивном, включающее количественные местоимения типа всего/всех, всякого/всяких, разного/разных, много, которые показывают множественность разнообразных объектов: ср.

Я-то всего навиделся, страшно и вспомнить! Смолоду где только не перебывал! (Саянов); [*Зорин:*] *Как уехал из деревни, поступил на завод. Ну, малость, конечно, побродяжил. ... Так что нагляделся всякого* (Арбузов); [*Уланбекова:*] *На этих гуляньях только нравственность портится. Там всяких мерзостей наслушаешься! Ты еще мальчик, нечего тебе там делать* (А. Островский); — *А ты что же, моряк? –*

⁴ Синтаксический фразеологизм есть фразеологизм, который состоит из лексемных переменных и служебных лексем (связки, частицы, предлог или союз), и выражает особое значение, не выводимое из его составляющих. См. [Всеволодова, Лим 2002; Мельчук 1995; Шведова 1980: 85, 385; Шмелев 1960: 47-60]

*спросила теперь она. – Да, моряки мы. – Что ж, далеко были? – Да не близко. **Всего насмотрелись** (Л. Толстой);*

3.2). Квазивопросительная конструкция *чего не + дериваты на- -ся*, выражающая множественность разнообразных событий: ср.

– *Жизнь моя, вы сами знаете, не коротенькая. Чего, живучи на свете, не **навидался** я (Мельников-Печерский); Вот Лев Николаевич рассказал нам о войне, о том, чего-чего он там **не насмотрелся**: убитых, раненых, больных ... (В. С. Морозов)*

4. Заключение

Конфикс *на- -ся*, в отличие от «кумулятивного» значения префикса *на-*, связанного с множественностью актантов (объектов или реже субъектов), указывает на количественную оценку (предельную меру) самого действия.

Предельная мера действия может связаться с положительным результатом (ср. значение 'до полного удовлетворения') или может привести к отрицательными последствиями (ср. значение 'очень много до отрицательных результатов'). В случае, когда отрицательный оттенок уже заключен в семантике базисных глаголов, конфикс *на- -ся* передает чистую количественную оценку без указания на дополнительные смыслы (ср. значение 'очень много').

Значения конфикса *на- -ся* поддерживаются или подчеркиваются различного рода контекстуальными распространителями: наречиями, предложно-падежными группами, фразеологизированными оборотами, особыми синтаксическими конструкциями и более широкими контекстами.

Изучение контекстуальных распространителей способствует более четкому и объективному вычленению конкретных значений конфиксов. Кроме того, такое изучение может оказаться продуктивным и при исследовании взаимодействия разных уровней языка (словообразования и лексики, словообразования и синтаксиса и др.).

Л и т е р а т у р а

1. Авилова 1976 – *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
2. БАС — *Словарь современного русского литературного языка.* В 17-и томах. М.-Л., 1950-1965.
3. Бондарко, Буланин 1967 – *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967.
4. Булыгина 1982 – *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предиктов. М., 1982. С. 7-85.

5. Всеволодова, Лим. 2002 – *Всеволодова М. В., Лим С. Е.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М., 2002.
6. Зализняк 1995 – *Зализняк Анна А.* Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian Linguistics*. 1995. Vol. 19, № 2. С. 143-185.
7. Зализняк, Шмелев 2000 – *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
8. Исаченко 1960 – *Исаченко А. В.* Грамматической строй русского языка. Морфология II. Братислава, 1960.
9. Кронгауз 1998 – *Кронгауз М. А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
10. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
11. МАС – Словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1985-1988.
12. Мельчук 1975 – *Мельчук И. А.* Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // *Семиотика и информатика*. Вып. 6. М., 1975. С. 5-50. [Перепечатано в Мельчук 1997 с некоторыми модификациями].
13. Мельчук 1995 – *Мельчук И. А.* Un affixe derivationel et un phrasème du russe moderne // *Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст»*. М., 1995. С. 325-346.
14. Мельчук 1997 – *Мельчук И. А.* Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // *Семиотика и информатика*. Вып. 35. М., 1997. С. 15-58.
15. Падучева 1996 – *Падучева Е. В.* Таксономические категории глаголов imperfectiva tantum // *Семантические исследования*. М., 1996. С. 122-151.
16. Плунгян 2000 – *Плунгян В. А.* Общая морфология. М., 2000.
17. Плунгян 2001 – *Плунгян В. А.* Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // *Глагольные префиксы и префиксальные глаголы*. М., 2001. С. 95-124.
18. ПРГ 1979 – *Русская Грамматика*. PRAHA, 1979.
19. РГ 80 – *Русская Грамматика*. Т.1. М., 1982.
20. СО – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.
21. Шведова 1980 – *Шведова Н. Ю.* (ред). *Русская Грамматика*. Т.2: синтаксис. М., 1980.
22. Шелякин 1983 – *Шелякин М. А.* Категория вида и способы действия русского глагола (Теоретические основы). Талин, 1983.
23. Шмелев 1960 – *Шмелев Д. Н.* О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // *ВЯ*. 1960. № 5. С. 47-60.
24. Guiraud-Weber 1988 – *Guiraud-Weber M.* L'aspect du verbe russe. Essai de presentation. Aix-en-Provence, 1988.

Синонимические отношения в семантических полях 'ЖИЗНЬ' и 'СМЕРТЬ'

© кандидат филологических наук Хо Сон Тэ (Республика Корея), 2002

Язык – один из инструментов формирования картины мира, которое возможно благодаря мыслительным операциям с понятиями, отражающими предметы чувственного опыта и закрепившимися в языковом сознании. Вычленение различных свойств одной и той же реалии стимулирует создание новых имен (знаков), которые соотносятся с уже существующими. Различное именование разных сторон и свойств одного и того же предмета (в широком смысле: предмета мысли) порождает в языке синонимы. В свою очередь сами синонимы являются источником декодирования концептуальной картины мира носителей языка.

В энциклопедии "Русский язык" Т. Г. Винокур определяет синонимы как "тождество или близость значений разных по звучанию единиц одного языкового уровня (слов, морфем, синтаксических конструкций) с точки зрения семасиологии" (Русский язык 1997: 465). Речь идёт о способности разных языковых единиц передавать сходное содержание. Синонимия – это "тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений. ... В качестве единицы смыслового сопоставления лексических синонимов выступает элементарное значение слова, его лексико-семантический вариант" (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 446-447). Широкое понимание близости значения позволяет включать в синонимические ряды слова и сочетания, являющиеся "скорее семантическими заменами" (Александрова 1998: 5).

Для определения синонимов вводятся различные критерии. Во-первых, решается вопрос о том, различать ли тождество и близость значений. При этом лексемы тогда считаются синонимами, когда их значения тождественны, что позволяет провести водораздел между понятиями "тождество" и "близость" значений (ЛСВ). Во-вторых, синонимические отношения образуются тогда, когда они возникают в пределах одного логического понятия. Таким образом, тождество и близость значений объединяются и вопрос о синонимии сводится к вопросу о критериях тождества и близости значения. А эти критерии устанавливаются на основе особенностей семантической структуры языкового знака, – это в-третьих.

В поиске методов определения синонимов вводятся такие процедуры, как проверка на взаимозаменяемость в позиции нейтрализации смысловых противопоставлений. В связи с этим выделяются синонимы

частичные (когда нет взаимозамены) и полные (есть полная взаимозамена, почему и возникает позиционная нейтрализация – Ю. Д. Апресян, Д. Н. Шмелев, В. Г. Гак).

Отметим, что критерий соотнесённости двух или нескольких номинаций с одним и тем же денотативным содержанием в методе определения синонимов "работает" для фразеологизмов. Фразеологизмам имманентно присуща экспрессия. Её характер влияет на стилистическую область значения слова (Винокур 1965, 1993), а по отношению к фразеологизмам правомерен и ономазиологический подход (при их классификации), и семасиологический подход (от внешней формы к значению).

Ю. Д. Апресян отмечает, что определение понятия синонимии, адекватно сложившемуся о ней представлению в словарях, преждевременно при нынешнем уровне наших знаний. Он уточняет представление о синонимах следующим образом: "1) Синонимичные лексемы А и В должны иметь одинаковую актантную структуру по крайней мере в пределах первых ДВУХ актантов. 2) Общая часть их толкований, при условии, что они сформулированы на специальном метаязыке, должна быть больше суммы их различий. 3) В эту общую часть должно входить большинство семантических компонентов, составляющих ассертивную часть значений соответствующих лексем. 4) В нее в обязательном порядке входит главный семантический компонент ассерции, или ее синтаксическая вершина (в частном случае *genus proximum*). 5) Если главный семантический компонент ассерции является операторным смыслом, то должен совпадать и подчиненный ему предикат. Эти пять условий необходимы, но недостаточны для формального определения лексических синонимов" (Апресян 1997: 21).

Дистрибутивный подход к определению синонимов с учётом сочетаемостных свойств слов предлагает Л. О. Чернейко (1997: 253-283). Представляется весьма важным, что Л. О. Чернейко в понятие тождественности двух слов включает не только семантическую, но и стилистическую тождественность, т. е. прагматический фактор. А если учитывать стилистический компонент значения слов, формируемый сферой, целью употребления, темой высказывания, то полных синонимов быть не может, и это подтверждается анализом Л. О. Чернейко, утверждающей, что "если различия в значениях слов есть, то они существенны, так как удерживают слова в системе языка" (Там же). Таким образом, вопрос о полной или частичной синонимии в языке вообще снимается. Абсолютная тождественность двух единиц возможна только в определенных, ограниченных правилами, условиях контекста. Если синонимы понимать как единицы абсолютно тождественные, то в языке их нет, а в речи они могут быть. Если синонимы понимать как единицы семантически близкие, то они есть и в языке и в речи.

Проведём анализ синонимов ряда ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, предлагаемых синонимическими словарями русского языка. В основном это Словарь под редакцией А. П. Евгеньевой (1975) и Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под редакцией Ю. Д. Апресяна (Первый выпуск 1997, – далее НОССРЯ). Для сравнения мы обращаемся к словарям Н. Абрамова (1999), З. Е. Александровой (1998) и К. С. Горбачевича (1997). Для доказательства семантической эквивалентности ЛСВ единиц синонимического ряда используется и метод компонентного анализа, и метод субституции – проверки слов на взаимозаменяемость в тождественном контексте.

ЖИЗНЬ

Синонимический ряд имени ЖИЗНЬ, предлагаемый Словарем А. П. Евгеньевой, обусловлен тремя его значениями.

1. Жизнь как состояние живого существа: человека, животного, растения – СУЩЕСТВОВАНИЕ, БЫТИЕ, ЖИВОТ (с пометой – устар.);
2. Жизнь как время от рождения живого существа до его смерти – ВЕК;
3. Жизнь как жизненный уклад – ЖИТЬЁ-БЫТЬЁ, БЫТЬЁ – образ жизни.

В словаре К. С. Горбачевича предлагаются кроме указанных синонимы БЫТ – БЫТНОСТЬ – ОБИХОД – ЖИСТЬ (ЖИСЬ) – ЖИГУХА – ЖИВОТ. В Словаре Н. Абрамова – ПРОЖИВАНИЕ, ОБЩЕЖИТИЕ; ДНИ; ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ, ДОЛГОДЕНСТВИЕ, ДОЛГОЛЕТИЕ, МНОГОЛЕТИЕ. В словаре З. Е. Александровой к этим синонимам присоединяется просторечный синоним ЖИСТЯНКА (*Эх, жизнь, моя жистянка, а ну ее в болото* – из детской песни на слова Ю. Энтина). На наш взгляд, эти слова либо стилистически маркированы (ЖИСТЬ / ЖИСЬ – ЖИГУХА – ЖИВОТ), либо значительно отдалены от семантического центра, поэтому в основном мы подвергнем анализу синонимический ряд, предлагаемый словарем под ред. А. П. Евгеньевой (для слов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ) и под ред. Ю. Д. Апресяна (для слова СМЕРТЬ). Рассмотрим вначале языковые понятия, заключенные прежде всего в прямых значениях этих слов, предлагаемых в качестве синонимов.

Парадигма "жизнь – существование – бытие". Лексема СУЩЕСТВОВАНИЕ также толкуется через лексемы ЖИЗНЬ, БЫТИЕ (*Средства к существованию. Борьба за существование. Отравить кому-нибудь существование*). Глагол СУЩЕСТВОВАТЬ, дериватом которого является субстантив СУЩЕСТВО, имеет два значения: 1. 'быть, наличествовать, иметься, иметь место' (*книгопечатание существует, существуют мнения*) и 2. 'поддерживать свою жизнь' (*Существовать своим трудом*). Лексема БЫТЬ также толкуется через лексему СУЩЕСТВОВАТЬ.

БЫТЬ – 1. 'существовать, иметься' (*Не было свободного времени. Город на месте бывшей деревни*). 2. 'присутствовать', 'находиться' (*Быть дома. Днём буду на работе*). 3. 'происходить, случаться' (*Вчера*

была гроза. Быть беде). – (Ожегов ТС). Нас интересует только первое значение слова СУЩЕСТВОВАНИЕ.

БЫТИЕ – 1. 'объективная реальность (материя, природа), существующая независимо от сознания'. 2. 'совокупность материальных условий жизни общества' (*Бытие определяет сознание*). 3. 'жизнь, существование' (*Радость бытия*). – (Ожегов ТС). В данном случае нас будут интересовать все значения слова БЫТИЕ, так как в каждый из них сема 'жизнь' входит как один из компонентов.

Проверим эти синонимы на взаимозаменяемость и нейтрализацию семантических различий. Этому будет способствовать поиск в контексте слова, "содержательно связанного с дифференциальным признаком членов синонимической оппозиции" (Чернейко 1997: 274).

В словосочетании *органическая ...жизнь* – замена слова ЖИЗНЬ на слово БЫТИЕ или СУЩЕСТВОВАНИЕ (**органическое бытие, *органическое существование*) невозможна в силу терминологичности этого сочетания.

В словосочетаниях *жизнь растений, растительного мира, животных, животного мира* замена ЖИЗНЬ на БЫТИЕ (**бытие... растений, растительного мира, животных, животного мира*) или на СУЩЕСТВОВАНИЕ (**существование растений, растительного мира, животных, животного мира*) также невозможна. В словосочетаниях типа *жизнь растений* выделяется смысл 'процесс как имманентное свойство', благодаря которому можно выделить компонент значения 'движение'. Таким образом, это противоречит исходному толкованию ЖИЗНЬ 'жизнь как состояние...'. В словосочетаниях типа *существование растений... на Земле* как раз реализуется этот компонент значения 'состояние', так как существование предстает как статика, как констатация факта — 'есть'. Это подтверждается ещё и тем, что в словосочетаниях *есть жизнь, нет жизни* невозможна замена на слова СУЩЕСТВОВАНИЕ и БЫТИЕ (**есть существование, *нет существования; *есть бытие, *нет бытия*), ибо и в семантике слов ЕСТЬ/НЕТ и в семантической структуре слова СУЩЕСТВОВАНИЕ присутствует смысл 'утверждение' (или отрицание), констатация бытийности. Происходит семное удвоение (наложение, наслоение), которое, на наш взгляд, актуализирует и эксплицирует интегральную сему слова СУЩЕСТВОВАНИЕ.

То же действительно для адвербиальных словосочетаний *жизнь в какой-либо среде, в океане, на суше, на планете, на Земле, на Марсе*, но невозможно **бытие в какой-либо среде, в океане, на суше, на планете, на Земле, на Марсе* и меняется смысл в словосочетаниях *существование в какой-либо среде, в океане, на суше, на планете, на Земле, на Марсе*, ибо существование предстает как сам факт наличия жизни.

Таким образом, если речь идет о жизни окружающего мира, слова ЖИЗНЬ, БЫТИЕ, СУЩЕСТВОВАНИЕ не являются синонимами, что подтверждает метод взаимозамены и компонентный анализ.

В следующем ряду сочетаний с именем ЖИЗНЬ также невозможна полная замена на слова БЫТИЕ и СУЩЕСТВОВАНИЕ. Достаточно сравнить сочетания *основа, формы, законы, зарождение, возникновение, истоки, развитие, процесс, условия, признаки жизни* и (=) *основа, формы, законы существования, основа, формы, законы бытия* при неупотребительности **зарождение, возникновение бытия*. Также невозможны сочетания **развитие существования – *развитие бытия*. В первом и втором значении слово БЫТИЕ возможно в терминологических словосочетаниях научных контекстов: *процесс существования – процесс бытия*; *условия бытия*; *жизнь возникла, появилась, прекратилась... – существование возникло, появилось, прекратилось* при неупотребительности **бытие возникло, появилось, прекратилось*, хотя сочетания *истоки бытия, истоки существования, истоки жизни* нормативны и семантически мотивированы. В русском языке в отличие от идеальных сущностей бытие и существование жизнь мыслится как длящийся во времени процесс, имеющий фазы: начало (*начало жизни*), середину (*в середине жизни*), конец (*в конце жизни, на склоне лет*). Очевидно, метафорическое выражение понятия "начало" через слово ИСТОКИ и делает его продуктивным в словосочетаниях, чего нельзя сказать о слове НАЧАЛО.

Если сравнить сочетания *начало жизни, начало существования и начало бытия*, то последнее хотя и редко, но возможно в поэтическом тексте (ср.: *... в безмолвии и тайне обитает начало всякого бытия, Великий Разум вселенной* – Леонид Андреев. Анатема). Темпоральное значение эксплицитно в словосочетаниях со словом ЖИЗНЬ: *начало, конец, первые, последние лучшие годы, какой-либо период, остаток жизни*, однако невозможен количественно-темпоральный компонент значения для словосочетаний со словом БЫТИЕ: **первые, последние, лучшие годы, остаток бытия*. Допустимо словосочетание *период существования*, но **первые, последние, лучшие годы, остаток существования* возможно лишь в контексте противопоставления существования как факта и жизни человека во всем богатстве её проявлений (ср.: *Не живу, а существую*). В приведенном контексте слово СУЩЕСТВОВАНИЕ обозначает неполноценность жизни, а ЖИЗНЬ – качество жизни, образ жизни.

Компонент значения 'начало-конец' эксплицитен в синониме ВЕК: 'жизнь как время от рождения живого существа до его смерти'. В этом значении слово ЖИЗНЬ (человека и животного) образует адекватные сочетания *большая, долгая, короткая, будущая, прошлая, прежняя, прожитая, человеческая, чужая, своя, его... жизнь*. Однако не с каж-

дым из этих атрибутов возможно слово ВЕК: *большой, долгий, короткий век* = *большая, долгая, короткая жизнь*, – квантитативный признак является объединяющим для синонимов ЖИЗНЬ / ВЕК. Темпоральный компонент значения в словах БУДУЩИЙ, ПРОШЛЫЙ (*будущий, прошлый век*), накладываясь на этот же компонент в слове ВЕК, переводит его в прямое значение 'срок в сто лет', так как актуализирует, эксплицирует соответствующую интегральную сему. В таком случае слово ВЕК – синоним слову СТОЛЕТИЕ.

Сема 'человек' существенна (дифференциальна, различительна) для словосочетаний *человеческий век, чужой, свой век, его век* = *человеческая жизнь, чужая, своя жизнь, его жизнь*. Кажется бы, словосочетания синонимичны. Однако соответствующую семантику определяет и грамматическая форма слова ВЕК, ср.: *на его веку – на его век хватит и в его веке, например, прибавить веку*, то есть 'удлинить жизнь'; *на своём веку он испытал много приключений*.

Для членов синонимической парадигмы "ЖИТЬЁ – ЖИТЬЁ-БЫТЬЁ – БЫТЬЁ" в значении 'образ жизни', где жизнь предстает как жизненный уклад, существенен оценочный компонент значения ('фамильярность', 'пренебрежительность'), а также функциональная прикрепленность слов: разговорное (ЖИТЬЁ), обиходно-разговорное (ЖИТЬЁ-БЫТЬЁ, БЫТЬЁ), что само по себе вносит прагматический дифференциальный признак в синонимы и накладывает ситуативные ограничения на их сочетаемость и употребляемость.

В значении слова ЖИЗНЬ 'уклад, способ существования' в соответствующих словосочетаниях с качественными характеристиками ЦВЕТ и ВКУС слово ЖИТЬЁ подставляется без ущерба для логического смысла, однако нейтральность словосочетаний со словом ЖИЗНЬ сменяется на стилистическую окрашенность, свойственную разговорной речи: *яркая, серая жизнь* = *серое, горькое, несладкое житьё*, но имя ЖИТЬЁ имеет коннотацию 'плохой'. **Яркое житьё* в норме невозможно, хотя может быть выражена ирония; невозможно и **сладкое житьё* при нормативном *сладкая, несладкая, горькая жизнь*. Допустимо *серое житьё-бытьё*, но БЫТЬЁ без ЖИТЬЁ-БЫТЬЁ не бывает, а потому невозможно **сладкое, несладкое, горькое бытьё* при допустимости *сладкое, несладкое, горькое житьё-бытьё*. Этот допуск, очевидно, возможен потому, что "несущим" основную смысловую нагрузку в повторе ЖИТЬЁ-БЫТЬЁ является слово ЖИТЬЁ. Сема 'темпоральность' (*новая, старая, прежняя жизнь*) оказывается признаком, разводящим элементы синонимической парадигмы: неупотребительно **новое, старое житьё*, **новое, старое житьё-бытьё*, **новое, старое, прежнее бытьё* и допустимо *прежнее житьё, прежнее житьё-бытьё*.

Таким же образом сказывается на сочетаемостных возможностях элементов синонимической парадигмы и эмоциональная характеристика

ка: *радостная, весёлая, счастливая жизнь*, не употребляется **радостное, *счастливое житьё*, но возможно *радостное, счастливое житьё-бытьё*, более активное в разговорном языке как *невеселое житьё*.

Компонент значения 'наполненность событиями' имени ЖИЗНЬ (*интересная, скучная, однообразная, тревожная, напряжённая, спокойная...; радости, прелести жизни*), отсутствующий в семантике имени ЖИТЬЁ, накладывает ограничения на его сочетаемость (**радости житья*). Однако социальная характеристика, присущая имени ЖИЗНЬ в сочетаниях со словами *беспечная, обеспеченная, трудная, тяжёлая, сносная, (не)легкая, беззаботная, неустроенная, суровая* является объединяющим признаком для синонимов ЖИЗНЬ / ЖИТЬЁ. Лишь атрибут БРОДЯЧИЙ, обладающий дополнительным элементом 'пространственность', не образует сочетания со словом ЖИТЬЁ (**бродячее житьё*). Имя ЖИЗНЬ воплощает сему 'локальность' в сочетаниях *провинциальная, сельская, деревенская, городская, столичная жизнь* (социальная характеристика места), которых не образует слово ЖИТЬЁ.

То же относится и к характеристике ЖИЗНЬ и ЖИТЬЁ по проявлению воли субъекта: *привольная(-ое), раздольная(-ое), свободная(-ое) жизнь (житьё)*. Однако невозможно **личное житье* в значении 'принадлежности какому-либо'. Этот компонент значения существенен и в словосочетаниях, характеризующих ЖИЗНЬ по нравственным критериям, – *честная, нечестная жизнь* при неупотребительности **честное, нечестное житье*.

Интересен также тот факт, что возможна характеристика жизни по общественным отношениям (*холостая, холостяцкая, одинокая, супружеская, замужняя, семейная, личная, интимная, студенческая, солдатская жизнь*). Но в этих контекстах невозможно слово ЖИТЬЁ.

Синонимы ЖИЗНЬ и ЖИТЬЁ образуют словосочетания, характеризующие образ жизни: *обычная(-ое), бурная(-ое), полная(-ое) чего-либо, настоящая(-ее), увлекательная(-ое)*. При этом синоним ЖИТЬЁ не образует сочетания, характеризующие по роду деятельности: *повседневная, трудовая жизнь* и **повседневное, трудовое житьё*, хотя возможно *праздная жизнь=праздное житьё*, так как слово ПРАЗДНАЯ несёт в себе оценочный отрицательный компонент значения 'без дела'. Это, пожалуй, самая главная причина ограничения сочетаемости. Хотя суффикс *-ость* далеко не всегда свидетельствует о стилистической маркированности слова (нейт. – *смелость, ловкость*), в данном случае стилистически маркированное как 'книжное, высокое' слово СУЕТНОСТЬ накладывает запрет на его сочетаемость со словом ЖИТЬЁ, поэтому ЖИТЬЁ не сочетается как сниженное и обладающее отрицательной оценкой со словами высокими и со словами положительной оценки: **веселое, радостное, счастливое житьё; *суетность житья*, но *суетность жизни*.

Синонимы ЖИЗНЬ и ЖИТЬЁ образуют глагольные словосочетания со значением 'социальные отношения': человек может *облегчить кому-либо, стеснять кому-либо, отравлять, портить кому-либо жизнь, житьё*. Можно также *вести, прожить, начать, создавать жизнь*, но не *житьё*. *Житьё* можно *обеспечить*, но не говорят *устроить личное или семейное житьё*, а только *жизнь*. К какой-либо жизни или житью можно *стремиться, на жизнь (житьё) можно жаловаться, от какой-либо жизни (житья) устать*. Что же касается сочетаний *покончить с жизнью* и *покончить с (таким) житьём*, то их логический смысл меняется в зависимости от того, употребляем мы стилистически отмеченное слово ЖИТЬЁ или нейтральное ЖИЗНЬ: в первом случае возникает смысл 'смерть', во втором – 'стремиться жить лучше'. ЖИТЬЁ – скорее образ жизни (*плохой*), а не сила жизни.

Слово ЖИЗНЬ образует сочетания с указанием на её качество: *сложилась или не сложилась как-либо; удалась или не удалась*, с указанием на её предел: *проходит как-либо*. Стилистическое свойство этих словосочетаний относится к области кодифицированного литературного языка, их 'книжность' определяет тот факт, что эти глаголы не сочетаются со словом ЖИТЬЁ.

СМЕРТЬ

Имя СМЕРТЬ в значении 'прекращение жизнедеятельности организма' представлено синонимами КОНЧИНА (приподн.), КОНЕЦ (обих.-разг.) (Евгеньева 1975).

Н. Абрамов (1999) выделяет синонимы – УСПЕНИЕ, КАЗНЬ, З. Е. Александрова (1998) ОКОЛЕВАНЕЦ, ЛЕТАЛЬНЫЙ ИСХОД, ПОСЛЕДНИЙ ЧАС, СМЕРТНЫЙ ЧАС, СКОНЧАНИЕ, ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ или НАСИЛЬСТВЕННАЯ ГИБЕЛЬ, КРЫШКА, КАРАЧУН, КАЮК. К. С. Горбачевич (1997): ПОГИБЕЛЬ – КАРАЧУН – КРЫШКА – КРАЙ – КАЮК – БАСТА – АМБА – ХАНА. НОССРЯ (1997) выделяет ряд КОНЧИНА, КОНЕЦ, ГИБЕЛЬ. Данный словарь подробно представляет синонимическую парадигму СМЕРТЬ, основываясь на сочетаемостных и парадигматических свойствах её элементов. При этом сигнификат понятия "смерть" предстает как 'окончание жизни кого-либо'. Выделяются следующие различительные признаки синонимов:

"1) возможность обозначать не только конкретное событие, но и философское понятие...; 2) отношение говорящего к смерти или к человеку, о котором идёт речь (ср.: особое отношение к смерти и уважение к умершему, выражаемое синонимом КОНЧИНА); 3) причина конца жизни (КОНЧИНА предполагает естественный конец жизни, ГИБЕЛЬ – неестественный); 4) возможность обозначать не только момент прекращения, но и предшествующий ему процесс умирания, (СМЕРТЬ и КОНЕЦ могут обозначать процесс умирания, ГИБЕЛЬ обычно представля-

ется мгновенной); 5) возможность обозначать конкретное событие в близком будущем (слово КОНЕЦ, единственное из синонимов ряда, может обозначать близкую смерть); 6) тип субъекта (КОНЧИНА обозначает только смерть человека, СМЕРТЬ – человека и некоторых других существ). Слово СМЕРТЬ является самым общим синонимом ряда. Оно может обозначать конец жизни человека и как конкретное событие, и как феномен, являющийся предметом философских размышлений. В последнем случае слово СМЕРТЬ обозначает конец жизни безотносительно к конкретному человеку. Все остальные синонимы обозначают конец жизни только как конкретное событие" (Апресян 1997).

В НОССРЯ интересующие нас синонимы иллюстрируются в основном материалом художественной литературы, а такому употреблению свойственно наращивание эстетически значимых смыслов; это прежде всего индивидуальное видение, раскрываемое в идиолекте писателя или поэта. Поскольку нас интересует феномен смерти как он понимается и воспринимается обыденным сознанием, то необходимо прибегнуть к материалу "Словаря сочетаемости слов русского языка", отражающему слово в динамической системе языка.

В словосочетаниях с темпоральным компонентом значения слово СМЕРТЬ заменимо на стилистически отмеченное высокое КОНЧИНА: *преждевременная, скоропостижная, неожиданная, внезапная, молниеносная, ранняя, моментальная смерть / кончина; преждевременность, внезапность, час, минута смерти / кончины*. Однако слово КОНЕЦ ни в одном из этих сочетаний невозможно. НОССРЯ отмечает, что "синоним КОНЕЦ... представляет смерть не как завершение жизни, а просто как её последний момент". Смерть – определенная граница, черта, поэтому в словосочетаниях с подобным компонентом значения замена слов СМЕРТЬ и КОНЕЦ не меняет смысла: *До самой смерти (до самого конца) любить, не забыть, быть верным, оставаться*. Ср. также словосочетания с пространственным компонентом значения: *наступление, приближение смерти, наступление, приближение кончины, наступление, приближение конца*.

Однако к смерти нужно *готовиться*, хотя нельзя **готовиться к концу*. Что касается синонима КОНЧИНА, то представляется, что его употребление, во многом зависит от субъекта речи, от отношений адресата к адресанту. Говоря о ком-то второму лицу (собеседнику: ты), можно сказать: *Он начал готовиться к своей кончине*, а говоря о себе – только *готовиться к смерти* или *Ты что, к своей смерти (не кончине!) готовишься?* (слово КОНЧИНА придаёт ироническую окраску утверждению и вопросу). Такая избирательность контекста для слова КОНЧИНА обусловлена его стилистической маркированностью. В следующих примерах употребление слова КОНЧИНА может быть обусловлено необходимостью выразить глубокое уважение к тому, кто умер: *Перед*

смертью (или кончиной, но не концом) сказать, сообщить, написать что-либо...; После смерти (или кончины) кого-либо опубликовать что-либо, сообщить, огласить завещание, получить наследство, переехать (НОССРЯ).

Этический компонент значения обуславливает значительную степень оценочности адъективных словосочетаний, поэтому возможно *геройская, позорная смерть; геройская кончина, геройская гибель и позорный конец* (ср. **позорная гибель и *геройский конец*). Синоним КОНЕЦ уместнее при наличии отрицательной коннотации.

Человек как активное действующее лицо сознательно может *идти на смерть и гибель*, но *к концу* только *приближаться*.

Ментальный компонент значения определяет широкую сочетаемость элементов парадигмы "СМЕРТЬ": *глупая, непонятная; мысли, думы, известие, сообщение о смерти; мысли, думы, известие, сообщение о гибели; мысли, думы, известие, сообщение о кончине*, и реже – *мысли, думы, известие, сообщение о конце; о смерти (гибели, кончине) думать, размышлять, говорить*. Человек учитывает *возможность, неизбежность смерти, гибели, кончины, конца*. Возможно словосочетание *мнимая смерть*, но не **мнимая гибель, *мнимая кончина, *мнимый конец*.

Констатировать, удостоверять можно только *смерть*, а *предвидеть – гибель, смерть, конец, кончину*. Физиологический компонент значения свойственен сочетаниям только со словом СМЕРТЬ – термин: *клиническая ... смерть*. (Ср. точку зрения НОССРЯ: "СМЕРТЬ, в отличие от своих синонимов, может обозначать медицинский факт").

Эмоциональный компонент значения присущ сочетаниям синонимов СМЕРТЬ / КОНЕЦ со словами: *боязнь, страх; бояться, испугаться смерти (другого); боязнь, страх; бояться конца*, но **испугаться конца* (*испугаться* в отличие от *бояться* означает мгновенную реакцию, а *конец*, обозначая мгновение, которое субъект не осознает, вводит идею ожидания этого мгновения, поэтому глагол ИСПУГАТЬСЯ и имя КОНЕЦ семантически несовместимы), реже – *боязнь, страх; бояться гибели*, и неупотребительно **боязнь, страх; бояться кончины*.

Смерть мыслится как враг: *опасность, угроза смерти*, что объясняется её неотвратимостью, однако здесь есть и коннотация каузации, указание на наличие внешних факторов, свойственных семантике слов ГИБЕЛЬ, КОНЕЦ. Тем не менее, для этих слов не характерны такие сочетания, как **опасность, угроза кончины, *опасность, угроза конца, *опасность, угроза гибели*. При этом активно употребляются словосочетания, обладающие терминологической значимостью, – *насильственная, естественная смерть*, возможно *насильственный, естественный конец*, но невозможно **насильственная, естественная гибель; *насильственная, *естественная кончина*, поскольку ГИБЕЛЬ в своем содержании включает семы 'насилие' (она создает плеоназм сочетания)

и 'досрочность', которая оценивается как противоестественность (она создает оксюморон сочетания), а КОНЧИНА как стилистически маркированное (высок.) неуместно в терминосистеме.

Смерть не только враждебна, активна, что выявляется в словосочетаниях *встреча, борьба...бороться со смертью* (но не **встреча, борьба...бороться с кончиной, *встреча, борьба...бороться с гибелью, *встреча, борьба...бороться с концом*; ср. также: *избавление, спасение...от смерти; от смерти спастись, избавиться, однако уберечь кого-либо, или самому уберечься от смерти, гибели*). Человек стремится *предотвратить смерть, избежать смерти, гибели, конца, кончины*. СМЕРТЬ, КОНЧИНА – субъекты действия: *смерть произошла от чего-либо, вызвала что-либо, прервала*. В такой семантической парадигме синоним КОНЕЦ уместен в сочетании со словом НАСТУПИЛ (ср.: *смерть, кончина наступила*). Смерть может явиться причиной конца, подвести к определенной черте: *положила конец чему-либо*, чего не могут сделать КОНЧИНА, КОНЕЦ в силу семантической тавтологичности (избыточности). Контекст *Гибель Имярека положила конец всей этой истории*, очевидно, возможен.

И СМЕРТЬ, и КОНЧИНА, и КОНЕЦ, и ГИБЕЛЬ независимо от оттенков обозначения реалий порождают негативные эмоции (*смерть, кончина, конец, гибель кого-либо потрясла, произвела впечатление*), причиняют человеку муку (*мучительная смерть, мучительный конец, мучительная кончина, мучительная гибель*), страдания (*трагическая смерть, трагический конец, трагическая кончина, трагическая гибель*).

Всем элементам синонимической парадигмы свойственны вещные коннотации, однако сочетаемостный потенциал у них разный: *легкая смерть, тяжелая смерть; нести кому-либо, чему-либо... смерть; *легкая гибель, тяжелая гибель, нести кому-либо, чему-либо... гибель; легкий конец, тяжелый конец; *нести кому-либо, чему-либо... конец; легкая кончина, тяжелая кончина; *нести кому-либо, чему-либо... кончину*.

Смерть может быть регулятором человеческих отношений: *угрожать кому-либо, грозить кому-либо смертью, но желать кому-либо...можно и смерти, и гибели, и конца, но не кончины*, так как "синоним КОНЧИНА содержит в своём значении указание на отношение к акту окончания человеческой жизни" (НОССРЯ, Первый выпуск 1997: 380).

Что касается синонима ПОГИБЕЛЬ, выделяемого другими словарями (см. выше), то НОССРЯ интерпретирует его как слово, "уходящее из языка... В современном языке это слово употребляется, в основном, в выражениях *на мою (твою, его, её, их) гибель* и обозначает гибель в будущем (относительно момента наблюдения); ср.: *Приехал на мою гибель...* В разговорном языке обычно смазанное употребление этого слова, когда оно обозначает достаточно большие неприятности: *Оста-*

лись там себе на погибель – оказалась, что ни жилья, ни работы нет. В языке XIX века слово ПОГИБЕЛЬ обозначало гибель без каких-либо указаний на время события, ср.: *Прошло два месяца после получения известий в Лысых Горах об Аустерлицком сражении и о погибели князя Андрея* (Л. Н. Толстой). Такие примеры воспринимаются как явно устаревшие" (Там же: 381). С пометой "устар." даёт слово ПОГИБЕЛЬ и К. С. Горбачевич.

Что касается слов КАРАЧУН, КРЫШКА, КРАЙ, КАЮК, АМБА, ХАНА, то их яркая стилистическая окраска и соответственно их функциональная специфика (просторечная) ограничивают их сферу употребления (ситуацию, цель общения), хотя все они связаны архисемой 'конец'. Их можно было бы назвать эквивалентами слова КОНЕЦ в расширительном смысле. Так, приводимый словарем пример *Без меня всем нашим конец* не обязательно может означать СМЕРТЬ как 'окончание жизни', а как 'предел', 'окончательный момент чего-либо, за которым может начаться новый этап деятельности'. В расширительном контексте, представленном словарем (*вот боюсь, как бы не помереть невзначай. Без меня всем нашим конец... Всем тогда крышка...*) назвать эти слова синонимами позволяет стилистический прием синонимической замены, неоднократно описанный Т. Г. Винокур (1985, 1993). То же касается и слов КРАЙ, КАЮК, БАСТА, АМБА, ХАНА. Это свидетельствует ещё раз о том, что метод взаимозамены для определения синонимов без дистрибутивного анализа в случае их стилистической маркированности не достаточен в силу расширения периферийной (коннотативной) области значения слова.

Что касается синонима УСПЕНИЕ, то уже внутренняя форма этого слова ("спать", "сон", "успнуть" – 'уснуть', 'смерть') свидетельствует о том, что смерть предстает в русском языковом сознании не как 'окончание жизни', а как иное 'физиологическое состояние человека', как 'сон'. Это христианское видение. Через представление о сне сформировано представление о смерти как покое, успокоении души: *Жизнь не начинается, а завершается покоем* (А. И. Герцен), *упокой, Господь, его душу* (разг.). Однако в дохристианское время сон уподоблялся мраку, смерти (Потебня 1989: 404-405). О параллелизме сна и смерти говорит В. Я. Пропп: "сном испытывается герой, на чей сон наложен запрет в избушке бабы Яги" (Пропп 1986: 80).

Г. Штайнер также наблюдает такие факты в языках Древнего Востока, когда смерть – это 'состояние не-жизни' [la balatu(m)]. "Спасти от смерти" [ina muti eteru] означает 'спасти жизнь' [napista(m) eteru(m) или bullutu(m), nasaru(m), suzubu(m)]. Т. А. Михайлова и Н. А. Николаева тенденцию "замены смерти сном" считает архаичной, установив на материале гойдельских языков, что ирландское сознание не отрицает смерти и не боится назвать ее открыто: "нами было встречено уподобление

глубокого сна – смерти, но не наоборот (ср. также русск. *Спать мертвым сном*), имеющее два значения" (Михайлова, Николаева 1998: 123).

Исследование синонимических рядов, возглавляемых словами ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ и предлагаемых современными словарями синонимов, показал, что действенным оказывается комплексный подход, заключающийся в сочетании метода компонентного анализа и метода проверки на взаимозаменяемость в контексте. Ни один из этих методов в отдельности не является исчерпывающим и убедительным для проверки на синонимию абстрактных имен. Определенные компоненты значения накладывают ограничения на сочетаемость. В то же время метод взаимозамены для определения синонимов (субституция) без дистрибутивного анализа особенно в случае их стилистической маркированности размыт в силу расширения периферийной области значения слова, и следовательно, расширения содержательной структуры. И дистрибутивный анализ, исследующий распределение слов в контекстах, должен предшествовать субституциональному анализу – проверке слов на взаимозамену в одинаковых условиях контекста.

Л и т е р а т у р а

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1999.
2. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1998.
3. *Апресян Ю. Д.* В какой мере можно формализовать понятие синонимии? // Облик слова. М., 1997.
4. *Винокур Т. Г.* Синонимия и контекст. М., 1965, 1993.
5. *Горбачевич К. С.* Русский синонимический словарь. СПб., 1996.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
7. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под ред. *Ю. Д. Апресяна.* М., 1997. Первый выпуск.
8. *Потебня А. А.* Слово и миф. М., 1989.
9. *Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
10. Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
11. Словарь синонимов русского языка. / Под ред. *А. П. Евгеньевой.* М., 1975.
12. *Чернейко Л. О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
13. *Штейнер Гурд* Понятийное поле 'смерть' в языках Древнего Востока // *Orientalia.* Vol. 51. Fasc.2-1982. Перевод с нем. Н. Г. Комлева (рукопись).

Глагольно-атрибутивная сочетаемость имени СМЕРТЬ в паремиях русского языка

© кандидат филологических наук Хо Сон Тэ (Республика Корея), 2002

Паремии отражают культурно-исторический опыт народа, превратившийся в исторический запас смысла и квалифицируемый последующими поколениями как народная мудрость. Пословицы и поговорки расширяют лексикографическую картину узуальных обыденных представлений благодаря прежде всего наличию живой внутренней формы, предопределяющей их образность.

Явление, сопряженное с именем СМЕРТЬ, понимается и переживается человеком многомерно и противоречиво. Смерть, наделенная антропоцентрическими поведенческими характеристиками (*Избави Бог от наглой смерти!*), в народном сознании иногда мыслится как Зло: *Смерть берёт расплохом. Смерть нахрапом берёт; Избави Бог от наглой смерти!* В связи с этим существуют пословицы с общей семантикой СМЕРТЬ – Зло (Неизбежное): *Свет мил, да расстаться с ним, а смерть посылла, да не отбыть её* (Даль 1993). Смерть квалифицируется через состояния человека: *Легче всех нечаянная смерть. Нежданная смерть — находка* (Даль 1993). Для русского языкового сознания характерна оценка смерти через коннотацию имени СОБАКА: *Собаке собачья смерть* (Жигулёв 1965), *Смерть без покаяния — собачья смерть* (Даль 1993).

Креативное мифологическое сознание наделяет абстрактное видимыми свойствами. Стремление сделать смерть узнаваемой объясняет персонификацию смерти: *Курносая со двора потурила; Придет пора — турнет курносая со двора* (Даль 1993). Точкой отсчета в восприятии человеком предметов и явлений окружающего мира является он сам. В этих пословицах имплицитно сравнение смерти с женой (женщиной), обладающей дурным характером (см. также: *Смерть всякому язык привяжет* – Жигулев 1965). Персонификация смерти и жизни проявляется и в глаголах, например, *Смерть живота не любит. Живот смерти не любит* (Даль 1993). В этих пословицах выражается идея борьбы жизни со смертью, явленная в устойчивом сочетании *борьба за жизнь*, и в этой борьбе человек должен выбрать свою позицию: *Кто смерти враг, тот жизни друг* (Жигулев 1965). Однако когда в пословицах представление о жизни и смерти совмещается с представлением о душе, смерть мыслится как 'свобода для души', а жизнь – как 'ее оковы': *Тело в тесноту, а душу на простор; Без поры душа не выйdet; У старого до смерти душа не вынута, а у молодого не запечатана* (Даль 1993), что соответст-

вует представлению о жизни как о материи, плоти (ср.: *воплотить в жизнь*).

В значениях глаголов пословиц *Ни протянуться, ни души испустить; Никто не увидит, как душа выйдет* (Даль 1993) и во фразеологизмах *дух покинул тело, душа вон* присутствует сема 'свободное движение'. Если душа свободно перемещается (*Смерть – душе простор*), то тело недвижимо: *Мертвые с погоста не ходят* (Даль 1993). Душа при этом в ответственности за все то, что сотворило тело: *Тебе, телу, во земле лежать, а мне, душе, на ответ идти* (Даль 1993). Душа должна заботиться о себе ещё на земле – при этом духовные ценности важнее материальных: *Что припасла душа, то и на тот свет понесла*. В то же время люди живут, пока в них есть душа: *Игла служит, пока уши, а люди, пока души* (Даль 1993).

Душа всегда живая. И о душе, и о теле умершего заботятся живые, что не снимает с нее ответственности за грехи тела. При жизни человек заботится о душе сам: *Дадим мёртвым покой; О покойнике худо не молви; Кто печет блины на поминки, печется о насыщении души покойника; Покуда покойник в доме, ставить чашечку водицы на переднее окно, на обмывку души* (Даль 1993). Душа, как и живые на земле, ест (для нее пекут блины), умывается (для нее ставят воду), жаждет покоя. Близкие представления существуют и в Корее: поскольку душа обладает всеми человеческими свойствами, то умершему доставляется все, что нужно ему в длинном пути в мир мертвых и в будущей жизни: например, ее кормят, для чего резается свинья, варится рис и несется на гору к молебням (Гарин-Михайловский 1958). В русском представлении смерти нужно только тело, взять душу она бессильна: *Смерть не все возьмет, только свое возьмет* (т. е. плоть); Этот же смысл имплицитно воплощен в пословицах: *Плечью (розгой) в могилу не вгонишь, а калачом не выгонишь (не выманишь); Ленивого дошлишься, сонливого добудишься, а мертвого не докличешься* (Даль 1993). В этих пословицах отражается представление, что смерть забирает тело навсегда.

В соответствии с отношением народного сознания к телу и к душе формируется и оценка покойника – нечто ненужное, бесполезное: *Мертвым (Мерзлым) телом хоть забор подпирай* (Даль 1993). На взаимодействие с мертвыми в народном сознании наложен запрет, что отражено в пословице: *Знать, он покойника перешел* (т. е. путь его перед гробом, от этого болезнь его входит в того человека) (Даль 1993). Это связано с представлением о теле умершего не только как о бесполезном, но и о вредном, способном увести с собою живого. В пословице: *Коли ноги теплы у покойника, то зовёт за собою*, имплицитно реализуется смысл ЖИЗНЬ – Тепло, СМЕРТЬ – Холод и, кроме этого, здесь косвенно отражается страх перед смертью.

В пословице *Бог души не вынет, сама душа не выйдет* отражается смысл, что душа покидает тело по велению Бога (Даль 1993). Здесь ещё раз проявляется смысл, что ЖИЗНЬ человеку дана свыше. Итак, душа ещё и *идет на ответ*, душа *припасает нечто*. Здесь имеется в виду прежде всего нематериальная сущность души.

Представлениям о душе в русской культуре близки представления корейской культуры, однако есть и существенные отличия. Корейцы верят во множественность душ: у человека их три. Жизнью и смертью людей распоряжается идол ада Тибуан (Емнадэван). У него есть списки людей, по которым он и вызывает их. После смерти человека первую душу несут три гения на небо в прекрасный сад. Начальник сада, создатель земли и людей, Оконшаити (Окхвасандэ) расспрашивает о том, как она жила на земле, и решает, кому возвратиться в тело, кому остаться в саду, а кому переселиться в животное. Живые должны дожидаться окончательного решения Оконшаити на случай, когда он возвращает душу в тело, поэтому не торопятся с похоронами (быстрые похороны – неуважение к памяти умершего). Вторую душу демоны подземного царства ведут к начальнику ада Тибуану. Их путь лежит через реку, которая разделяет земной и подземный миры. Забота о второй душе заключается в том, чтобы найти телу счастливую гору. Третья душа витает в воздухе около жилища своих родных, которые заботятся о ней всегда, кормят ее (Гарин-Михайловский 1958: 142-307).

В русском языковом сознании – два пути: вечная жизнь и вечная смерть. Того и другого избежать невозможно. Смерть, будучи простором, выявляет несвободу человека в жизни, его связанность с земным бытием. Наиболее наглядно это иллюстрируют пословицы, в которых отражено презрительное отношение к материальным благам: *Что копили, того не заберем, а о чем не пеклись, то с собой понесем; Дедушка умрет – ничего с собою не возьмет; Умрем, ничего с собою не возьмём; Много бы взял, да не надобно* (Даль 1993).

В обыденном языковом сознании смерть мыслится как активный субъект, чем объясняется обилие глагольных словосочетаний в пословицах, где смерть является агенсом действия (см. с. 150): *Смерть пришла, лютует, не глядит ни на что (Смерть ни на что не глядит); Смерть сослепу лютует, не знает (недосугов), сыщет (дорогу), найдет (причину), не ходит (по безлюдью), сгложет, живёт (плотью), не тужит (о саване), откусит (голову), поравняет (всех), турнет (турнула, потурила) (со двора), свила (гнездо), подняла хвост, пошла (на погост), отберет, сторожит, не разбирает (досугов)* (Даль 1993). Смерть соотносится не только с человеком (СМЕРТЬ – Человек, СМЕРТЬ – Сторож, СМЕРТЬ – Женщина). Она также метафорически ассоциируется с живым существом – Птицей или Животным. Соответственно употребляет-

ся метафора: *В нем смерть уже гнездо свила; Подняла хвост – да пошла на погост* (Даль 1993).

Смерть должна быть узнаваемой, у нее есть своё лицо (ср. выражение *перед лицом смерти*): *Придет пора – турнет курносая со двора*. В одних пословицах она зрячая, а в других – слепая. И хотя смерть приобретает конкретный образ, с ней не поговоришь: *Перед смертью не со-грубишь* (или *не слукавишь*); *Смерть не свой брат – разговаривать не станешь*; *Перед судьей, да перед смертью замолчишь* (Даль 1993).

В генитивных конструкциях со словом СМЕРТЬ (в том числе с предлогом ОТ) смерть выступает как 'преследовательница человека': *Бегать смерти – не убежать* (т. е. *не уйти*); *Грунью (рысью) от смерти не уйдешь*; *От смерти не посторонись*; *От смерти и под камнем не укроешься*; *От всякой смерти не побережешься* (Даль 1993). В пословицах *От смерти ни крестом, ни пестом*; *От смерти не отмолишься, ни открестишься* имплицитно выражен смысл 'смерть хуже дьявола', смерть также страшнее и сильнее болезни: *От всего вылечишься, кроме смерти* (Даль 1993). Смерть предстает как 'властная сила, хитрить и бороться с которой бесполезно' (*Пришла смерть по бабу – не указывай на деда*; *От смерти ни откупишься*; *Опасью хорониться – смерти не оборониться*), потому что *Смерть дорогу найдет*; *Смерть причину сыщет*; *Не ты смерти ищешь, она сторожит* (Даль 1993).

Жизнь есть приготовление к смерти. Каждый должен встретить свою смерть не просто как некую абстракцию, а как свою, личную, к которой он готовится всю свою жизнь. Но встреча со смертью – это ещё жизнь. Это отражено в пословицах, смысл которых – 'помни о смерти': *Жить надейся, а умирать готовься*; *Житейское (Мирское) твори, а к смерти гребись*; *Житейское делай, а смерть помни*; *Смерть недосугов не знает*; *Смерть на носу, а будь на кресу* (т. е. *готов*) (арханг.) (Даль 1993).

Однако смерть может предстать как 'благо', если жизнь – вечное страдание. Истинная ценность – достижение освобождения, растворение в бесконечности. Такая позиция свойственна восточным культурам – индийской, китайской, японской, корейской. Бесспорно, это совершенно не означает, что абсолютно каждый китаец или кореец не боится смерти. Речь идёт о том, что в культуре доминирует взгляд на смерть, который даёт возможность вопрос о смерти и бессмертии считать исчерпанным, разрешенным. Известно, что на Востоке не существует вопроса о цели и смысле жизни, никогда не было тех тоскливых исканий и стремлений, какие существуют в русской культуре и на Западе. В восточной культуре упор делается на момент смерти и посмертное существование человека, делается акцент на приятие смерти. Это приятие во многом определяется знанием закона непрерывности жизни.

В русском языке немного пословиц с центральным положением слова СМЕРТЬ в семантическом поле, дающих пример "положительно-

го" отношения к смерти. Приведем примеры пословиц с общим значением 'плохая жизнь', где СМЕРТЬ – Благо: *Лучше смерть, нежели зол живот; И рад бы смерти, да где ее взять?* (Даль 1993).

Идея вечной жизни после смерти отражается в пословицах: *Злому – смерть, а доброму – воскресение; Родится человек на смерть, а умрет на живот* (Даль 1993). В этих пословицах эксплицитно осуществляется противопоставление земной кратковременной жизни и вечной небесной. Вечная ЖИЗНЬ возможна через воскресение, о чем человек должен заботиться во время земной жизни. В русском языке есть пословицы, в которых обнаруживается связь между качеством земной жизни и жизни загробной. В связи с этим существенны пословицы которые отражают идею добра как цели земной жизни: *Жизнь дана на добрые дела; Смерть злым, а добрым вечная память; Каково житье, таково и на том свете вытье; Каково житье, таково и смерть; Меньше жить – меньше грешить; Умрешь, так меньше врешь* (Даль 1993). Лишь одна пословица отражает мысль, что лучше быть во грехе, но жить: *Во грехах, да на ногах; Грешны, грешны, а щи лакаем* (Даль 1993).

По христианскому канону тот, кто живёт перед лицом смерти, думает о смерти, меньше согрешает. В этом осуществляется идея приятия смерти как данности: *Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает* (Даль 1993).

В сознании русской языковой личности закреплено представление, что смерть всегда рядом. В нижеприведенных пословицах в словосочетаниях со словом СМЕРТЬ проявляются обстоятельственные значения (локальные). Где только смерть не бывает: *И за воротом, и за плечами, и за порогом, и на носу*. Мера измерения смерти сам человек. В таких словосочетаниях проявляется локализация смерти как абсолютно вещной реальности, что было бы типичнее для жизни: *Поколе живёшь, все жив; А как помер, так и не стало; И то будет, что нас не будет; Ум за морем, а смерть за воротом; Смерть не за горами, а за плечами; Думка за горами, а смерть за плечами; Смерть за порогом; Бойся, не бойся, а смерть у порога; Смерть на носу; Смерть на пядень; Рубаха к телу близка, а смерть ближе; От жизни до смерти – шагсок* (Даль 1993).

Аксиологическое отражение в пословицах смерти связано прежде всего с христианским мировоззрением, в частности с представлением о грехе, творимом в земной жизни: *Грех – Смерть по грехам страшна; Не бойся смерти, бойся грехов; Не грешит, кто гниет; Не смех, когда придет смерть; Большие жить – большие грешить* (Даль 1993). Пословицы передают также состояния, которые хуже смерти: *Старость не радость, а и смерть не корысть. Истома нуще смерти* (Даль 1993).

Процесс жизни мыслится как 'сложные социальные взаимоотношения', а смерть – как 'справедливость': *Жизнь изжить – и других бить и биту быть; Не на живот, а на смерть (бьют, обижают и пр.); Одна*

и пр.); *Одна смерть правдива (не разбирает богатого); Смерть голову откусит – всех поравняет; У смерти на глазах все равны; Смерть всех поравняет; Одна смерть правдива (не разбирает богатого); Поживешь на веку – поклонись и быку (кореляку)* (Даль 1993).

В сознании русского человека смерть мыслится как 'сон', что отражается в пословицах о Смерти – покое. Слово ПОКОЙ связано с глаголом ПОЧИТЬ (по ТС Ожегову 1. успокоится, 2. умереть): *Мёртвым покой, а живым живое (а живому забота); Пора костям на место (на покой); Покой мыслится как мир души, как успокоение: Усопшему мир, а лекарю тир* (Даль 1993).

Пространство жизни не отделяется жестко от пространства смерти. Неслучайно и жизнь и смерть называют СВЕТ. Разница в том, что жизнь – *белый свет*, а существование после смерти возможно *на том свете*. Свободная душа бывает и *на том* и *на белом* свете. Итак, БЕЛЫЙ свет и ТОТ свет – это элементы семантических полей 'ЖИЗНЬ' и 'СМЕРТЬ', это перифразы, в основе которых лежит имплицитная антитеза. Эту антитезу можно считать имплицитной, так как указательное местоимение ТОТ и прилагательное БЕЛЫЙ не находятся в отношениях антонимичности. Смерть, однако, и не может быть обозначена как 'чёрный свет', то есть 'тьма', поскольку она мыслится как 'простор' и 'освобождение'. Между тем эпитет БЕЛЫЙ имеет отношение и к слову ЖИЗНЬ, и к слову СМЕРТЬ. К слову СМЕРТЬ оно имеет отношение опосредованное. Смерть связана с идеей белизны исключительно через сочетание *белый саван, белый платок*. Получается так, что *белый свет* и идея белизны смерти соприкасаются.

Фразеологические единицы подтверждают идею, что смерть – белая, например, выражением *бледный как смерть*, означающим белизну лица. Из данного выражения мы знаем, какого цвета смерть: она белая. И свет – белый, и смерть – белая. Лишь в одной пословице, звучащей саркастично, смерть окрашивается в иной цвет: *Одного рака смерть красит* (Жигулев 1965). В слове БЛЕДНЫЙ присутствует сема 'белый', однако существенно ещё наличие смысла 'отсутствие красок, свидетельствующих об отсутствии жизни'. Важно различие в коннотативных значениях: словосочетание *белый свет* придает контексту положительную окраску, в то время, как выражение *бледный как смерть* отрицательную.

Само слово СВЕТ в значении 'жизнь' в русских пословицах выступает с положительной коннотацией. Слово СВЕТ в значении 'жизнь' *мил, свет белый, свет не докучает, на свете бывают (на свете быть); со светом расстанутся, на свете живут, со светом пропьются, на свете есть чудеса*; слову СВЕТ в значении 'мир мёртвых' соответствует указательное местоимение – ТОТ (ТОТ СВЕТ = мир усопших, БЕЛЫЙ СВЕТ = мир живущих: СВЕТ = 'ЛЮДИ' в разном статусе 'живые' и 'мёртвые'). Следует также отметить, что положительная коннотация

словосочетания БЕЛЫЙ СВЕТ связана также с христианским представлением, что все божественное – светлое, а дьявольские силы – темные. *Свет мил, да расстаться с ним; Поживи на свете, погляди чудес; И недолго на свете побыть, да не дадут и веку изжить; Как жил на свете – видели, как помирать станешь – увидим; Свет (Жизнь) не надокучит; Помрешь, так прощай белый свет – и наша деревня* (Даль 1993).

Если жизнь (*белый свет*) может быть обозначена субстантивом СВЕТ без прилагательного (свет = жизнь), смерть – только через указательное местоимение плюс субстантив. Так, во фразеологизмах *отправиться на тот свет / оставить белый свет* свет соотносится с понятием "здесь / там": БЕЛЫЙ СВЕТ – жизнь, ТОТ СВЕТ – вечная жизнь, лучшая, чем земная – *уйти в лучший мир*, – в котором возможно вечное блаженство: *отойти к вечному блаженству*. Но в обоих случаях имя СВЕТ обозначает 'пространство', где существуют жизнь до смерти (*белый свет*) и жизнь после смерти (*тот свет*).

В русском языковом сознании жизнь мыслится как Дорога, Путь на тот свет: *На тот свет отовсюду дорога; Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли* (Даль 1993). В нем сформировано представление о свете как о пространстве, где трудно потерять ориентир. Слово ДОРОГА создает образное представление о выходе человека на открытый ему для самостоятельного движения путь, указанный все-таки предыдущими поколениями.

Жизнь на том свете продолжается иногда по законам земной, то есть существование после смерти мыслится в реалиях повседневной жизни: *За него уже на том свете провиант получают (солдатская); На том свете – в лазарете (кадетск.)* (Даль 1993). Иногда ТОТ СВЕТ мыслится как небо, то есть приобретает зрительное, реальное представление. Путь на небо долог, на небо 'лезут по лесенке': *Душа умершего шесть недель на земле живет (почему по истечении этого времени, пекут лесенки, чтобы душе лезть на небо)* (Даль 1993). При этом в землю тоже надо пройти определенный путь: *На небо крыл нет, а в землю путь близок* (Даль 1993).

Метонимически связаны со смертью реалии похоронного обряда — ГРОБ, МОГИЛА, ПОГОСТ, САВАН и под. Имена этих реалий представлены в следующих поговорках: *Несут гостя до погоста; Всякому мертвецу земля – гроб; Мертвый не без гроба, а живому нет могилы; Мертвый не без гроба, живой не без кельи; Живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не обойдется; Живой не без места, мертвый не без могилы; Рубаха на теле — смерть в плоти; Смерть о саване не тужит; Смерть саваном не ублажишь* (Даль 1993). Смерть и похороны мыслятся как 'прокладывание пути, который лежит через мост': *Люди мрут, нам дорогу трут; Передний заднему — мост на погост*. Идея необходимости подготовки к смерти объединяет многие поговорки,

наиболее ярко проявившись в таких, как *Думай о смерти, а гроб всякому готовь: Избу крой, песни пой, а шесть досок паси! Бойся, не бойся, а гроб теши! Дом строй, а домовину ладь!* (Даль 1993).

Русские пословицы обыгрывают реалии похоронного обряда. Смысл 'готовиться к смерти' проявляется в пословицах, в которых говорится о том, что надо готовить гроб. Эксплицитно это проявляется в пословице *Думай о смерти, а гроб всякому готов* (Иначе говоря, живи, а думай о смерти) (Даль 1993). В этой пословице ещё раз отражается предопределенность смерти – от человека, от его размышлений о смерти ничего не зависит, смерть ему уготована. Поэтому человек должен заботиться о месте для своего тела при жизни: *Избу крой, песни пой, а шесть досок паси! Бойся, не бойся, а гроб теши! Дом строй, а домовину ладь! Несут корыто, другим покрыто (гроб). Красный гроб – не для покойника хорош* (Очевидно, здесь КРАСНЫЙ в значении 'красивый') (Даль 1993).

В языке закреплена метонимическое значение 'могила' слова ГРОБ: *сойти в гроб, загнать в гроб*. Оно обнаруживается и в пословице *Из-за гроба нет голоса (нет вести)*. Здесь слово ГРОБ употребляется как обозначение границы между жизнью и смертью (ср.: фразеологизм *между жизнью и смертью*, то же во фразеологизме *до гробовой доски*). Такое представление о границе позволяет через необходимый в христианской традиции атрибут похоронного обряда представлять и жизнь: *по гроб жизни*.

Для обозначения гроба в пословице также существуют метафорические значения: гроб мыслится как коляска или салазки. Это метафорическое значение выражено эксплицитно в определении *гроб – коляска* и имплицитно в словосочетании *лечь на салазки: Жизнь – сказка, смерть – развязка, гроб – коляска, покойна, не тряска, садись да катись; Закрывать глазки, да лечь на салазки* (Даль 1993). Кроме того, в словах КОЛЯСКА и САЛАЗКИ существенна сема 'путь', 'дорога'. Если жизнь – это путь, который надо преодолеть для того, чтобы встретиться со смертью, то гроб (КОЛЯСКА и САЛАЗКИ) – это средство передвижения в вечную жизнь. Смысл ГРОБ–Дом, закрепленный в народном сознании, воплощается в слове ДОМОВИЩЕ, в котором прозрачна внутренняя форма слова: *Дома нет, а домовище (гроб) будет; И бездомник не без домобища* (Даль 1993).

Как дом и связанные с домом-бытом реалии предстает в русском сознании и могила. Могила мыслится как дом для тела. Этот смысл актуализируется в пословице *Узка дверь в могилу, а вон и той нет* (Даль 1993). Иначе говоря, *дверь в могилу*, то есть на *тот свет*, в "дом" есть, а обратно двери нет. Сема 'дом' в слове МОГИЛА присутствует благодаря метонимическому переосмыслению слова ДВЕРЬ (вход). Подобный дом может быть небогатым (ЗЕМЛЯНОЧКОЙ) и умерший

может обозначать его перифрастически: *Хозяин новой земляночки*. Смысл МОГИЛА – Уют актуализируется в пословице: *В могилке, что в перинке: не просторно, да уделено* (Даль 1993).

Во всех пословицах, в которых присутствует концепт СМЕРТЬ, через слова, обозначающие реалии похоронного обряда, вводится коннотация отчуждения смерти, некоторой насмешки над ней. Такие пословицы обладают иронической экспрессией. Самоирония – важная черта русского самосознания.

Страх перед смертью, ожидание смерти, готовность к смерти, её приятие выражаются не только эксплицитно в приведенных выше пословицах, но и имплицитно. Это пословицы, в которых отражается представление народа о предвестниках смерти: *Три свечи на столе – к покойнику: У кого крошки изо рта валяются, тот скоро умрет* (Даль 1993).

Как видим, представление о предвестниках смерти основано на опыте народа. Единство человека с природой отражается в пословицах, в которых представление о предвестниках смерти формируется из наблюдений над явлениями, происходящими в природе: *Дятел избу долбит – к смерти семейного; Шелкова трава заплетает след – знать, моего милого в живых нет* (Даль 1993).

Концепт СМЕРТЬ в русских пословицах связан с концептом СУДЬБА. Судьба решает, что время смерти пришло. СМЕРТЬ – Орудие в руках судьбы. Именно от того, как человек проживает свою жизнь, зависит его судьба. Судьба так же неизбежна, как и смерть: *Судьба придёт, нож сведёт, а руки свяжет; Бойся, не бойся, без року смерти не будет; Рок головы ищет* (Даль 1993).

Итак, в паремиях (в основном это пословицы) за именем СМЕРТЬ закреплено представление о ней как об активной, злой, но иногда справедливой силе. Паремии отражают приятие смерти как данности и даже некоторую насмешку над ней. Пословичное семантическое поле 'СМЕРТЬ' представлено большим разнообразием образных средств, используемых для обозначения этого умопостигаемого явления: олицетворение, метафора, метонимия. Языковое сознание стремится обозначить сущность смерти перифрастически.

Л и т е р а т у р а

1. *Гарин-Михайловский Н. Г.* По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову // Собрание сочинений. М., 1958. Т. 5.
2. *Даль В. И.* Пословицы русского народа (в 3 томах). М., 1993.
3. *Жигулев А. М.* Русские народные пословицы и поговорки. М., 1965.
4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. *Н. Ю. Шведовой*. М., 1992.

Искусство убедительной аргументации: ценности и оценки (От семантики слова к семантике дискурса)

*© кандидат филологических наук Т. С. Зевахина,
кандидат филологических наук Е. Е. Олейникова, 2002*

I. Корпус текстов Владимира Лусканова

Средства массовой информации (СМИ) точнее было бы называть средствами массового воздействия (СМВ). Коммуникативные явления этого плана исследуются ныне широким фронтом при активном участии лингвистов, да и нелингвисты зачастую пользуются лингвистическими методами. Общее представление о широте и глубине проводимых исследований говорят хотя бы приведенные нами в списке литературы свежие публикации [Баранов 1990; Белов 1999; Зимбардо, Ляппе 2001; Имплицитность 1999; Почепцов 1998; 2000а; 2000б; Рекламный 2000; Язык 2001]. Среди СМВ немаловажную роль играет такой жанр, как телевизионный комментарий к новостям.

Материалом проводимого нами многоэтапного исследования являются тексты, написанные или произнесенные с экрана телевизора В.И. Лускановым с 1995 по 2001 год (в дальнейшем Корпус-ВЛ). Автор – признанный авторитет в телевизионной «тусовке», лауреат ТЭФИ и т.д. Мы исходим из гипотезы – что основа данного успеха – в текстах (а не в мастерстве телеоператора и монтажера). Эта работа, попытка ответить на вопрос – «Как же это у него получается?».

В течение описываемого времени автор работал в различных телекомпаниях (РТР и НТВ), делал телесюжеты, писал для Интернет-изданий. К сожалению, оказались недоступны более ранние, газетные, публикации данного автора.

Тексты, относящиеся к РТР-периоду, представлены полностью. Также в полном объеме имеются тексты с сайта НТВ. Эфирные тексты НТВ – выборка, сделанная автором перед уходом из компании. Всего (по данным видеоархива) с 1992 по июнь 2000 вышло 662 видеосюжета – на кассету поместились 31 (менее 5%). Группа эта разнородна. Есть репортажи с мест событий, сюжеты, выходившие под рубрикой «ТЕМА ДНЯ» и «ОСОБОЕ МНЕНИЕ». Будем считать это репрезентативной выборкой. То, что доступных для анализа текстов оказалось – 100 – случайность (Корпус содержит 12087 разных слов. Как мы говорим ниже, с помощью прикладной компьютерной системы мы сводим все

слова к гиперлексемам, которые представлены в словаре квазиосновами, и таких квазиоснов насчитывается 4100).

Тексты с сайтов взяты без изменений. Эфирные тексты расшифрованы. Синхроны оформлены как прямая речь. Материалы, повторяющиеся в разных выпусках, берутся один раз, но если эфирный материал выкладывался на сайт, то в корпусе текстов он присутствует два раза.

Хронологически и в зависимости от субстанции воспроизведения выделяются четыре группы текстов: НТВ-ЭФИР, НТВ-САЙТ, РТР-ЭФИР, РТР-САЙТ.

Особенности текстов, соотнесенных с видеорядом, подробно описаны в литературе. Сюжеты В.И. Лусканова не являются новостями в узком смысле, однако специфику телевизионных текстов сохраняют (не выраженная в явном виде в тексте информация передается через видеоряд, речь третьих лиц (синхроны) используется для передачи наиболее значимой или спорной информации и т.п.).

Тексты на сайтах – аналог письменной газетной речи. Однако отсутствие не только цензуры любого вида, но и редакторской правки делает их гораздо более «лично авторскими», чем любой текст в традиционных СМИ. Это характерно в большей мере для раннего этапа развития Интернета, к которому относятся анализируемые тексты. Для исследуемых текстов не удалось выявить существенных отличий между эфирными и интернет-текстами. Интернет-тексты несколько длиннее эфирных, однако тексты, написанные на РТР, гораздо короче текстов НТВ. Средняя длина текстов – 420 слов (около двух с половиной минут в эфире – стандартное время сюжета в информационных программах.) Самый короткий текст – 86 слов (НТВ-САЙТ 10.03.2000- Смерть Артема Боровика). Самый длинный текст – 1194 слова (НТВ-ЭФИР 06.10.1996 – Конец войны в Чечне (8 синхрон!))

Некоторые формальные отличия Интернет-текстов от эфирных аналогов:

- Использование большего количества цифр, чем это было бы допустимо в эфирном варианте: *Российские военные в Чечне запутались. Профессия такая. Или недолет или перелет. Математика неточности не допускает. 4 февраля 2000 года начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал-полковник Валерий Манилов сообщил, что с 1 октября в Чечне погибло 882 человека из Министерства обороны и 241 человек из МВД. Итого: 1123. Раненых, по утверждению Манилова, среди военных было 2327, среди сотрудников МВД 854. Итого: 3181.* (НТВ-САЙТ 12.02.2000)

- использование традиционного цитирования вместо телевизионных синхронов: *Министр юстиции Юрий Чайка готов поклясться на завете Старом, завете Новом и даже на Коране, что ему об обмене*

Бабицкого ничего не известно: "Я узнал об этом из СМИ". Интерфакс 7.2.2000. (НТВ-САЙТ 8.2.2000)

Некоторые дополнительные количественные данные: длина Корпуса-ВЛ 42 355 словоупотреблений; повествовательных предложений – 3400; вопросительных – 198; восклицательных – 24; всего 3622; средняя длина предложения – 11, 7 словоупотреблений; количество запятых 3 877.

II. Компьютерная система извлечения тезаурусных знаний из текста: ценности и оценки

Описываемый здесь подход к прагматико-семантическому анализу текста СМВ является развитием более ранних моделей, предложенных нами для других проблемных областей – для автоматизированной системы управления (директивные тексты), для информационно-поисковой системы (научно-технические тексты) и для экспертной системы (научно-прогностические тексты) [Зевахина 1977; 1978; 1995; Еленевская, Зевахина, Пожарский 1981; Бестужев, Зайцева, Зевахина, 1986].

Для многих приложений лингвистической семантики ключевое значение имеет проблема ВЫЯВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ И УБЕЖДЕНИЙ, которыми оперируют коммуниканты в процессе общения. Интенсивно разрабатываются такие аспекты этой проблемы, как выбор источников знаний, методы получения знаний из этих источников, классификация типов знаний, оценка их релевантности и достоверности, методы единого образного представления знаний, способы интеграции и обобщения знаний, пути пополнения и коррекции базы знаний.

К числу наиболее сложных и перспективных задач относится задача ИЗВЛЕЧЕНИЯ ЗНАНИЙ ИЗ ТЕКСТА, рассматриваемая как одна из важнейших функций лингвистического процессора, или автоматизированной системы обработки текста (АСОТ) [Городецкий 1983]. Применительно к текстам СМВ реализация такой функции позволяет, с одной стороны, моделировать процесс понимания (смыслового восприятия) текстов слушателями и читателями, а с другой стороны, моделировать процесс вербализации коммуникативного замысла журналистом.

Среди многообразных знаний, содержащихся в тексте, важный когнитивный пласт составляют знания, образующие ТЕЗАУРУС ТЕКСТА. Это система текстовых понятий, организованная с учетом (а) релевантных для данной предметной области семантических классов, (б) авторской картины мира и (в) специфики той фактической информации, которую несет именно данный текст. В современном понимании термин “тезаурус” обозначает многоаспектную систему семантических полей

лексических (или других языковых) единиц. В излагаемом здесь исследовании моделируются ценностный и оценочный аспекты тезауруса.

КОМПЬЮТЕРНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ извлечения тезаурусных знаний из текста первоначально осуществлялась нами в ходе разработки лингвистического обеспечения экспертной системы на основе принципов, предложенных Б.Ю. Городецким и Г.С. Осиповым. Конкретно-лингвистическая концепция нашей модели сочетает в себе идеи контент-анализа дискурса, тезаурусной систематизации понятий, компонентного анализа лексических значений, аксиологической семантики, прикладного словообразовательного анализа и лексикостатистики.

Созданная типовая компьютерная система включает четыре МОДУЛЯ: (1) ведение опорных словарей; (2) прикладной морфологический анализ словоформ текста (первая версия разработана И.А. Муравьевой); (3) терминологический анализ текста (разработан Б.Ю. Городецким и О.М. Сазоновой); (4) собственно извлечение тезаурусных знаний из текста. Программирование осуществлялось Е.В. Комаровой.

Модуль 4 работает в нескольких РЕЖИМАХ, каждый из которых строит для предложенного документа определенный тезаурусный образ. Режимы отличаются друг от друга аспектами и глубиной анализа тезаурусных знаний. Но все они опираются на прикладное тезаурусное моделирование базовой лексики. Основную роль в работе модуля 4 играет **Базовый Семантический Словарь (БАСС)** – развиваемый словарь важнейших лексических единиц, существенных для данной предметной области. Каждая словарная статья описывает гиперлексему, то есть класс лексем, которые имеют общую квазисноу и отождествляются в рамках данной понятийной системы. В отдельных зонах словарной статьи описаны аспекты тезаурусной характеристики гиперлексема. Нами создается вариант БАСС для области телевизионного дискурса (жанр политического комментария). Этот БАСС (наряду с другими, вспомогательными словарями) используется программной системой в ходе автоматического анализа того или иного текста, подаваемого на вход системы. Результатом анализа является **Тезаурусный образ текста (ТОТ)** в ценностном и оценочном аспектах.

Тезаурусный модуль может рассматриваться как своего рода интерфейс между когнитивным миром авторских текстов и массовым сознанием слушателей (читателей).

При анализе текстов В. Лусканова системный БАСС использует, во-первых, 12 **имплицитных обобщенных ценностных категорий**, во-вторых, открытое множество **эксплицитных ценностных категорий**, в-третьих, пометы об **отрицательной или положительной оценке** (примеры даны ниже). Пометы первого вида могут быть приписаны в

словаре самым разным в сигнификативном и денотативном отношении лексемам, но имплицитно содержащим в себе одну или более обобщенных ценностных категорий (ср. широкий подход к имплицитности в коллективной монографии [Имплицитность 1999]). Эти пометы даются прописными буквами и соединяются (в случае необходимости знаком “&”. Пометы второго вида приписаны (ровно по одной) тем гиперлексемам, которые прямо называют ту или иную (иногда очень конкретную) ценностную категорию. Эти пометы даны прописными буквами в квадратных скобках. Пометы третьего вида приписываются тем лексемам, которые в сигнификативном или экспрессивном слое своего значения содержат весьма интенсивную (понятийную или эмоциональную) оценку – либо отрицательного, либо положительного характера. Эти пометы даны в БАСС строчными буквами в угловых скобках.

Первые два вида помет, или семантических компонентов, используются для построения ценностного ТОТ. Он содержит определенным образом упорядоченные ценностные категории с их статистическим весом. Третий вид помет служит для построения оценочного ТОТ. В нем приводятся конкретные лексемы, снабженные числовым показателем абсолютной частоты. Сущность работы основной программы заключается в идентификации в тексте базовых квазиоснов, в подсчете их частоты и в выписывании информации из БАСС. (При этом программа прикладного морфологического анализа опознает и отбрасывает служебные слова и имена собственные – на анном этапе исследования мы их не подвергаем тезаурусной обработке.) Кроме того, в нашей системе есть, программа выделения устойчивых именных словосочетаний, которая дает по каждому тексту дополнительный источник сведений о возможной развернутой номинации ценностей и оценок.

Ниже приводятся образцы обработки двух документов из нашего Корпуса текстов. Сами исходные тексты приведены в Приложении. Оба они звучали в телевизионном эфире. Текст ВЛ1 звучал 22.08.2000 и был посвящен подводной лодке “Курск”, а текст ВЛ51 передывался 11.02.1996 и отражал тему предвыборной президентской кампании.

Компьютерный анализ документа ВЛ1

Приведем фрагмент Рабочего алфавитно-частотного ценностно-оценочного словаря квазиоснов для документа ВЛ51:

бед 1 ЖИЗНЬ & СТАБИЛЬНОСТЬ <отр. оц. ситуации>
бог 1 СТАБИЛЬНОСТЬ & ЗАБОТА [БОГ]
бюдж 1 БОГАТСТВО
вер 1 ЗНАНИЕ [ВЕРА]
видн 1 ЗНАНИЕ & СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & СИЛА
вин 1 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ <отр. оц. человека>

гибел 2 ЖИЗНЬ <отр. оц. ситуации>
глубоководн 1 ЖИЗНЬ & СИЛА
дет 3 ЖИЗНЬ & ЗАБОТА [ДЕТИ]
давно 1 ЗНАНИЕ
договори 1 СТАБИЛЬНОСТЬ
доллар 2 БОГАТСТВО
дом 1 БОГАТСТВО & РОДИНА & ЗАБОТА [ДОМ]
жертвенн 1 ЗАБОТА & ЖИЗНЬ [ЖЕРТВЕННОСТЬ] <полож. оц. человека>
защи 2 ЗАБОТА & ЖИЗНЬ & СИЛА <полож. оц. человека>
зна 1 ЗНАНИЕ [ЗНАНИЕ]
идеал 2 ЗНАНИЕ <полож. оц. ситуации, человека>
истор 1 ЗНАНИЕ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
капит 2 БОГАТСТВО
каска 1 ТРУД
книг 1 ЗНАНИЕ
командир 1 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ & ВЛАСТЬ
команду 1 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ & ВЛАСТЬ
коммунист 1 ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
легендарн 1 ЗНАНИЕ & СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & СИЛА <полож. оц. челове-
ка>
мертв 1 ЖИЗНЬ <отр. оц. ситуации>
мест 1
метр 3
могил 1 ЖИЗНЬ <отр. оц. ситуации>
несравн 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & НОВИЗНА & ЗНАНИЕ <полож. оц. чело-
века>
офицер 2 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ & ВЛАСТЬ
ошиб 1 ЗНАНИЕ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ <отр. оц. человека>
памятник 1 ЖИЗНЬ & ЗНАНИЕ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
подводн 2 ЖИЗНЬ & СИЛА
получи 1
ребен 1 ЖИЗНЬ & ЗАБОТА [ДЕТИ]
рекорд 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & НОВИЗНА & СИЛА & ЗНАНИЕ
реш 2 ЗНАНИЕ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
род 1 ЖИЗНЬ
россий 2 РОДИНА [РОССИЯ]
россиян 1 РОДИНА [РОССИЯ]
рус 2 РОДИНА [РУССКИЕ]
самостоятельн 1 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ & СИЛА [САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ]
сегодня 3 ЗНАНИЕ & НОВИЗНА
сейчас 1 ЗНАНИЕ & НОВИЗНА
сил 1 СИЛА [СИЛА]
спас 3 ЖИЗНЬ & ЗАБОТА & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ <полож. оц. человека>
страх 2 ЖИЗНЬ <отр. оц. ситуации>
стран 3 РОДИНА & ЗНАНИЕ
сын 1 ЖИЗНЬ & ЗАБОТА
текст 1 ЗНАНИЕ

телевизор 1 ЗНАНИЕ & НОВИЗНА
ужас 1 ЖИЗНЬ & ЗНАНИЕ <отр. оц. ситуации>
уход 3 ЖИЗНЬ
флот 2 РОДИНА & СИЛА
хоте 1 ЗАБОТА & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
часть 1 БОГАТСТВО
чест 1 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ [ЧЕСТЬ] <полож. оц. человека>
шанс 1 ЖИЗНЬ & СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ
шахтер 1 ЖИЗНЬ & ТРУД
экипаж 1 ЖИЗНЬ & ТРУД
ядер 1 ЖИЗНЬ

Статистические данные о соотношении словаря и текста в документе ВЛП

Число знаменательных квазиоснов – 168.

Число квазиоснов, несущих имплицитную (скрытую) ценностную нагрузку, – 153 (91 %). Как говорилось выше, эта нагрузка сводится к обобщенным ценностным категориям.

Из них число квазиоснов, выражающих, кроме того, и некоторое эксплицитное (прямое) ценностное значение, – 17 (10,1 % от общего числа знаменательных квазиоснов; 11 % от числа ценностно нагруженных квазиоснов). Как мы говорили, в этом случае ценностная категория носит более конкретный характер.

Число квазиоснов, не имеющих ценностной нагрузки, – 15 (8,9 % от общего числа знаменательных квазиоснов).

Длина текста (число словоупотреблений) – 420.

Суммарная абсолютная частота знаменательной лексики в данном тексте – 206 (ее суммарная относительная частота по отношению к общей длине текста – 0,490, т.е. 49 %).

Суммарная абсолютная частота ценностно нагруженной лексики (несущей имплицитную ценностную нагрузку) – 188 (ее суммарная относительная частота на множестве словоупотреблений знаменательных слов текста 0,913, т.е. 91,3 %).

Из них частотность 1 имеют 128 квазиоснов, частотность 2 – 17 квазиоснов, частотность 3 – 6 квазиоснов, частотность 4 – 2 квазиосновы.

Суммарная абсолютная частота прямых однословных номинаций конкретного ценностного значения – 23 (суммарная относительная частота на множестве словоупотреблений знаменательных слов текста – 0,112, т.е. 11,2 %).

Суммарная абсолютная частота знаменательной лексики, не имеющей ценностной нагрузки – 18 (суммарная относительная частота – 0,087, т.е. 8,7 %).

Ценностный тезаурусный образ документа ВЛ1

(1) Имплицитные ценностные категории

NN п/п	имплицитные ценностные категории	абс. част.	отн. част. к знам. л.	отн. част. к ценн. л.
1	ЖИЗНЬ	66	0,320	0,351
2	ЗНАНИЕ	53	0,257	0,282
3	ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	33	0,160	0,176
4	ЗАБОТА	22	0,107	0,117
5	СИЛА	19	0,092	0,101
6	СТАБИЛЬНОСТЬ	19	0,092	0,101
7	РОДИНА	16	0,078	0,085
8	ВЛАСТЬ	14	0,068	0,074
9	НОВИЗНА	14	0,068	0,074
10	БОГАТСТВО	12	0,058	0,064
11	СОСЯЗАТЕЛЬНОСТЬ	7	0,034	0,037
12	ТРУД	6	0,029	0,032

(2) Эксплицитные ценностные категории:

ДЕТИ (4), РОССИЯ (3), РУССКИЕ (2),
БОГ, ВЕРА, ДОМ, ЖЕРТВЕННОСТЬ, ЖИЗНЬ, ЗНАНИЕ, ЛЮДИ,
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ПОДВИГ, ПОРЯДОК, РАБОТА, САМОСТОЯ-
ТЕЛЬНОСТЬ, СИЛА, ЧЕСТЬ

Оценочный тезаурусный образ документа ВЛ1

Отрицательная оценка человека или ситуации реализована сле-
дующими гиперлексемами: *гибель (2), переживания (2), разбитый (2),*
бастовать, беда, вина, гибель, мертвый, могила, ошибка, перекрывать,
стучать, тяжелый, ужас.

Положительная оценка человека или ситуации реализована с по-
мощью гиперлексем: *спасать (3), защита (2), идеальность (2), жерт-*
венность, легендарность, несравненный, переносить, подвиг, честь.

Компьютерный анализ документа ВЛ51

Приведем фрагмент Рабочего алфавитно-частотного ценностно-
оценочного словаря квазиоснов для документа ВЛ51:

администр 2 ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
банкр 1 БОГАТСТВО & СТАБИЛЬНОСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ <отр. оц.
ситуации, человека>
бед 1 СТАБИЛЬНОСТЬ & ЖИЗНЬ <отр. оц. ситуации>

воздушно-десантн 1 СИЛА & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ & РОДИНА & СТА-
 БИЛЬНОСТЬ
 войн 1 ЖИЗНЬ & СТАБИЛЬНОСТЬ & СИЛА & РОДИНА <отр. оц. ситуации>
 войск 3 СИЛА & РОДИНА & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
 встреч 1 СТАБИЛЬНОСТЬ & ЗАБОТА & ЗНАНИЕ
 выбор 3 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
 выдвиж 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
 выплат 1 БОГАТСТВО & ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ & ЗАБОТА
 губернатор 2 ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
 демократ 2 СТАБИЛЬНОСТЬ & РОДИНА & ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
 [ДЕМОКРАТИЯ]
 зарплат 2 БОГАТСТВО & ЗАБОТА & ВЛАСТЬ
 застави 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & СИЛА
 заяви 1 ЗНАНИЕ & НОВИЗНА & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
 звуча 1 ЗНАНИЕ
 зна 1 ЗНАНИЕ [ЗНАНИЕ]
 ид 1
 избер 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
 компьютер 3 ЗНАНИЕ
 кредит 2 БОГАТСТВО & ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
 леж 1
 лезт 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & СИЛА & СТАБИЛЬНОСТЬ <отр. оц. челове-
 ка>
 мн 2 ЗНАНИЕ
 напомн 1 ЗНАНИЕ
 народ 1 РОДИНА & ТРУД & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ [НАРОД]
 насел 1 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ & ЗАБОТА
 опас 1 СТАБИЛЬНОСТЬ & ЖИЗНЬ <отр. оц. ситуации>
 парт 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ & ВЛАСТЬ
 патов 1 СТАБИЛЬНОСТЬ & ЗНАНИЕ <отр. оц. ситуации>
 соображ 1 ЗНАНИЕ
 сосредоточ 1 ЗНАНИЕ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
 счастье 1 ЖИЗНЬ & СТАБИЛЬНОСТЬ & ЗАБОТА [СЧАСТЬЕ] <полож. оц.
 человека, ситуации>
 такти 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ
 удачн 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ [УДАЧА] <полож. оц. ситуации>
 уникальн 1 ЗНАНИЕ & СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ <полож. оц.. человека, ситуа-
 ции>
 уст 1 ЗНАНИЕ
 устаре 1 ЗНАНИЕ <отр. оц. ситуации, человека>
 устрани 1 СТАБИЛЬНОСТЬ & СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ
 член 4 ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
 шаг 2 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & ЗНАНИЕ
 шанс 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & ЗНАНИЕ
 шахмат 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & ЗНАНИЕ
 штаб 1 ВЛАСТЬ & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ & ЗНАНИЕ
 штурм 1 ЖИЗНЬ & СИЛА & СТАБИЛЬНОСТЬ

эффектн 1 СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ & НОВИЗНА <полож. оц. человека>

Статистические данные о соотношении словаря и текста в документе ВЛ1

Число знаменательных квазиоснов – 203.

Число квазиоснов, несущих имплицитную (скрытую) ценностную нагрузку, – 187 (92,1%).

Из них число квазиоснов, выражающих эксплицитное (прямое) ценностное значение, – 15 (7% от общего числа знаменательных квазиоснов; 8% от числа ценностно нагруженных квазиоснов).

Число квазиоснов, не имеющих ценностной нагрузки, – 16 (7,9% от общего числа знаменательных квазиоснов).

Общая длина документа _ (число словоупотреблений) – 543.

Суммарная абсолютная частота знаменательной лексики в данном тексте – 287 (суммарная относительная частота – 0,529, т.е. 52,9%).

Суммарная абсолютная частота ценностно нагруженной лексики (несущей имплицитную ценностную нагрузку) – 270 (ее суммарная относительная частота на множестве словоупотреблений знаменательных слов текста – 0,941, т.е. 94,1%).

Из них частотность 1 имеют 157 квазиоснов; частотность 2 – 30 квазиоснов; частотность 3 – 9 квазиоснов; частотность 4 – 3 квазиосновы; частотность 5 – 2 квазиосновы; частотность 6 – 1 квазиоснова; частотность 15 – 1 квазиоснова.

Суммарная частотность прямых однословных номинаций ценностного значения – 16 (суммарная относительная частота на множестве словоупотреблений знаменательных слов текста – 0,056, т.е. 5,6%).

Суммарная частотность знаменательной лексики, не имеющей ценностной нагрузки – 17 (суммарная относительная частота – 0,060, т.е. 6%).

Ценностный тезаурусный образ документа ВЛ51

(1) Имплицитные ценностные категории

N	Имплицитные ценностные категории	Абс. частота	Отн. частота к знам. л.	Отн. частота к ценн. л.
1	ЗНАНИЕ	128	0,446	0,474
2	ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	84	0,293	0,311
3	СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ	68	0,237	0,252
4	ВЛАСТЬ	59	0,206	0,219
5	РОДИНА	40	0,139	0,148
6	СТАБИЛЬНОСТЬ	40	0,139	0,148

7	НОВИЗНА	32	0,111	0,119
8	БОГАТСТВО	28	0,098	0,104
9	СИЛА	26	0,091	0,096
10	ЗАБОТА	12	0,042	0,044
11	ЖИЗНЬ	11	0,038	0,041
12	ТРУД	4	0,014	0,015

(2) Эксплицитные ценностные категории:

БЕЗОПАСНОСТЬ (2), КОМПРОМИСС (2), ЛИЧНОСТЬ (2), ДЕМОКРАТИЯ (2),

ДОЛГ, ДОМ, ЗНАНИЕ, ИНИЦИАТИВА, НАРОД, ПРАВДА, РАБОТА, РОССИЯ, СОВЕСТЬ, СЧАСТЬЕ, УДАЧА.

Оценочный тезаурусный образ документа ВЛ51

Отрицательная оценка человека или ситуации реализована следующими гиперлексемами: *пинки (2), провал (2), проигрыш (2), банкротство, беда, война, дудаевцы, патовая, популист, пустота, резня, устарелость.*

Положительная оценка человека или ситуации реализована с помощью гиперлексем: *компромисс (2), инициативность, положительный, помощь, понравиться, правда, сила, совесть, счастье, удача, уникальность.*

II. Интерпретация результатов автоматического тезаурусного анализа текста

Ограниченный объем настоящей статьи не позволяет дать развернутую интерпретацию результатов автоматического ценностно-оценочного тезаурусного анализа предложенных двух текстов. Но постараемся наметить ряд направлений такой интерпретации.

Сопоставление ценностных профилей двух текстов позволяет моделировать как общие установки данного автора, так и различия в коммуникативно-когнитивном заряде этих документов.

Так, в первую половину списка обобщенных имплицитных категорий и в том и в другом профиле попали три следующих ценности: ЗНАНИЕ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ. Может быть, один из секретов Лусканова состоит в том, что он делает акцент именно на этих, конструктивных ценностях, привлекая к ним внимание с помощью разнообразных лексических средств (не только прямых, но и косвенных, не только положительных, но и отрицательных)? В этой связи полезно обратить внимание и на категорию НОВИЗНА, которая в семантике обоих текстов занимает среднее (и далеко не последнее место). И это

помогает нам увидеть особую черту В. Лусканова как говорящего – его динамизм, наступательность, призыв к энергичному поиску решений.

Дифференцирующие признаки в первой шестерке выглядят так: тексте ВЛ1 (о трагедии подлодки) внимание привлекается прежде всего к таким категориям, как ЖИЗНЬ, ЗАБОТА, СИЛА, а в тексте о предвыборной кампании – к категориям СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ, ВЛАСТЬ, РОДИНА.

Как видим, уже парадигматический анализ лексических средств общения позволяет приоткрыть завесу тайны убедительной аргументации – это выделение стержневых ценностных факторов, это использование разнообразной лексики, группируемой вокруг ценностей, от которых зависит сама ЖИЗНЬ человека и СТАБИЛЬНОСТЬ мира.

Интересное направление открывается при изучении составных ценностей, т.е. сочетаний нескольких категорий, скрытых в глубинах лексических пластов текста. Так, в рабочем ценностном словаре текста ВЛ1 частыми составными ценностями являются ЖИЗНЬ & ЗАБОТА, ЖИЗНЬ & СТАБИЛЬНОСТЬ, ЖИЗНЬ & СИЛА, а в тексте ВЛ51 – ЗНАНИЕ & СТАБИЛЬНОСТЬ, ЗНАНИЕ & СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ, ЗНАНИЕ & НОВИЗНА & ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Весьма рельефное представление о деталях ценностного содержания текстов дают выявленные эксплицитные категории. Так, для текста ВЛ1 выделяются прежде всего ДЕТИ, РОССИЯ, РУССКИЕ и далее – БОГ, ВЕРА, ЖЕРТВЕННОСТЬ, ЧЕСТЬ и др. Для текста ВЛ51 это прежде всего БЕЗОПАСНОСТЬ, КОМПРОМИСС, ЛИЧНОСТЬ, ДЕМОКРАТИЯ и далее – ДОЛГ, ИНИЦИАТИВА, СЧАСТЬЕ, УДАЧА и др.

Оценочные профили каждого текста показывают точность словесных квалификаций, даваемых автором текущим событиям, и могут детально интерпретироваться с помощью дальнейшего компонентного и прагматического анализа, т.е. позволяют от лингвистического моделирования переходить к моделированию политологическому. Лексика здесь говорит сама за себя: текст ВЛ1: *гибель, разбитость, беда, вина, ошибка, ужас; защита, жертвенность, честь*; текст ВЛ2: *пинки, провал, проигрыш, банкротство, устарелость; компромисс, правда, совесть*.

Приложение

Два примера из Корпуса текстов Владимира Лусканова

VL001. РТР-ЭФИР. 22.8.2000

[КОРР. ЗА КАДРОМ] Что мы скажем нашим детям? Что скажет жена мичмана Валерия Байбарина своему ребенку, который родится шесть месяцев спустя после гибели отца?

Мы расскажем им, что военный бюджет России в 2000 году был чуть меньше 5 миллиардов долларов и что эта сумма примерно равна той, что Пентагон выделил на постройку пяти новых кораблей для американских военно-морских сил?

Чем мы будем оправдываться перед этими детьми за сегодняшнюю историю России? Тем, что у нас сформировалась многопартийная система? Рассказами о том, что коммунисты не смогли договориться с либералами по вопросу частной собственности? Ссылками на наше тяжелое прошлое? На наши беды, уходящие корнями неизвестно куда? Стенограммами заседаний Государственной Думы о том, кому и какой памятник ставить, куда и какую могилу переносить? Если такое произойдет, наши дети вырастут такими же, как и мы. И совершат те же ошибки. И переживут тот же страх и ужас, который сегодня переживаем мы.

Командир подводной лодки – капитан 1 ранга Геннадий Лячин – поступил иначе. Он взял ответственность на себя. Решение капитана "Курска" заглушить ядерные реакторы лодки спасло жизни тысяч людей, но лишило экипаж лодки каких-либо шансов спастись самостоятельно. Не автоматика сработала. Честь русского офицера. "Делай как я" – вот и все, что он хотел сказать своему сыну.

Глубоководные аппараты "МИР", способные погружаться на глубину до 6000 метров, сегодня работают в Атлантическом океане на месте гибели Титаника за 30000 долларов с туриста, желающего посмотреть останки легендарного корабля. 25 лет назад мурманские водолазы попали в книгу рекордов Гиннеса после погружения на глубину 300 метров. В 91 году российские водолазы провели спасательную операцию на глубине в 280 метров и получили за это Звезды Героев России. Спасательное судно "Михаил Мирчин" – плавучая база водолазов-глубоководников, приписанное к порту Мурманск, – давно продано за границу.

Чья вина в том, что богатыми в России становятся в порядке исключения, а мертвыми на общих основаниях?

Почему шахтеры стучат касками, почему профсоюзы перекрывают железные дороги и почему не бастуют российские офицеры?

Во что они верят?

[ИГУМЕН АРИСТАРХ (НАМЕСТНИК ТРИФОНО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ)] "Сейчас, когда мы побывали здесь в Видяево, увидели разбитые дома. Видно, что это несравненный подвиг. Я думаю, ни в одном морском флоте мира нет такой жертвенности: когда уходишь из разбитого Видяево, уходишь на подводной лодке для того, чтобы защищать страну, которая, может, быть пока больше существует у тебя в идеале, у тебя в голове, нежели у тебя за спиной."

[КОРР. ЗА КАДРОМ] Десять дней страна не выключала телевизоры, чтобы увидеть и защитить эту идеальную страну. Этой страны еще нет. Командующий Северным флотом адмирал Попов это знает. Он русский офицер и никто, кроме него, не решился просить прощения у россиян. Владимир Лусканов. Вести.

VL051. НТВ-ЭФИР. 11.2.1996

Для всего мира главным событием сегодня станет проигрыш чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова компьютеру IBM. Для России главное, по-прежнему, в другом: кто кому проиграет в борьбе за пост президента. Хотя вполне возможно, что лучшим президентом России на будущие пять лет мог бы стать этот уникальный компьютер. Но ... наш машинный парк состоит из морально устаревших "Жигулей", и россияне знают, чтобы заставить эти машины работать, их надо исправно пинать. До сих пор самым удачным остается пинок Бориса Немцова. Губернатор Нижнего Новгорода подарил Борису Ельцину миллион подписей.

Б.ЕЛЬЦИН: "Это просто, я бы сказал, популистский, немцовский шаг. А кто хочет? Я хочу войны? Я не хочу. Военные не хотят. Все население не хочет. Мир тоже не хочет. Мы можем миллиард подписей собрать, если по всему миру".

Ельцин сделал вид, что миллион подписей ему ни к чему. Но миллион – это рубеж для того, чтобы стать кандидатом в президенты.

М.УДУГОВ: "Все постоянные высказывания о Чечне, которые, так или иначе, звучали из уст членов президентского совета, они теперь, соединяясь с этими подписями, инициатива которых была, заметьте, администратора, губернатора, а, увы, не демократических партий, не демократы начали эту кампанию...".

Все члены президентского совета, собравшись вместе впервые за полтора года, порекомендовали Ельцину попытать счастья на второй срок, хотя и не скрывали своих опасений, что шансов на победу немного. Политсовет "Нашего дома-Россия" также принял решение – поддержать выдвижение кандидатуры Бориса Ельцина. Но член президентского совета Леонид Смирнягин предостерег Бориса Ельцина от союза с чиновниками. По его мнению, штаб во главе с Олегом Сосковцом может только провалить президентскую кампанию.

Л.СМИРНЯГИН: "Мне кажется, опять чиновники завладели самой организацией выборов, и тогда провал просто-напросто обеспечен".

Если отбросить чиновников, то президент может положиться только на миллионы избирателей. "Комсомольская правда" вышла специальным выпуском, предложив 10 миллионам своих читателей – прийти на помощь президенту в поисках выхода из чеченской войны.

Б.ЕЛЬЦИН: "Убери войска, полная резня будет во всей Чечне. Не убери войска, нечего мне лезть и в президенты, и в выборы, народ не изберет. Видите, как получается? И – как, где компромисс"?

Каким может быть этот компромисс, пояснил глава администрации президента Николай Егоров. Вчера в Мурманске он заявил, что, по его мнению, вполне реальным полагает вариант "одним махом силы" устранить дудаевцев. Напомним, что на совести нынешних членов Совета безопасности: Грачева, Егорова, Примакова, Черномырдина, лежит решение о вводе войск в Чечню. Они начинали с одного воздушно-десантного полка, двух часов на штурм, а заканчивают 38-ю снайперами, семью вариантами и "одним махом".

Говорить о предвыборной стратегии президента Ельцина за три месяца до выборов, когда он только-только начинает прояснять свою позицию, наивно. Сейчас речь идет только о тактике. В запасе у президентской команды только два эффектных шага: расквитаться с долгами по зарплате и подготовить личную поездку Бориса Ельцина в Чечню. Скорей всего, именно на этих темах президент сосредоточит свое внимание 14-15 февраля в Екатеринбурге во время первой предвыборной встречи с избирателями-земляками.

Беда, однако, заключается в том, что незапланированные расходы из бюджета на выплату зарплаты не понравятся Международному валютному фонду, чей кредит в девять миллиардов долларов позарез необходим правительству. Без кредита правительство станет банкротом. Что же касается поездки в Грозный, то, по соображениям личной безопасности президента, она, скорее всего, окажется пустой прогулкой из аэропорта "Внуково-2" в аэропорт "Северный" и обратно. Возможно, компьютер IBM нашел бы выход из этой патовой ситуации. Найдет ли этот выход президент России?

Владимир Лусканов

Л и т е р а т у р а

- Баранов А.Н.* Что нас убеждает?: (Речевое воздействие и общественное сознание). – М., 1990.
- Белов Г.А.* Политология: Курс лекций. – М., 1999.
- Бестужев А.К., Зайцева О.В., Зевахина Т.С. и др.* Семантико-квантитативное исследование подъязыка(опыт создания автоматизированной системы) // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов / Уч.зап. ТГУ, вып. 745. – Тарту, 1986.
- Городецкий Б.Ю.* Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. – М., 1983.
- Городецкий Б.Ю.* От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. – М., 1990.

- Городецкий Б.Ю., Зевахина Т.С.* Метод моделирования структуры текстовых информационных потоков // Всесоюз. совещ. по проблемам автоматизации информации. процессов в области общественных наук. – М., 1979.
- Еленевская Л.Е., Зевахина Т.С., Пожариский И.В. и др.* Методика семантико-статистического анализа Базового отраслевого тезауруса по геологии // Научно-техническая информация в геологии. Экспресс-информация. Вып. 5. – М., 1981.
- Зевахина Т.С.* Компонентно-статистический метод аннотирования распорядительной документации в АСУ // Всесоюзная конференция "Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики". – М., 1977.
- Зевахина Т.С.* Компонентный метаязык как инструмент автоматического аннотирования // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. – Ленинград, 1978.
- Зевахина Т.С.* Извлечение тезаурусных знаний из текста: принципы компьютерного моделирования // Лингвистика на исходе XX века. – М., 1995.
- Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. – Санкт-Петербург, 2001.
- Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. *Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов.* – М., 1999.
- Почепцов Г.Г.* Семантические проблемы коммуникации: Автореф. ... д-ра филол. наук. – Киев, 1988.
- Почепцов Г.Г.* Теория и практика коммуникации: (От речей президентов до переговоров с террористами). – М., 1998.
- Почепцов Г.Г.* Имиджеология. – М., 2000а.
- Почепцов Г.Г.* Информационные войны. – Киев, 2000б.
- Рекламный текст: Семиотика и лингвистика / Отв. ред. *Ю.К. Пирогова, П.Б. Паршин.* – М., 2000.
- Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции / Под общ. ред. *М.Н. Володиной, М.Л. Ремневой.* – М., 2001.

Конфронтативные лакуны изобразительного типа в русских текстах

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова,
кандидат филологических наук Пак Сон Гу (Республика Корея), 2002

*"В иероглифах плутаю,
Как в загадочном лесу"
(Р. Рождественский)*

Иероглифы, используемые в китайском, японском и корейском письме¹, являются для большинства русских людей фронтативными лакунами изобразительного типа (термин Ю. А. Сорокина – см. Сорокин 1981, 97).

Встречаясь в текстах перевода, иероглифы – эти национально-специфические элементы, представляют для русскоязычного читателя устойчивые лакуны значительной глубины и труднее всего поддаются толкованию.

Эстралингвистическими причинами этого, возможно, являются: 1) незнание подавляющим большинством русскоязычных читателей таких восточных языков, как китайский, корейский, японский, использующих в своем письме иероглифы; 2) недостаточно развитые межкультурные связи русского народа и народов, использующих иероглифы в своем письме; 3) большие различия в культурах России и стран, использующих иероглифы в своем письме.

Языковые причины: 1) большие структурно-типологические различия между русским языком и языками-источниками; 2) «неинтернациональный» характер иероглифов; ограниченность их употребления (встречаются в основном в переводных и оригинальных текстах о Коре, Китае и Японии); 3) отсутствие иероглифов в славянском письме.

Толкования иероглифов, встречающиеся в русских текстах, можно разделить на две группы: 1) полные, в которых представлены значение, графически переданное звучание и графический образ иероглифов; 2) неполные, в которых одно из трех обязательных, с нашей точки зрения, условий, отсутствует. В таких толкованиях могут быть представлены: а) семантика иероглифа и его графический образ; б) семантика иероглифа и его звучание; в) семантика иероглифа.

Следует отметить, что использование иероглифов в их графической форме в русских переводных и оригинальных произведениях встречается крайне редко. Ср.:

¹ В Республике Корея и Японии используется смешанное письмо (см. об этом ЛС 1990, 226; 242; 376; 626).

«...Япония по-японски – это **Нихон**. Или **Нипон**.

– А что это значит?

– Посмотри, мы стали бы объяснять, – японец, профессор Фудзи, быстро нарисовал два символа (не хочу говорить это странное здесь слово – иероглиф), – вот этот характер значит "*солнце*". А второй – "*источник*", "*основа*". **Ни-хон**. Значит, вместе это будет как бы "*место, где живет солнце*", "*земля солнца*". Вот так называется страна по-японски.

– А я думал – Страна восходящего солнца, – сказал я, вспомнив знакомый с детства трафарет для Японии.

– Нет, не Страна восходящего солнца, а *Земля Солнца*, ну, *место, где живет солнце*. 日本» (Зотиков 1999, 36).

Автор книги «Японская сестра» представляет достаточно полную информацию об «экзотических» графемах японского языка: приводится звучание иероглифов, принятое в Японии (**Нипон**, **Нихон**), а также их значения и графические образы.

В другом случае И. А. Зотиков акцентирует внимание русскоязычного читателя в основном на семантике иероглифа. К толкованию иероглифа он возвращается неоднократно, раскрывая различные стороны его семантической структуры. В двух случаях приводится графический образ этого иероглифа. Графический образ иероглифа выносится и на обложку книги. Очевидно, что данный иероглиф представляет для автора большую значимость. Однако, по нашему мнению, толкование иероглифа нельзя считать полным, так как автор не сообщает, как же произносится данный иероглиф. Ср.:

«На одном из листов черной тушью был нарисован незнакомый мне большой иероглиф.

– Начните практиковаться с этого, – сказала Микико.

– А что он означает?

Японцы заговорили, заговорили между собой, видимо решая, как перевести его.

– Этот символ значит "*вечность*", "*постоянство*", *чувство, что это будет всегда*, – сказала вдруг Микико уверенно» (Зотиков 1999, 61).

«В какой-то момент она взглянула на стену:

– О что за китайский характер² висит у вас на стене?

– Как китайский? Это японский символ, который я сам нарисовал!

² «Кандзи – это самая старинная, пришедшая из Китая система, значки которой мы в России называем иероглифами, а здесь все их называют просто символами или характерами. Слова "иероглиф" здесь никто не "знает"» (Зотиков 1999, 30).

– Нет, это китайский характер. И я знаю его смысл, хотя не знаю, как это сказать по-японски. Смысл этого символа...

Она сказала это слово по-английски, с пафосом. А я вздрогнул оттого, как неожиданно изменила она его смысл в сравнении с тем, как объясняли его японцы. "Вечность", – был смысл его в переводе. "Всегда", – сказала она. То же! И не то же! 永» (Там же, 95).

В русских текстах авторы и переводчики, как правило, приводят значение иероглифа и его звучание (о значении (хун) и звучании (ым) китайских иероглифов в корейском языке см. НСКЯ 1994, 1602; 2316; Самсонпан 1986 Т.2, 2633; 3817).

Ср.: «Небо – **чон**, земля – **чи**, темный – **хён**, желтый – **хван**" («Верная Чхунхян» 1975, 336); «Высокое, высокое – Небо, **чхон**. Глубокое, глубокое – Земля, **чи**. Густое, плотное, темное – **хён**. Подгорелое – желтое, **хван**...» («Верная Чхунхян» 1990, 34-36); «Умею писать буквы... Да и по-китайски обучена: "небо" — "**чхон**", "земля" — "**чжи**", "черный" — "**хён**", "желтый" — "**хван**"...» («Записки...» 1985, 39).

Из приведенных примеров видно, что *небо*, *земля*, *темный* и т. п. являются значениями иероглифов (хун), а **чон** (**чхон**)³, **чи** (**чжи**), **хён** – их звучанием (ым). Однако об этом, в подавляющем своем большинстве, русскоязычный читатель не может догадаться из-за отсутствия каких-либо знаний в этой области. Переводчиками же эти феномены «чужой» культуры никак не поясняются.

Иногда пояснения содержатся в самом тексте произведения, в речи его героев, однако и это мало помогает заполнению лакун, которые возникают при прочтении следующего отрывка. Ср.:

«– ...Где ты живешь и как твоя фамилия?

– Моя фамилия – "два человека борются", – ответил мужлан загадкой.

– Борющихся людей, – стал рассуждать вслух Кунпхени, – напоминают написанные рядом два иероглифа "дерево". А двойное "дерево" значит "лес" и читается "лим". Выходит, что твоя фамилия – Лим...

– А как тебя зовут? – обратился Кунпхени к другому мужлану.

– Поверни вокруг четыре раза "гору", и ты узнаешь, как меня зовут, – ответил тот.

Кунпхени подумал немного про себя и сказал:

– Если повернуть иероглиф "гора" четыре раза вокруг вершины, то получится иероглиф "поле", который читается "**чон**". Стало быть, твоя фамилия Чон» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 179).

³ Кореизмы в русских текстах имеют различные орфографические варианты. О причинах существования орфографических вариантов корейских лексем в русских текстах см. Филимонова 1998, 105-114; 1999, 194-200.

Как видно из приведенных примеров, герой повести Кунпхени занят разгадыванием фамилий людей. Из его речи русскоязычный читатель может узнать о том, что корейские фамилии могут писаться как буквами корейского алфавита хангыль, так и китайскими иероглифами, какие фамилии являются самыми распространенными в Корее, как они произносятся, т. е. приводится графически переданное звучание этих фамилий и их значения. Однако из-за незнания иероглифического письма подавляющему большинству русскоязычных читателей трудно понять логику рассуждений героя повести и тот факт, как ему удается быстро и без особого труда точно угадывать фамилии.

В другом случае в переводе представлены значения иероглифов, имеющиеся в корейском языке одинаковое звучание (ым).

Ср.: «Судя по тому, что в подписи Ко Чжука слог "ко" был передан не иероглифом "древность", как обычно, а звучащим точно также иероглифом "одиночество", свиток относился к тому времени, когда Ко Чжук во второй раз ушел от Сок Тама» («Золотая птица Гаруда» 1994, 51).

Не каждому русскоязычному читателю известно, что одинаковое звучание могут иметь разные иероглифы: 古 'древность' и 孤 'одиночество'.

Автор повести апеллирует к фоновым знаниям читателя-корейца. У подавляющего же большинства русскоязычных читателей подобные знания отсутствуют. Здесь был бы необходим лингвистический комментарий переводчика, объясняющий языковые особенности китайских иероглифов в корейском языке.

Часто в иероглифах содержится информация о символах, принятых в данном языковом коллективе. Такая информация, как правило, скрыта от русскоязычных читателей. Нами отмечены случаи, когда в русском тексте автор вместе со значением и графически переданным звучанием раскрывает символическое значение иероглифов.

Ср.: «В праздничные дни на улицах, в домах и общественных зданиях вывешивались многочисленные “эмблемы счастья”. Наиболее распространенной эмблемой были иероглифы **шуан** (“пара”) и **си** (“счастье”). Они писались вместе – **шуан-си** (“двойное счастье”). Эти иероглифы символизировали благополучие человека, его богатство, какое-нибудь большое радостное событие» (Сидихменов 2000, 29).

Ср.: «После смерти главы семьи хозяином дома становился его старший сын, которому должны были подчиняться все младшие родственники. Это нашло отражение и в иероглифической письменности. Например, иероглиф **у**, означающий “управлять”, состоит из двух элементов: “рука” и “комната”, т. е. держать в руках, распоряжаться домом; иероглиф **фу** – “отец” изображает руку, держащую прут; иероглиф **чжан** – “старый” состоит из двух элементов “дерево” и “палка”,

что означало: старший в семье ходит с посохом. Во всех упомянутых иероглифах присутствуют атрибуты власти старшего – рука, прут, посох или палка» (Сидихменов 2000, 126-127).

Некоторые переводчики раскрывают только семантику иероглифа, не используя при этом ни его графического изображения, ни звучания. В некоторых случаях такой способ толкования иероглифов кажется нам оправданным, более того, в отдельных случаях единственно возможным (например, при переводе поэтических произведений, в оригинальных текстах которых содержится значительное количество иероглифов).

Ср.: «Ты умрешь и станешь знаком в книге, // Иероглифом земли и мрака, // Будешь знаком женщины и девы. // Я умру и тоже знаком стану, // Иероглифом небес и света, // Буду знаком сына и мужчины. // К знаку девы сына знак припишут, // Знак "любовь" из двух частей составят — // В нем мы снова встретимся с тобою».

При анализе оригинального произведения («Чхунхян Джон» 1978, 57) в этом отрывке нами зарегистрировано двенадцать иероглифов: 地 'земля', 陰 'мрак', 天 'небеса' и т. д.

Ср.: «... наставник Сок Там, заставляя учеников практиковаться в написании уставом, предпочитал "двойного журавля"» («Золотая птица Гаруда» 1994, 23); «Однако как хороша эта "орхидея"!.. Как подходит она к стремительности "ветра" и текучести "потока"» (Там же, 26).

Из приведенных примеров видно, что способ передачи иероглифов – раскрытие их семантики, который избрал переводчик В. М. Тихонов, с нашей точки зрения, не совсем удачен, так как в этом случае, к сожалению, не учитывается тот факт, что в рассказе речь идет о корейских мастерах каллиграфии, посвятивших свою жизнь написанию иероглифов. Русскоязычный читатель не может представить, чем же восхищаются герои повести Ли Мун Ёля, в чем красота иероглифов со следующими значениями: 'орхидея' (蘭), 'ветер' и 'текучесть потока' (風流), 'двойной журавль' (雙鶴銘). Возможно, в послетекстовых примечаниях следовало бы представить иероглифы в их графическом изображении, чтобы русскоязычный читатель мог получить представление о том, как же выглядит тот или иной иероглиф. Это тем более кажется уместным и необходимым, так как, повторимся, в повести речь идет об известных корейских каллиграфах, искусстве написания иероглифов.

Использование в переводе только значений иероглифов без их графического образа приводит к появлению очень глубокой лакуны при прочтении следующего отрывка:

Ср.: «Все иероглифы у него перепутались. Иероглиф "небо" превратился в "большой", написано "Краткая история" – ему кажется "разбой", "История Китая", а он читает "высохшая слива", "Беседы и

суждения", а ему кажется "окунь", написано "Мэнцзы", а ему мерещится "дикий мандарин", "Книгу песен" он прочитал, как "шелковая штора", а "Книгу перемен" как "соломенный плащ"...)» («Верная Чхунхян» 1975, 338).

Русскоязычный читатель, читая лишь значения иероглифов, не может понять, как можно перепутать слова с различной семантикой. Чтобы понять, необходимо иметь представление о графических образах иероглифов (например, 天 'небо' и 大 'большой' и т. п.).

Иногда в самом тексте произведения наряду со звучанием (ым) содержится подсказка – вербальное описание графической формы иероглифа (呂), которая помогает хотя бы частично элиминировать лакуну.

Ср.: «Как я хотел бы губки Чхунхян к моим прижать и поцеловать, разве это не по закону гармонии – ё? Ведь этот знак и пишется как два рта — один над другим!» («Верная Чхунхян» 1990, 36). «Потом напрягся и подтянул Чжэньцина к себе, так что оба стали походить на иероглиф **люй**, который как известно, состоит из двух соединенных ртов» (Би Сяошэн 1992, 43-44).

Как видно из приведенных примеров, переводчики избрали одинаковый прием внутритекстового толкования иероглифа. Несмотря на это, лакуна, остается не до конца элиминированной.

В этих примерах для лингвиста представляет интерес еще тот факт, что один и тот же графический образ в двух языках – корейском и китайском – имеет разное звучание (ср. ё – **люй**). Причиной этого является тот факт, что китайские чтения иероглифов, проникшие в Корею из разных районов Китая и в разное время, были приспособлены к фонетической системе корейского языка, образовав так называемое корейзированное чтение иероглифов (ЛС 1990, 171; 569).

Упоминания об иероглифах встречается и в образных сравнениях при описании мужской и женской красоты.

Ср.: «... а на бровях, похожих на иероглиф "**пхаль**" ... блестели капельки пота...» («Записки...» 1985, 56).

В Примечаниях, расположенных после текста произведения (составитель Д. Елисеев), встречается следующее разъяснение по этому поводу: «образное выражение, обозначающее брови, приподнятые к переносице (у красавицы) и напоминающие своими очертаниями иероглиф "**пхаль**" ("**восемь**")» («Записки...» 1985, 446).

Русскоязычному читателю из-за незнания иероглифического письма остается гадать, как же выглядит иероглиф **пхаль** и почему он стал для корейцев и китайцев эталоном красоты. Помимо семантики иероглифа ('восемь') переводчику следовало бы представить графическое изображение иероглифа **пхаль** (ㄗ). В этом бы случае русскоязыч-

ному читателю было бы нетрудно представить форму сросшихся бровей, приподнятых к вискам. В русском же обыденном сознании красота бровей девушки связывается обычно с дугой (ср. брови дугой), а народов Средней Азии – с полумесяцем (ср. полумесяцем бровь). Для корейцев же эталоном была и остается форма иероглифа **пхаль**. Это и нашло отражение в корейском языке: ср. 팔 방 미 인 – **пхаль бан миин** – букв. «восемь сторон света» – '*говорится о красоте бровей*'.

В другом случае вместо национально-специфического образного сравнения, переводчик использует в сравнительной конструкции значение иероглифа **пхаль** – '*восьмерка*'. Это не только не элиминирует лакуну, а наоборот, как нам кажется, запутывает русскоязычного читателя, так как ему трудно представить, почему брови молодого человека в форме цифры восемь вызывают восхищение у представительниц прекрасного пола.

Ср.: «*восьмерки бровей обладали красотой гор и рек*» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 98).

Большинство русскоязычных читателей не знакомы с правилами, общепринятыми нормами написания иероглифов, существовавшими в средние века в Корее, и их изменениями в настоящее время, не знакомы они и с техникой написания иероглифов.

У русского, корейского, китайского и японского народов издревле существовали разные алфавиты, а отсюда и разные требования к написанию графем, разные представления о каллиграфическом мастерстве. В связи с этим трудности для русскоязычного читателя могут представлять отрывки из корейских, китайских и японских произведений, где описывается техника написания иероглифов. Эти отрывки также представляют для русскоязычного читателя интеркультурные лакуны, так как в русской культуре отсутствует что-либо подобное. Трудности представляют и образные сравнения, которые используют корейские авторы для описания каллиграфического таланта своих героев. Подобные сравнения национально-специфичны и представляют собой эмоциональные лакуны (см. об этом, например, Томашева 1995, 57): красота иероглифа сравнивается с грацией извивающихся змеи или дракона.

Ср.: «... юноша улыбнулся, развернул лист бумаги и, не отрывая от него кисти, написал три строфы, после чего небрежно бросил свое сочинение на стол. Вихрь, слепящий глаза; дракон и змея, что переплелись в смертельной схватке» («Сон в нефритовом павильоне» 1982, 43); «Когда я писал, один иероглиф соединялся с другим, и казалось, будто змея или дракон переползает со строки на строку» (Там же, 707); «... одним взмахом кисти вывела замысловатую надпись. Это был удивительный образец каллиграфии! Причудливо извиваясь, словно длинное туловище синего дракона, письма на бумаге гласили...» («Сказа-

ние о госпоже Пак» 1960, 505); «... в искусстве каллиграфии – стоило ему поднять руку, // как драконы и змеи оказались посрамленными» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 99).

В корейской ментальности дракон олицетворяет королевскую власть, могущество. Много фразеологизмов в корейском языке образовано с этой лексемой (см. об этом Пак 1996, 203-204). В корейском языке имеет самую положительную коннотацию.

Для русского же человека с драконом связываются самые негативные ассоциации: дракон — отрицательный персонаж русских народных сказок, чудовище в виде огнедышащего змея. Так же, как и дракон, змея в русской ментальности никак не отождествляется с красотой, а ассоциируется с хитростью, зловредностью (говорится о женщине).

Для корейских читателей образные сравнения иероглифов, в которых встречаются названия из мира природы, естественны и не вызывают сомнений и недоумения, которые могут возникнуть у русскоязычного читателя. Красота почерка у русских едва ли может связываться со сброшенным с горы камнем, повисшей на утесе старой сосной, ветвями сухой лозы, острием стрелы. Причина здесь может быть в том, что, несмотря на единство законов логики и познания мира, различные народы обладают специфическим видением мира и поэтому по-разному отражают в своих языках окружающую их действительность.

Ср.: «А какой у него каллиграфический талант! Точку одну поставит, словно камень сбросили с высокой горы, начертит единицу – бодростью прямо на тысячи ли повеет! Верхняя часть иероглифа у него с голову воробья, и как примется спорить о правилах написания – гром и молния, ветер и волны! Вертикальная черта у него словно старая сосна повисла на утесе, а черточки, что пишутся снизу вверх, тянутся, как ветви сухой лозы. Проведет кистью снизу вверх, и вот оно – торчат острие стрелы! Устанет рука – ногой прочеркнет, но линии хорошо получаются. Подсмотришь иногда тихонько, как он пишет – у иероглифов черта к черте» («Верная Чхунхян» 1990, 37).

Практически полностью не заполненными лакунами в тексте перевода для русскоязычного читателя остаются описания различных инструментов и приспособлений, так называемых «четырёх сокровищ кабинета ученого», которые использовали корейские каллиграфы и художники в своей работе: тушечницы, кисти, различные сорта туши и бумаги, краски и т. п.

Русскоязычный читатель не может увидеть разницу между китайской бумагой и бумагой из Чолладо в свитках, бумагой для книг и карт и бумагой для стихов. Из текста произведения он может лишь понять, что все описанные кисти, краски, сорта бумаги, туши и т. п. являются лучшими. Остальная информация остается «за кадром». Стоит заметить, что эта информация остается скрытой и для многих современных ко-

рейских читателей. Если подобные отрывки для русскоязычного читателя являются интеркультурными лакунами, то для носителей корейского языка – интракультурными лакунами (термины Ю. А. Сорокина – см. Сорокин 1977, 127-129).

Ср.: «Принесли четыре сокровища кабинета ученого. Взгляните на тушечницы! Тут и тушечница из черепахи, живущей на золотом песке у осенних вод, и тушечница в виде дракона из нампхоского лазурного камня, тушечница из монастыря Махаенса, что в Алмазных горах, тушечница цвета алого персика. А вот лучшие сорта туши: "тушь певцов ветра и луны", "тушь из лотосового зала", тушь "месяц зимнего цветения сливы в горах Шоуяншань", тушь "отрыжка дракона".

А кисти! Кисть из шерсти ласки, из овечьей шерсти, кисть стилиста Цзян Яня для литературных трудов, кисть историка Бань Гу для исторических хроник, кисть, которой пишут иероглифы для печатей, колонковая кисть. А сколько сортов бумаги! Бумага "белый хлопок", "снежный цветок", толстая и плотная бумага, бумага "бамбук зеленеет" из Чонджу, бумага "веер" из Сунчхана, бумага для писем из Чхонпхуна, китайская в свитках и из Чолладо в свитках, бумага для стихов и писем, бумага для книг и карт, бумага Се Тао и "яшмовая дощечка для письма". И все это разложено вокруг.

А как хороши краски различных оттенков! Вот малиновая из сафлора, вот китайские — красная и молочно-зеленая, а вот бледно-зеленая, темно-зеленая, ярко-зеленая, изумрудно-зеленая, краски из камня "петушиный гребень", апельсиновая и желтая. А вот и киноварь! А тут порошок цвета персика, порошок, разведенный в воде, листы золота и серебра, ивовый уголь» («Приключения зайца» 1990, 332-333).

Итак, по нашим наблюдениям, наиболее распространенным способом заполнения конфронтативных лакун изобразительного типа можно считать раскрытие их семантики.

Несмотря на попытки переводчиков заполнить эти лакуны, у русскоязычного читателя остается ощущение чужеродности этих национально-специфических элементов иной культуры в русском тексте. Конечно, степень лакунированности может быть различной для разных слоев населения в зависимости от знаний восточных языков, использующих иероглифы в своем письме, а также общих знаний и уровня начитанности. В силу ряда экстралингвистических и лингвистических причин конфронтативные лакуны изобразительного типа в русских текстах остаются, к сожалению, неэлиминированными.

Л и т е р а т у р а

Би Сяошен. Цвет абрикоса. М.: СП "Вся Москва", 1992. (Перевод Киры Голыгиной и Ксении Голыгиной).

- Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхунхян. Корейские классические повести в XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 113-190. (Перевод А. Васильева).
- Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. (Перевод А. Троцевич, М. Никитиной и др.).
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Роман. Перевод с корейск. и ханмуна. Л.: Худож. литер. (Ленинградск. отд.), 1985. (Перевод Г. Рачкова).
- Зотиков И. А. Японская сестра. Книга о Японии. М.: ТЦ "Сфера", 1999.
- Ли Мун Ёль. Золотая птица Гаруда // Золотая птица Гаруда. Рассказы современных корейских писателей. СПб., 1994. С. 11-80.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: "Советская энциклопедия", 1990.
- Пак Сон Гу. Функционально-параметрическое описание фразеологических единиц (на материале фразеологизмов русского и корейского языков). Дисс. ... канд филол. наук. М. 1996.
- Повесть о верной Чхунхян, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь // Классическая проза Дальнего Востока. М.: Изд-во худож. литер., 1975. С. 332-368. (Перевод Л. Концевича).
- Повесть о Чёк Сёные. В одной тетради. (Чёк Сёный Чён. Квонджи тан). СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1996. (Перевод А. Троцевич).
- Приключения зайца // Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 327-360. (Перевод М. Никитиной).
- Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2000.
- Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547. (Перевод Г. Кузиченко).
- Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982. (Перевод Г. Рачкова).
- Сорокин Ю. А. Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Аспекты изучения текста. Сб. науч. трудов. М.: УДН, С. 93-101.
- Сорокин Ю. А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 120-136.
- Томашева И. В. Понятие "лакуна" в современной лингвистике. Эмотивная лакуна. // Язык и эмоции. Сб. науч. трудов. Волгоград: "Перемена", 1995. С. 50-60.
- Филимонова Е. Н. Иноязычные лексические элементы в переводном тексте (на материале русских переводов с корейского). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Филимонова Е. Н. Фонетико-графическая передача корейских элементов в русском тексте // Сб. статей Кёнбукского университета иностранных языков, Кёнсан. 1998. С. 105-114.
- 동아 새 국어 사전. 서울. 동아 출판사. 1994. (Новый словарь корейского языка Дон А. Сеул: Изд-во Дон А. НСКЯ, 1994).
- 삼성판 국어대사전. 서울. 삼성문화사. 1986. 2 권. (Большой словарь корейского языка Самсонпан. — Самсонпан, 1986).
- 신기철, 신용철 새 우리말 큰사전. 서울. 삼성 출판사. 1975. 2 권. (Син Ги Чхоль, Син Ён Чхоль. Большой словарь нашего нового корейского языка. Сеул: Самсончюльпанса, 1975 — БСННКЯ, 1975).
- 춘향전. 정선한국문학전집. 서울. 1978.

Паремиологические единицы в дунганском и китайском языках: параметризация, эксперимент, базы данных

© кандидат филологических наук Т. С. Зевахина, 2002

Паремиология и фразеология

Основной фонд паремиологических единиц (или паремий) составляет множество тех речений, которые принято называть пословицами и поговорками (ср. термины: греч. *paroimí a*, лат. *proverbium*, англ. *proverb, saying*, нем. *das Sprichwort, sprichwörtliche Redensart*, франц. *le proverb, le dicton*, кит. 谚语 *yan⁴yu³* “изречение, пословица, поговорка”, 格言 *ge²yan²* “речение, шаблонная фраза, пословица, поговорка”, 俗话 *su²hua⁴* “распространенное выражение, популярное изречение, афоризм, пословица, поговорка”, 成语 *cheng²yu³* “устойчивое выражение, фразеологизм, идиома, пословица, поговорка”, дунг. *ку²гә р¹* “пословица”, *ку²люр²* “поговорка”¹). При попытке определить их статус в языке мы сразу же сталкиваемся с большим теоретическим разнообразием: во-первых, по-разному понимается объем каждого из этих понятий. Особенно это касается поговорки. Одни ученые понимают ее, например, как изречение, имеющее форму законченного предложения и обладающее только буквальным смыслом, типа *Насильно мил не будешь* [Жуков 1990а: 379]. Другие же авторы считают поговоркой такое клишированное выражение, которое не является законченным предложением (а оформляется полностью лишь с помощью дополнительных слов из контекста) и, кроме того, характеризуется переносным (образным) смыслом, типа *Оставил корову сторожить сено* [Пермяков 1988: 17-18]. Третьи трактуют поговорку как образный оборот типа *ни к селу ни к городу* или даже как отдельное образное слово, “выросшее” из пословицы (см. ниже).

¹ В звуковой записи китайских слов используются цифровые обозначения тонов: 1 – ровный, 2 – восходящий, 3 – нисходяще-восходящий, 4 – падающий. Дунганские слова даны в принятой орфографии на кириллической основе с цифровым обозначением дунганских тонов: 1 – восходящий, 2 – падающий, 3 – ровный. Как известно, первый и второй китайские тоны слились в первом дунганском, третий китайский перешел во второй дунганский, а четвертый китайский – в третий дунганский.

Во-вторых, различна трактовка самого характера взаимоотношений между классом пословиц и классом поговорок. Например, как ясно из предшествующего, иногда граница между ними проводится так, что они выглядят как совершенно независимые классы популярных высказываний — метафоричных (пословицы) и неметафоричных (поговорки) [Жуков 1990а; 1990б]

Однако, если мы обратимся к народному пониманию этих терминов, то, согласно В.И. Далю, мы найдем такое определение: *Поговорка — цветочек, а пословица — ягодка*. “Поговорка не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает” [Даль 1996: 16] “Пословица — коротенькая притча; сама же она говорит, что *Голая речь не пословица*” [Даль 1996: 15].

Сущности этих речевых жанров много внимания уделил А.А. Потебня, который исследовал их, как мы теперь сказали бы, с когнитивно-лингвистической точки зрения [Потебня 1990: 90]. Он считает, что поговорка отличается частичным, символическим отражением ситуации: это своего рода сокращение или сгущение пословицы, “эмблема” ситуации (ср. поговорку *тянуть ляжку* при пословице *Тяну ляжку, пока не выроют ямку* — о тяжелой работе бурлака до самой смерти). Таково же выражение *собака на сене* или образное слово *везет* (первоначально оно употреблялось в пословице *Дураку счастье везет* в смысле “Счастье-двойник привозит дураку все, что он пожелает”). Заметим в связи с этим, что о вторичности поговорки по отношению к пословице свидетельствует и внутренняя форма немецкого эквивалента термина *поговорка* – *sprichwörtliche Redensart* “пословичное выражение”.

В-третьих, расходятся взгляды на отношения между паремиологией и фразеологией. При всем разнообразии точек зрения на состав этих дисциплин и на соотношение объекта их исследования можно свести эти взгляды к двум противоположным позициям: это (1) узкое понимание фразеологии, исключающее паремии из ее исследовательского поля, и (2) широкое ее понимание с включением паремий в число фразеологических единиц [Телия 1990а; 1990б; Лексикографическая 1988].

Мы придерживаемся второй точки зрения. Кроме известных теоретических аргументов в пользу данной позиции, нас склоняет к ней опыт практической работы с материалом дунганского, китайского и других языков с применением методов, указанных в названии статьи, — параметризации, эксперимента, ведения баз данных.

Предварительно приведем здесь только несколько фактов по этому поводу.

При сравнении состава “Фразеологического словаря русского языка” и двуязычного русско-английского словаря пословиц и поговорок обнаруживается целый ряд пересечений в их составе: *Кто в лес, кто по дрова; Курам на смех; Понимает, как свинья в апельсинах; Ме-*

тать бисер перед свиньями и т.д. Как видим, практика двуязычной работы немедленно стирает жесткие границы между разными типами несвободных словосочетаний.

Показательны в этом отношении и особые китайские устойчивые сочетания, имеющие обычно четырехчленный состав и характерные в основном для литературной речи. Примером такого фразеологизма может служить следующий: 风声鹤唳 *feng¹ sheng¹ he⁴ li⁴* (букв. “ветер+шум+журавль+крик”, т.е. “шум ветра, крик журавля” в смысле “отступающая армия принимает малейшие звуки за шум преследующего ее неприятеля”). Приведем описание семантики этого фразеологизма, учитывающее основные контексты его употребления (по данным большого словаря): “тревожная напряженность; быть (жить) в страшной тревоге; впадать в панику от каждого шороха и звука; у страха глаза велики” [Китайско-русский 1992]. Здесь жесткие различия между видами языкового отражения ситуации стерты уже в рамках одного и того же оборота: он может выражать и субстантивную номинацию чувства страха, и предикативно-атрибутивную номинацию состояния человека или толпы, и сентенциальную модель развертывающейся перед нашими глазами ситуации. Базовая образная картина одна и та же, но она по-разному встраивается в тот или иной речевой контекст (о чем и говорят различные русские переводы). Итак, паремиологию целесообразнее рассматривать как часть фразеологии (дополнительные свидетельства этому будут представлены в других местах настоящей статьи).

Все фразеологические явления (особенно паремии) представляют сегодня интерес для целого ряда наук о человеке (для логики, герменевтики, психологии, социологии, культурологии, фольклористики, семиотики, истории, антропологии, этнографии и других) и являются предметом междисциплинарных, комплексных исследований. Интегрирующую функцию при этом должна выполнять лингвистика, что следует из особой роли языка в становлении человека и его мышления, и это не раз доказывалось опытом комплексных семиотических исследований двадцатого века [Из работ 1997]. Ведущее место здесь отводится лингвистической семантике, а она, в свою очередь, сегодня имеет прежде всего когнитивно-коммуникативную ориентацию [Городецкий 1986].

С исследовательской точки зрения нам представляется продуктивным такой подход к фразеологическому фонду языка, при котором он рассматривается как открытое нечеткое множество семантических комплексов; при этом содержание каждого такого комплекса опирается на особые “аспекты значений слов” и на индивидуальные семантические реляции” между ними. Тогда мы можем считать, что “фразеологичность в той или иной степени разлита по всей речи” [Городецкий

1969: 195-198]. Но закрепление лексико-семантического комплекса в языковой памяти говорящих и его речевая воспроизводимость определяются высокой степенью его фразеологичности. Она достигается в случае яркой “особости” (прежде всего — образности) осмысления лексических значений и в случае сильной “индивидуализированности” семантических реляций (сильного притяжения между смыслами в структуре фразеологизма). Здесь можно вспомнить также понятия степени “устойчивости” и степени “идиоматичности” как инструментов, предложенных для определения ядра и периферии фразеологического фонда [Мельчук 1960].

Самый высокий статус в фразеологической системе занимают, безусловно, типичные пословицы: ведь именно в них в полной мере воплощены образность и реляционная спаянность, богатый когнитивный опыт и развернутая коммуникативность. Все другие разновидности фразеологизмов уступают пословицам по совокупности этих главных свойств и как бы подчинены им.

Имея в виду упоминавшуюся нечеткость границ, мы можем подразделять фразеологические единицы на важнейшие типы и переходные явления между ними, но главная исследовательская цель при этом — познание их многомерной природы. Выделение класса собственно паремиологических единиц может основываться на следующих основных конституирующих свойствах:

1. сентенциальность (соответствующий лексический комплекс построен на основе семантической структуры предложения, фактической или подразумеваемой);
2. народность (отсутствие конкретного авторства, признание изречения достоянием народа);
3. обобщение жизненного опыта, как на бытовом уровне, так и на уровне высокой народной мудрости;
4. повторяемость (частая воспроизводимость) в живой речи (по крайней мере, в некоторый период существования этой единицы);
5. передаваемость из поколения в поколение;
6. художественность (использование поэтических средств художественной речи).

Принципы параметризации паремиологических единиц

Адекватное моделирование и типологическое изучение ПЕ могут осуществляться лишь на основе единообразного описания их особенностей. Но при этом важно не столько устанавливать жесткие априорные типы, “подводя под них” избранные языковые явления, сколько применять более гибкую методологию сплошного исследования живых фактов коммуникативной деятельности и определения их места в многомерном семантическом пространстве [Городецкий 1973; 1983; Карау-

лов 1981]. Опираясь на опыт современной научной фразеологии [Пермяков 1970; 1988; Лексикографическая 1988; Телия 1990а; 1990б] и на свои собственные исследования, мы предлагаем своеобразную сетку параметров, в терминах которой можно характеризовать каждую данную паремию. Основные параметры таковы:

- Семантико-синтаксические функции ПЕ как целого.
- Формальный тип конструкции, лежащей в основе построения

ПЕ.

- Лексическое наполнение ПЕ (лексико-грамматическая характеристика членов конструкции).

- Семантическая структура паремиологической фразы (синтагматические смысловые связи между ее составными частями, включая тема-рематическое членение, актуализированные валентности, семантические падежи, лексические параметры и др.).

- Инвариантная логическая структура ПЕ (логическое суждение, логические связи, тип логического противопоставления).

- Первичная когнитивная сфера ПЕ (прямой, или буквальный, план).

- Конкретный ситуативный фрейм буквального плана ПЕ.

- Семантические поля, в которые входят знаменательные слова ПЕ при ее прямой интерпретации.

- Семантический компонентный анализ ПЕ в ее буквальном плане.

- Речевая применимость/неприменимость ПЕ в ее прямой интерпретации.

- Вторичные когнитивные сферы ПЕ (переносные планы).

- Обобщенный ситуативный фрейм для переносных планов ПЕ и варианты его реализации.

- Семантические поля, в которые входят знаменательные слова ПЕ при ее переносных интерпретациях.

- Семантический компонентный анализ ПЕ в ее переносных планах.

- Характер образности членов конструкции и всей ПЕ в целом.

- Степень четкости семантического содержания ПЕ; полисемия членов конструкции и ПЕ в целом.

- Метафорические механизмы (обобщенные полисемические корреляции), лежащие в основе потенциальных переносных употреблений ПЕ.

- Тематика когнитивного обобщения, содержащегося в ПЕ (затрагиваемые рубрики тезауруса).

- Коммуникативный потенциал ПЕ на виртуальном уровне (иллокутивная сила, потенциальные коммуникативные цели, роли коммуникантов).

- ИмPLICITная информация, содержащаяся в ПЕ (пресуппозиции, косвенные речевые акты, коммуникативные импликатуры, следствия, намеки, подтекст и др.).
- Поэтические средства организации содержания (ритм, рифма, параллелизм в конструкции, эпитеты, гиперболы и др.).
- Контекстные коммуникативные характеристики ПЕ, т.е. характеристики особенностей коммуникативной актуализации данной ПЕ при ее употреблении в конкретных контекстах речевого общения.
- Комплекс факторов экспрессивного слоя информации (субъективное отношение говорящего, например, уничижительное или почтительное, стилистическая принадлежность, например, сниженный или возвышенный стиль, и др.).
- Прагматический потенциал ПЕ (практические цели, ценностные ориентации, воздействие на сознание, регулятивы поведения, социальные установки, моральный кодекс и т.п.).
- Общефилософский статус когнитивного содержания ПЕ (характеристика житейской мудрости с позиций философии жизни, философии поступка, философии познания, философии религии и др.).
- Цивилизационные и национально-культурные факторы, отражаемые в ПЕ.
- Межкультурные семиотические параллели для данной ПЕ.
- Вариативность данной ПЕ.
- Наличие синонимов у данной ПЕ.
- Наличие других коррелятов у данной ПЕ.
- Итоговый типологический портрет данной ПЕ (как в плане внутриязыковой, так и межъязыковой типологии).

Подобная система параметров отражает тенденцию современной науки к углублению и расширению исследований в рассматриваемой области. Опыт изучения паремиологических единиц показывает, что они являются естественным и богатным материалом для развития теории языковой картины мира и коммуникативной теории языка, в частности, теории речевых актов. За каждой пословицей, поговоркой, загадкой, притчей стоит не просто целая ситуация, а совокупность многих когнитивно близких ситуаций. Активно исследуются иллюкативная сила паремий, их оценочные и имплицитные компоненты. Паремии всегда связаны не только с непосредственным контекстом говорения/слушания, но всегда подразумевают и отсылку к глобальному контексту, то есть ко всей совокупности знаний о мире. Наряду с узуальным, изучается и окказиональное употребление паремий в речи. Учитываются как интенция говорящего, так и воздействие на адресата. Аппелируя не только к разуму, но зачастую и к чувствам слушающего, паремии служат целям наиболее эффективного воздействия на него, спо-

собствуя изменению его поведения или мнения. С точки зрения иллюкативной силы, паремиологические единицы представляют собой не только утверждения, но и советы, предупреждения, похвалы, осуждения и т.п.

Пословицы (как высший слой паремиологического фонда) тесно вплетены в культурный контекст общечеловеческого и национально-го сознания. Так, “один из видов пословиц примыкает непосредственно к басням” [Потебня 1976: 512].

Вопросы интерпретации пословиц отличаются особой сложностью. Пожалуй, они даже более сложны, чем проблемы истолкования более длинных текстов других речевых жанров, ср. [Бахтин 1986]. Так, иносказательность пословиц основана на когнитивном преобразовании многомерного характера и дает пример рождения человеческой мудрости высшей пробы, что было блестяще показано более ста лет назад А.А. Потебней.

В пословицах воплощается творческий характер языка. Они не только закрепляют в образной форме и передают в будущее знания предшествующих поколений, но и позволяют осмысливать новые жизненные ситуации через призму установленных ранее аксиом. В этом заключается креативность пословиц: развивать знания, сохраняя их преемственность. Ср. философское осмысление периода “перестройки” в истории нашей страны с помощью пословицы *Ломать — не строить*.

Остановимся кратко на сущности главных семантических механизмов паремиологии. Для большинства таких выражений характерны метафоричность и образность: паремиологическая единица отправляется от некоторого первичного образа и моделирует другие явления действительности через привязку к этому образу, совершая переносную номинацию новых ситуаций, в чем-то аналогичных этой первичной ситуации (ср. *По избе ходит, а дверей не найдет* [Даль 1994: 1035]); по мере расширения сферы употребления данного выражения растет его степень обобщения и, тем самым, степень образности (образ ситуации как когнитивный инструмент познания мира становится все более емким).

Законы образного переноса знаний из одной сферы в другую являются стабильными для языка: ведь на их основе осуществляется как вербализация замысла говорящим, так и его понимание слушающим. Метафорическое осмысление затрагивает и отдельные слова, и паремиологическую фразу в целом. Надо сказать, что даже при низкой (почти нулевой) степени метафоричности паремиологическое выражение все равно обладает обобщающей силой (оно позволяет, в силу своего статуса народной мудрости, “примерять” стереотипную ситуацию к каждому конкретному жизненному случаю). Просто образы могут быть более или менее яркими.

В чем же заключается наиболее глубинное действие когнитивных механизмов метафорического образного обобщения? Механизмы метафоры во многом основаны на когнитивной операции уподобления одного объекта другому. Чаще всего основание уподобления скрыто от непосредственного наблюдения. Однако существуют конструкции, эксплицирующие признак сопоставления (с помощью прилагательного, глагола или, реже, абстрактного существительного): *Похожи, как две капли воды; В тихом омуте черти водятся; Что быстро созревает, то быстро загнивает* [Клюкина, Клюкина-Витюк 1996: 140, 179, 76]. Интересно, что в последней конструкции эксплицитно указаны основания уподобления, но не назван ни один из сопоставляемых объектов.

Во всех случаях эксплицитного уподобления эта когнитивная операция может одновременно рассматриваться и как особый речевой акт (т.е. входит в коммуникативный потенциал той или иной пословицы) [Серл 1982]. Недаром самым распространенным конструктивным принципом построения паремий является образный параллелизм. Ср. дунганскую пословицу:

Тян¹ йγ ө¹ лын², фын1 йγ ө¹ ж ин²,

Жын¹ йγ ө¹ ю², щин¹ йγ ө¹ хын².

Букв.

“Погода чем холоднее, ветер тем сильнее,

Человек чем богаче, сердце тем злее.”

Важный аспект функционального рассмотрения пословиц и поговорок — их когнитивно-коммуникативное поведение в составе того или иного типа дискурса. Показателен в этом отношении художественный дискурс, особенно драматургия. Так, сложное взаимодействие между текстом пьесы и ее названием, выраженным русской пословицей, широко представлено в комедиях в народном духе А.Н. Островского. Из 54 пьес, написанных драматургом, 19 названо русскими пословицами: “Не все коту масленица”, “Не в свои сани не садись”, “Бедность не порок”, “На всякого мудреца довольно простоты”, “Свои люди — сочтемся!” и др.

В последней из названных пьес пословица не просто иллюстрирует ее содержание, но, по сути, противоречит ему. Так, главный герой купец Самсон Силыч Большов в своей афере рассчитывает на то, что его приказчик Подхалюзин разделяет точку зрения, выраженную в пословице, но Самсона Силыча ждет глубокое разочарование, когда он оказывается коварно обманутым, ибо его дочь и ставший зятем Подхалюзин придерживаются другого мнения: *Кто смел, тот и съел.*

Применение психолингвистического эксперимента

Экспериментальный подход имеет принципиальное значение для всех разделов языкознания [Щерба 1974: 32-37]. Его применение в паремиологии позволяет получать довольно непосредственный доступ к сознанию носителей языка, к процессам осмысления ими своего паремиологического запаса [Пермяков 1988: 149-169]. Эксперименты здесь могут быть различными и по объектам исследования, и по аспектам преимущественного анализа, и по характеру подготавливаемых материалов (стимулов), и по методике взаимодействия с информантами. Наша экспериментальная работа проводилась в составе комплексных полевых исследований по разным аспектам лексики и семантики дунганского языка, а также, отчасти, на материале китайского, русского, английского, французского, алтайского, уйгурского языков [Вопросы 1991].

Специально исследовались паремии, включающие ряд потенциально образных слов; фразеологические обороты, содержащие упоминание различных частей тела человека; сравнительные образные конструкции с различными прилагательными. Все эксперименты позволяют, в-первых, сделать вывод о зыбкости границ между различными видами фразеологических единиц. Во-вторых, степень фразеологичности языковых выражений убывает (и возрастает) плавно, что говорит о специфической роли фразеологического фонда как своеобразного моста между языком и речью. (Здесь надо упомянуть также о том, что в ходе проведения наших экспедиций по дунганскому языку проводились серии экспериментов по различным проблемам лексической и грамматической семантики, и протоколы этих экспериментов тоже содержат фразеологический материал, но там он выступает как “побочный”.)

При специальном исследовании паремий были взяты следующие существительные с конкретным значением: “корень” (кит. 根 gen¹), “свинья” (кит. 猪 zhu¹), “рот” (кит. 口 kou³ и 嘴 zuǐ³), “шерсть, волосы, пух, перья” (кит. 毛 maο²), “кровь” (кит. 血 хие⁴), “дверь, ворота, вход” (кит. 门 men²), “дракон” (кит. 龙 long²). Здесь представлены мир растений, мир животных, мир артефактов, мир мифов. Заметим, что значение “рот” в китайском языке выражается двумя разными простыми лексемами. Слово со значением “шерсть” обладает более широкой денотативной семантикой, то же относится и к слову со значением “дверь”. Мифический образ дракона носит культурно-зависимый характер.

Методика в этом случае состояла в том, что участник эксперимента получал лист с четырьмя из указанных восьми слов и записывал те “устойчивые, часто употребляемые выражения” с ними, которые приходили ему на память. Время предоставлялось в общей сложности в

объеме 30 минут. Информантам было объяснено, что писать надо такие употребительные в устной или письменной речи устойчивые фразы, которые легко вспоминаются и не требуют долгих раздумий.

После основной части эксперимента проводилась аналитическая работа с участием опытного носителя китайского языка высокого культурного уровня. При этом выяснялись типовые контексты употребления фразеологических единиц и их интерпретация.

Уже самые простые обобщения имеют существенное значение для многих параметров фразеологического фонда вообще и паремиологического — в частности. Так, если мы составим таблицу общего количества реакций, которые получены для каждого слова-стимула, то мы сможем судить о сравнительной “фразеологической активности” отобранных конкретных существительных в китайском языке. А если мы сопоставим эти данные с близкородственным дунганским или с неродственным русским языком, мы получим семантико-генетические и семантико-типологические наблюдения.

Фрагмент наших экспериментальных результатов по китайскому языку отражен в таблицах 1 и 2. Четыре из ключевых слов-стимулов были предъявлены в письменном виде шести информантам — носителям китайского языка (количественные данные о полученных реакциях см. в табл. 1), а остальные четыре ключевых слова были предъявлены другим шести информантам (см. табл. 2). В эксперименте участвовали студенты Фуданьского университета, выходцы из разных провинций КНР.

Таблица 1

Информант	Число реакций на ключевые слова-стимулы			
	Шифр	龍 long ² “дракон”	門 men ² “дверь”	口 kou ³ “рот”
1	8	6	8	9
2	6	7	8	9
3	5	7	6	6
4	5	6	4	8
5	3	5	4	8
6	4	6	6	8
Всего	31	37	36	48
Из них разных паремий	12	14	14	16

Таблица 2

Информант	Число реакций на ключевые слова-стимулы			
Шифр	根 gen ¹ “корень”	嘴 zui ³ “рот”	血 xue ⁴ “кровь”	猪 zhu ¹ “свинья”
7	3	2	3	1
8	2	1	5	1
9	4	5	3	1
10	3	1	3	4
11	4	4	5	4
12	2	2	5	5
Всего	18	15	21	16
Из них разных паремий	11	11	10	9

Разберем теперь такой пример. В эксперименте на стимул **根** *gen1* был получен фразеологизм **根深蒂固** *gen¹ shen¹ di⁴ gu⁴* букв. “корень глубокий плодоножка крепкая” (или “корни глубокие плодоножки крепкие”). Эту паремию привели в эксперименте шесть информантов из шести. Возможна двоякая трактовка буквального плана этого выражения: во-первых, в смысле “Если корни глубокие, то плодоножки крепкие” (тогда в русском переводе надо ставить тире); во-вторых, в смысле “и корни глубокие, и плодоножки крепкие” (тогда в русском переводе надо ставить запятую).

При первой трактовке перед нами типичная пословица, которая имеет, далее, переносные значения “Если человек имеет глубокие связи со своими предками и учителями, то он крепко держится на древе жизни” (“Кто опирается на предков, тот крепко стоит на этой земле”, “Если у тебя глубокие корни, то будет и прочное положение”) или “Если дело имеет глубокие корни, то ему обеспечено прочное (надежное) будущее”.

При второй трактовке перед нами фразеологизм, хотя и состоящий из двух частей, но относящийся в целом к одному объекту (в буквальном плане — к некоторому растению); в речевом контексте эта конструкция может выполнять предикативную или атрибутивную функции, реализуя при этом коммуникативную цель характеристики какого-то предмета или явления. Например, в буквальном плане применительно к яблоне мы будем иметь значение “глубоко укоренившаяся, хорошо плодоносящая, окрепшая, здоровая, живучая яблоня”. Развив

переносные значения, этот фразеологизм участвует в выражении таких смыслов, как “глубоко укоренившийся обычай” или “застарелая привычка” и др.

Мы видим, что в рамках единой фразеологической единицы существуют и собственно паремиологическая фраза, и фразеологическое выражение с предикативно-атрибутивной функцией. И по обеим линиям эта единица развила полисемию. Основных направлений метафорического переноса здесь два: из когнитивной сферы “Знания о растениях” в сферу “Знания о психике человека, в частности о формировании привычек” и в сферу “Знания о социальных связях и стереотипах”. Когнитивный механизм переноса основан на образах {КОРЕНЬ}, {ПЛОД}, {ПЛОДОНОЖКА} (последний образ, будучи далеко не универсальным, отражает глубокую мудрость, состоящую в том, что важны не просто прочные связи между корнем и плодом, но особое значение имеет крепость последнего звена этих связей,- звена, на котором держится плод и которое не должно быть слабым или гнилым; если плод будет велик и плодоножка не выдержит, то плод упадет раньше времени и погибнет незрелым). Именно такого рода коммуникативные импликатуры и следствия несет в себе данная фразеологическая единица. В случае, если мы говорим об укоренившейся вредной привычке, важны будут другие умозаключения, а именно: эту привычку (как плод неправильного поведения) уничтожить будет трудно потому, что она крепко привязалась к человеку (посредством “плодоножки”) и имеет, к тому же, глубокие корни (в длительной истории несправедливой жизни). Интересно, что, как мы видим, когнитивные механизмы образного моделирования ситуации служат основой вывода имплицитной информации в любом конкретном коммуникативном контексте.

Далее, компонентный анализ метафорических переносов позволяет представить когнитивные механизмы корреляций в более подробном виде [Зевахина 1985]. В частности, перенос из одной сферы в другую основан на инвариантных семантических компонентах, таких, как <ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЯВЛЕНИЯ>, <ИСТОЧНИК ПРОЦЕССА>, <ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ>, <ПУТЬ РАЗВИТИЯ>, <РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ>, <СОХРАНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА>.

Анализ выражения 根深蒂固 *gen¹ shen¹ di⁴ gu⁴* может быть резюмирован в виде следующего описания его значений: I. (1) Если корни глубокие, то плодоножки крепкие (2) Если у человека глубокие корни, то он прочно стоит на земле (у него прочное положение) (3) Если дело имеет глубокие корни, то ему обеспечено прочное будущее II. (1) имеющий глубокие корни (2) глубоко укоренившийся, закоренелый (3) глубокий, имеющий глубокие причины (4) застарелый, укоренившийся, давний, древний (5) заядлый, закоренелый, неисправимый.

Построение, ведение и использование баз данных

Компьютеризация паремиологических исследований включает прежде всего создание и ведение баз данных (БД). К их числу относятся: БД паремий для каждого конкретного языка (с указанием их признаков в соответствии с описанной выше системой параметров); БД значимой лексики для каждого языка (с указанием семантических признаков слов и их вхождения в те или иные паремии); типологическая БД логико-тематических типов паремий (с указанием их реализаций в конкретных языках).

Используя базы данных, мы можем получать исчерпывающую информацию о любой конкретной паремии, проводить общесемиотические и типологические обобщения.

Так, применительно к пословицам и поговоркам можно говорить о семантических универсалиях. Наметим некоторые универсалии такого рода.

- Во всех языках есть пословицы и поговорки, использующие метафорический потенциал конкретной лексики из таких семантических полей, как “ЖИВОТНЫЕ” (“Волк”, “Змея”, “Лягушка”, “Лошадь”, “Корова”, “Собака”); “РАСТЕНИЯ” (“Дерево”, “Трава”, “Корень”, “Лес”); “ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ” (“Солнце”, “Луна”, “Звезда”, “Вода”, “Огонь”, “Ветер”); “ПИЩА” (“Еда”, “Хлеб”, “Молоко”, “Мясо”, “Мед”); “БЫТ” (“Дом”, “Дверь”, “Ворота”, “Двор”, “Сад”), “ЧАСТИ ТЕЛА” (“Голова”, “Глаза”, “Брови”, “Рот”, “Язык”, “Руки”, “Ноги”, “Волосы”, “Сердце”).

- Во всех языках в фонде пословиц и поговорок когнитивному моделированию подлежат знания о таких важных (в языковой картине мира) явлениях, которые выражаются с помощью слов всех частей речи, включая: конкретные существительные из поля “ЛИЦА” (“Человек”, “Женщина”, “Жена”, “Отец”, “Мать”, “Сын”, “Учитель”, “Сосед”, “Царь”, “Друг”, “Враг”, “Гость”, “Вор”, “Трус”, “Дурак”); абстрактные существительные из поля “ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ” (“Жизнь”, “Смерть”, “Дело”, “Работа”, “Слово”), из поля “ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ” (“Знание”, “Правда”, “Привычка”), из поля “ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ” (“Здоровье”, “Сила”, “Боль”), из поля “ЭМОЦИИ И СОСТОЯНИЯ” (“Горе”, “Гнев”, “Голод”, “Смех”); глаголы, обозначающие разнообразные “ДЕЙСТВИЯ” (“Жить”, “Работать”, “Учиться”, “Видеть”, “Слышать”, “Говорить”, “Молчать”, “Любить”, “Жалеть”); прилагательные, обозначающие различные “СВОЙСТВА И СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ” (“Умный”, “Глупый”, “Ленивый”, “Скупой”, “Сытый”, “Голодный”, “Пьяный”).

- Во всех языках в паремиях не только отражены одни и те же семантические поля, но и участвует определенное множество одних и

тех же слов (в типологическом отношении семантически эквивалентных). Для выявления ядра и периферии такого множества требуются дальнейшие планомерные исследования, но уже сейчас можно предположить, что многие из упомянутых выше лексико-семантических единиц окажутся универсально значимыми в паремиологических фондах языков мира.

- Во всех языках есть пословицы и поговорки, которые могут одинаково уверенно интерпретироваться как в прямом, так и в переносном плане (ср. русскую пословицу *Не зная броду, не суйся в воду*, или китайскую 开门见山. букв. “Открыв дверь, увидеть горы”, перен. “Говорить прямо и открыто”).
- Во всех языках есть паремии, рисующие на поверхностном уровне конкретную ситуацию (прямой план), в то время как интерпретация ее предусматривает осмысление только в переносном плане. Например: узбекская пословица *Косанинг тагида — ним коса* “Под чашкой есть еще меньшая чашка (о подоплеке какого-нибудь дела)” [Калонтаров 1969: 172].
- Во всех языках есть такие пословицы и поговорки, которые сформулированы на абстрактном уровне, но для полной интерпретации требуют раскрытия определенных имплицитных знаний. Например, для понимания поговорки *В тесноте, да не в обиде* существенно вскрыть ассоциативные, вероятностные компоненты значения слова *теснота* (<ограниченные пространственные возможности для осуществления какого-то социального события>), вскрыть ассоциативные компоненты слова *обиды* (<ограничение проявлений личности со стороны хозяина или участников социального взаимодействия>), вскрыть коммуникативные характеристики актуализации данной поговорки в речи (часто это объявление кредо хозяина в отношении своих гостей или обращение участников события друг к другу с целью успокоить собрата и оказать ему моральную поддержку).
- Во всех языках есть такие пословицы и поговорки, в которых высказывается некая мудрость уже сразу на абстрактном уровне, и при этом не требуется никакой дополнительной интерпретации для вскрытия имплицитного знания (ср. *Привычка — вторая натура*).
- Во всех языках имеются некоторые универсальные типы метафорических переносов. Они перекликаются с общими законами поэтический образности [Павлович 1995]. Однако метафорика паремиологических образов, в отличие от образов в различных поэтических жанрах, имеет гораздо более определенный (в когнитивно-логическом плане) характер. Паремия обычно основана на развернутой семантической формуле и на достаточно четких правилах ее метафорического преобра-

зования. Иначе говоря, здесь речь идет об образном осмыслении целой ситуации. Мы имеем здесь дело с метафорикой ситуационного образа.

* * *

Итак, слово, паремия, образная когнитивная формула — это опорные пункты, через которые осуществляется тесная связь языка, речи, мышления и повседневного опыта национального социума. Комплексное многомерное описание этих явлений с использованием как культурно значимых источников, так и живого эксперимента позволяет наращивать паремиологические базы данных — необходимый инструмент современных когнитивных и типологических исследований

Л и т е р а т у р а

- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *М.М. Бахтин.* Литературно-критические статьи. — М., 1986.
- Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии: Материалы к семантической типологии / Отв. ред. Б.Ю. Городецкий, М.Х. Имазов. — Бишкек, 1991.
- Городецкий Б.Ю.* К проблеме семантической типологии. — М., 1969.
- Городецкий Б.Ю.* О принципах инвентаризации семантики языка и подязыка // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики / Отв. ред. В.А. Звегинцев. — М., 1973.
- Городецкий Б.Ю.* Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. — М., 1983.
- Городецкий Б.Ю.* О предмете лингвистической семантики // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке / Отв. ред. Э.Ф. Володин, В.П. Нерознак. — М., 1986.
- Даль В.И.* Напутное // Пословицы русского народа. В 2 томах. — М., 1996.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т.т. 1-4 (Репринтное воспроизведение издания 1903 — 1909 гг.): Т. 1: А-З. — М., 1994.
- Дунганские пословицы, поговорки, изречения и загадки [На дунганском языке: Хуэйзў ди кулюр, кугə р, цэчү хуа лян цэхуар] / Лит. обработка и предисл. *Х. Юсуро́ва*; составитель *Р. Юсуро́ва*. — Фрунзе, 1984.
- Жуков В.П.* Поговорка // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. — М., 1990а.
- Жуков В.П.* Пословица // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. — М., 1990б.
- Зевахина Т.С.* К вопросу об универсалиях в области полисемии // Лингвистическая типология. — М., 1985.
- Зевахина Т.С.* На пути к метафоре: семантика уподобления // Актуальные вопросы китайского языкознания (Материалы IV Всесоюзной конференции). — М., 1988.
- Зевахина Т.С.* Образное сравнение в дунганском языке (в сопоставлении с другими языками) // Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии. — Бишкек, 1991.
- Из работ московского семиотического круга / Сост. Т.М. Николаева. — М., 1997.
- Имазов М.Х.* О семантике существительных в дунганских пословицах и поговорках. // Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии. — Бишкек, 1991.
- Калонтаров Я.И.* Таджикские пословицы и поговорки в сравнении с узбекскими. — Душанбе, 1969.

- Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М., 1981.
- Китайско-русский словарь / Гл. ред. *Гу Бай-линь*. — Шанхай, 1992.
- Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Ю.* Пословицы и поговорки — русско-английский фразеологический словарь. — М., 1996.
- Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка / Отв. ред. *В.Н. Телия*. – М., 1988.
- Мельчук И.А.* О терминах “устойчивость” и “идиоматичность” // Вопросы языкознания. №4. – М., 1960.
- Павлович Н.В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М., 1995.
- Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. – М., 1970.
- Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. — М., 1988.
- Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // *А.А. Потебня. Теоретическая поэтика*. – М., 1990.
- Потебня А.А.* Символ и миф в народной культуре. — М., 2000.
- Серл Дж.Р.* Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост. *Н.Д. Арутюнова*. — М., 1982.
- Телия В.Н.* Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. — М., 1990а.
- Телия В.Н.* Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. — М., 1990б.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. *А.И. Молоткова*. – М., 1968.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность*. — М., 1974.

Родной иностранный язык. К вопросу о языковом сознании двуязычных детей

© кандидат филологических наук А. Б. Лихачева (Литва), 2002

За годы независимости в бывших советских республиках сформировался новый контингент изучающих русский язык. Изменились условия существования диаспоры, все большее количество русских жителей ближнего зарубежья осознают необходимость получения образования на языке государства, в котором они намерены жить. Русские дети, обучающиеся в национальных школах, естественно, недополучают не только знания, связанные с родным языком, литературой, культурой, но и непосредственную возможность общаться по-русски в разных жизненных сферах.

Ограниченное взаимодействие с «русским миром» приводит к несформированности или сворачиванию русской части языковой способности ребенка, для которого этот язык является родным. Языковая способность может быть определена как «способ "хранения" языка в сознании и одновременно – способ реализации отраженных сознанием элементов системы языка» [Шахнарович 1995: 214].

Отсутствие реальной возможности и главное – необходимости общения на родном языке вне дома ставит перед родителями и преподавателями проблему языковой и коммуникативной компенсации. Иными словами, в каждом конкретном случае решается вопрос о том, принять ли ограниченное русское языковое сознание ребенка как неизбежную данность или попытаться развить его с помощью моделирования взаимодействия с действительностью на разных уровнях. Второе решение, на мой взгляд, позволяет сохранить у ребенка ощущение русского языка как родного, хотя и относящегося к другому государству. Несколько лет назад, в частности, в Литве активный настрой некоренного населения на интегрированность во все сферы жизни республики отбрасывал вопрос о формировании и сохранении достойной языковой способности в ряд тех, для которых «сейчас не время». Теперь же очевидной стала другая проблема: как, интегрировавшись, сохранить национально-языковую самоидентификацию.

Почему многие русские родители, взвесив все «за» и «против», определяют своих детей в школы коренной национальности? Такое решение имеет объективные и субъективные обоснования. Объективные причины – на поверхности. Это – желание, чтобы ребенок был полностью своим в стране проживания, а не просто хорошо знал язык. Это – намерение жить именно в этой стране и стремление к максимальной

интеграции в профессиональной и общественной сфере. Субъективные причины, безусловно, могут различаться у разных семей, но, думаю, они в большей или меньшей степени сходны. В заведениях, где работа с детьми ведется на русском языке, можно встретить, например, такие надписи на стендах: *Наши дети* (в детском саду); *Будущие чемпионы* (в летнем лагере). Сплошь и рядом звучит: *не ложи сюда, позови*, *юПочка, поНяля, замного* (вместо *чересчур, слишком много*), *закороткий* (вместо *слишком короткий*). Хочется верить, что с детьми работают люди, которые с соответствующей профессии ответственностью охраняют свою речь от просторечных и интерферентных явлений. Хочется, но не всегда верится. При недостатке специалистов, для которых родным является русский язык, с русскими дошкольниками и школьниками занимаются преподаватели-литовцы. У многих из них совсем неплохой русский, но ни в коем случае – не для педагогической деятельности в русских учебных заведениях.

В формировании ощущения обреченного затухания русского языка вне России, безусловно, повинны и наши средства массовой информации. Ситуация билингвизма¹, при которой многие русские говорят политовски с трудом, при этом не стараясь сохранить правильность собственной русской речи, в Литве постепенно уступает место ситуации, сходной с диглоссной, когда русский язык будет иметь не просто национально очерченное применение, но и статус коммуникативно сниженного языка. Так или иначе, функциональная стратификация основных идиомов языковой ситуации в Литве (литовского, русского и польского) – процесс актуальный и, по-видимому, неизбежный. Однако политические, социальные, демографические факторы не мешают потребителям информации, исходящей от русскоязычных СМИ, считать русский язык культурно престижным и рассчитывать на языковую лояльность журналистов в звучащей и печатной русской прессе. Лишение публичной речи достаточной грамотности, культурного оформления приводит к неоправданному сужению репертуара функциональных стилей русского языка в Литве до минимума: он становится только оби-

¹ Относительно ситуации билингвизма и ее субъекта мне импонирует отказ от критерия высокого уровня владения вторым языком, или совершенного владения двумя языками, как требования, необходимого для характеристики двуязычия. Ср.: "Билингвом можно назвать человека, который живет и, что очень важно, работает в условиях ... функционирования двух языков, является членом коллектива себе подобных людей, языковая деятельность которых характеризуется меной языка общения в зависимости от ситуации общения. Это определение основывается на понятии двуязычия как социально значимого функционирования двух языков в определенном территориальном и этническом коллективе ... Знание языка, социально малозначимого для данного общества, является как бы любительским знанием. Именно в контексте этих рассуждений можно "развести" билингвов и полиглотов" [Григорян 2001: 198].

ходно-разговорным. Думаю, что наши журналисты должны принять хоть часть ответственности за это.

Существует серьезное противоречие между необходимостью речевой самореализации в условиях сужения сфер повседневного использования родного языка и потенциальными формирующегося языкового сознания двуязычного индивида. Будучи родным, «материнским», русский язык за пределами России отныне становится иностранным (в прямом смысле этого слова – уже стал!) и для коренного населения, и для, так сказать, все еще его исконных носителей. На мой взгляд, способы оживления языковой способности русских детей, погруженных в чужой язык, совершенствования не только их языковой, но и коммуникативной компетенции, должны стать предметом самого пристального внимания специалистов по РКИ.

Мы играли в столовый (вместо настольный) теннис, хороший фильм (вместо фильм), без пяти минут полвторого (вместо двадцать пять минут второго), Был контрольный (вместо контрольная) по математике, Я был забыв (вместо забыл) про кино, но мне напомнили, Не имею карандаша (вместо нет карандаша), Хочу попросить папы (вместо попросить папу) принести кассету, Наша квадратная команда (вместо команда по квадрату). Так сегодня говорят в Литве многие русские дети.

Исследователь проблем детской речи в многоязычной Финляндии Е. Протасова приводит следующие данные: к начальной школе ребенок знает на родном языке 6-10 тысяч слов, понимает 70-80% обращенной к нему речи. «Процессы забывания касаются в первую очередь детей школьного возраста, получающих образование на ином языке. Их словарный запас стремительно сокращается, а в синтаксисе преобладают нейтральные, общие для обоих языков или заимствованные конструкции. Для дошкольников, посещающих детские сады, основным становится язык окружения, если только родители не предпринимают специальных усилий, чтобы заниматься с детьми русским (играть, читать книги, показывать мультфильмы, находить русскоязычных сверстников для общения)» [Протасова 1996: 9-10].

Так или иначе, осознание детьми русского языка как их родного языка – желанная цель для многих русских родителей, живущих в условиях диаспоры. Работа по развитию речи детей, находящихся под давлением иноязычного окружения, должна, по-видимому, опираться на коррекцию и активизацию элементов всех уровней языка.

1. Фонетико-просодический уровень. Воспитание фонетического внимания (распознавание «своих» и «не своих» звуков), устранение акцента, «вхождение» в ритмическую организацию русской речи и осознание ее отличия от ритмики неродного языка, определение интонационной

аутентичности и интонационной «фальши». Развитие фонематического слуха как основы орфоэпической и орфографической компетенции.

2. Лексико-семантический уровень. Использование образных и стилистических ресурсов языка, варьирование языковых средств. Формирование и пополнение синонимических рядов, определение исторических корней отдельных слов, фразеологизмов, вновь появляющихся заимствований, активизация употребления паронимов, многозначных слов. Стимулирование интереса к различного рода словарям: толковому, орфографическому, орфоэпическому, этимологическому, к словарям иностранных слов.

3. Синтаксис. Внимание к смысловой организации предложения и порядку слов, к различиям в синтаксическом устройстве литовских и русских предложений, к особенностям функционирования предложноподлежащих форм в двух языках. Работа по устранению синтаксических калек. Использование перевода как эффективного способа сопоставления языковых явлений.

Невзыскательность к собственному произношению и интонированию приводит к лености в поиске русских слов при построении фразы: известное, но в момент рассказа не пришедшее на ум слово, с легкостью заменяется литовским, которое всегда «под рукой» и которое, по убеждению ребенка, понятно слушающему. Следующая ступень – сбой в синтаксическом оформлении высказывания. Череда языковых неудач, осознаваемых самим ребенком, приводит к попыткам при каждом удобном случае не подвергать себя коммуникативным мучениям и говорить на более привычном литовском.

Ребенок должен вращаться в культуру страны проживания. С этим согласны многие русские диаспоры. Он, по-видимому, должен уметь смотреть на мир глазами полноценного коренного жителя страны, где он живет. В то же время хочется, чтобы русский ребенок смотрел на мир русскими глазами. Ведь привилегия билингва – видеть мир объемно, с позиций разных культур и сквозь разные языковые призмы.

Раздвоенный образ мира ребенка, живущего вне языковой метрополии, по моему мнению, определяет сложную структуру его языкового сознания. Основным фактором становления и развития такого языкового сознания является двуязычие, двуязычная коммуникация, при которой родной язык может оказаться лишь семейным и реально воспринимаемым как иностранный в стране проживания данной семьи.

Фактически можно говорить о подструктурах языкового сознания билингва. Обратимся к подструктуре, которая связана с родным языком ребенка, большую часть времени не пользующегося этим языком. Полагаю, что ее можно охарактеризовать как трехчастную систему, в которой существует активная, пассивная («спящая») и вакантная зоны. Со-

отношение зон может варьироваться в зависимости от изменения соотношения коммуникативных сфер, в которых ребенку, а затем и подростку приходится пребывать. Таким образом, при определенных усилиях со стороны взрослых, заинтересованных в языковом прогрессе ребенка, активная зона его языкового сознания может, по крайней мере, не сужаться, а пассивная расширяться. Свободная часть языкового сознания может быть заполнена лишь при целенаправленной культурной «подпитке», а также с помощью моделирования некоторых ситуаций общения, поскольку в местных условиях они либо отсутствуют, либо их регулярно обслуживает национальный язык.

Итак, какими мотивами должны руководствоваться взрослые, желая активизировать языковое сознание русского ребенка, живущего вне России, как сделать так, чтобы, выражаясь словами М. Цветаевой, «обольщение языком родным» все-таки состоялось, чтобы его «млечный призыв» был услышан и не отвергнут? Что должно подвигнуть ребенка к проникновению в далекий родной язык – весьма абстрактное осознание прагматической необходимости и, соответственно, усердие в «латании» коммуникативных дыр, которые в общем-то больше беспокоят родителей, чем самого ребенка?

Позволю себе высказать предположение о том, что необходимо другое: воспитание и поддержание интимного, страстного и нежного чувства к языку, который ЗНАЕШЬ – а можешь знать по-настоящему хорошо и глубоко! – ТЫ ОДИН в своем окружении или немногие из твоих сверстников, к СВОЕМУ, «природному» языку. В этом аспекте не столь хранится в активной и пассивной зонах языкового сознания двуязычного ребенка. Гораздо более значимо заполнение вакантной зоны: она, как мне представляется, должна быть открыта для сокровенного, любимого и в принципе безэквивалентного языкового материала. На что опереться родителям, стремящимся к поддержанию в ребенке счастливого ощущения причастности к двум языкам и двум культурам? И с помощью каких средств обеспечить особую интеллектуальную и эмоциональную тягу ребенка к языку и культуре государства, в котором он не родился и, может быть, никогда не был? Думаю, многим родителям не дает покоя мысль, что их дети никогда не прочитают программных произведений русской литературы, будут недостаточно знакомы с историей, культурой, искусством России. Родители – выпускники стандартных русскоязычных школ – плохо представляют себе иные пути контактов с русской ментальностью. Однако, наверное, с некоторыми несоответствиями в оценках того, что интересно, привлекательно или близко по духу родителям и детям, приходится смириться уже потому, что мы перешагнули в новое время, существенными параметрами которого

являются многоязычие и многообразные средства коммуникации, уводящие новое поколение от бумажного текста как такового.

В связи с этим представляется, что приближение к русской ментальности как основе русского языкового сознания может успешнее осуществляться посредством сочетания нескольких каналов: вербального, визуального, музыкального. Жестикуляция, танцевальная пластика, характерные музыкальные темы, оформление дома и улицы, архитектура и живопись, внешние особенности быта – все это национальные знаки внеречевого общения, дополняющие или компенсирующие словесную речь и обладающие не обязательно понятийным, но эмоциональным значением.

Ребенок школьного возраста, большую часть времени контактирующий с миром на неродном, но хорошо усвоенном им языке, может не понимать буквального, конвенционального смысла многих слов и выражений в песнях, стихах, книгах, фильмах или телепередачах на русском языке. Но у него должна быть возможность, а в идеале – потребность, в систематическом пополнении своих языковых сокровищ путем сознательных метаязыковых операций². По моим наблюдениям, необыкновенно полезными для формирования русского языкового сознания ребенка являются не только книги, кино или театральные постановки (насколько последнее возможно за границей), но и привлечение к декодированию смысла в жанрах, специализирующихся на языковой игре, эксплицирующих национальное чувство юмора: это телепередачи – КВН, выступления известных сатириков, это хорошие русские анекдоты; это, наконец, жанры, синтезирующие музыку и слово – русский рок, бардовская песня и т. п. Не случайно петербургское творческое образовательное объединение «Мастерская Игоря Шадхана», выпустившее серию кассет домашнего видео для «привнесения в дом уюта, добрых чувств, творчества и духовности» (так пишут авторы кассет), включило в нее рубрику «Авторские песни». При нелюбви к трудной русской грамматике, ребенка несложно уговорить записать слова понравившейся родителям или ему самому (а лучше – всей семье) песни. Подобные «диктанты» под музыку, осуществляемые с помощью компьютера или магнитофона, воспринимаются детьми не как насилие, а скорее как акт доверия. Восприятие звучащего текста и его фиксация через этапы повтора, проговаривания и осознания услышанного, начи-

² Ср.: "Взамен бессознательных автоматизированных способов выражения метаязыковая функция вносит осознание речевых компонентов и их отношений, значительно суживая применимость привычного ... суждения, будто "употребление языка настолько автоматически, что никогда не возникает повода для проникновения языковых понятий в сознание" и для превращения этих понятий в предмет нашего мышления" [Якобсон 1996: 21].

нается с усвоения неискаженной фонетики родного языка. Вообще, по моему глубокому убеждению, понимание ребенком того, что «правильно» и что «неправильно» в его собственной или чужой речи, начинается с осознания им правильности-неправильности на фонетико-интонационном уровне. Об этом свидетельствуют и выводы специалистов, работающих с детьми с общим недоразвитием речи. «Несформированность фонематического слуха будет тормозить развитие звукопроизношения и, наоборот, задержка звукопроизношения будет тормозить формирование у ребенка полноценного фонематического слуха. А это, в свою очередь, будет тормозить накопление словарного запаса»; «Речемыслительная деятельность формируется лишь после полной сформированности звукопроизношения...» [Бурлакова 1997: 43]. По этому же поводу хочется привести слова В. Набокова о «каторжной работе по изучению русского языка» как «языка великой литературы» – по сравнению с изучением языка, настроенного на функциональность: «Сначала выучите азбуку губных, заднеязычных, зубных, буквы, которые жужжат, гудят как шмель и муха-цеце. После какой-нибудь гласной станете отплевываться. В первый раз просклоняв личное местоимение, вы ощутите одеревенелость в голове. Но я не вижу другого подхода к Гоголю (да, впрочем, и к любому другому русскому писателю)» [цит. по: Позднякова 2001: 77]. Здесь существенно противопоставление утилитарного, функционального языка – и оттого холодноватого и неблизкого, и языка не столько для пользы, сколько для души – и оттого интимного и родного. При превалировании второго, эмоционального отношения к изучаемому (в нашем случае – к изучаемому родному) языку появляется возможность увидеть мир изнутри этого языка – и это будет русская языковая картина мира³, связанная с русской ментальностью.

В данной статье намечены лишь некоторые возможные приемы упорочения позиций родного языка в сознании двуязычного ребенка. В целом же стимуляции русского языкового сознания детей, воспринимающих родной язык как язык другого государства, чрезвычайно затруднена – и с психологической точки зрения, и методически: ведь это в первую очередь проблема семьи. Поэтому необходимы программы не просто доступные, но и привлекательные для родителей и детей, живущих в условиях диаспоры, и способные освободить их от прагматического гипноза ассимиляции. Здесь стоит упомянуть, что само понятие «родной язык» не получило в лингвистической литературе удовлетворительного и единообразного определения – его содержание как мен-

³ Языковая картина мира — "зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности"; "достаточно детализованная классификационная схема действительности, представленная в сознании носителей языка" [Яковлева 1994: 9; 308].

тальной, социо-, этно- и психолингвистической категории как бы само собой подразумевается. Однако я обращаюсь к одному из таких промежуточных определений: «Язык, входящий в сферу оценочного противопоставления "свой – чужой", и есть родной язык» – [Григорян 2001: 168] и пока не уверена, что без целенаправленных и координированных усилий со стороны психологов, лингвистов, методистов и родителей эмоциональные предпочтения ребенка вне языковой метрополии будут сдвинуты именно в сторону родительского языка, иначе говоря, что именно родной язык будет оценен как «свой».

Л и т е р а т у р а

- Григорян Э. А.* Методологическая характеристика неисконной русской речи // Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001. С. 155-236.
- Познякова Т. Ю.* Лингвистические характеристики русского языка в межнациональном общении // Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001. С. 73-154.
- Протасова Е.* Русский язык и дети. О поддержке и развитии у детей русского языка в условиях многоязычия. Хельсинки, 1996.
- Шахнарович А. М.* Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 213-223.
- Якобсон Р. О.* К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Язык и бессознательное. М., 1996. С. 13-26.
- Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

О текстовых функциях полипредикативных предложений, выражающих отношения быстрого следования

© Н. В. Ермишкина, 2002

Среди полипредикативных предложений, части которых связаны временными отношениями, выделяется группа конструкций, передающих эти отношения с указанием на близкое, непосредственное следование событий и минимальность интервала между ними. Способы выражения значения быстрого следования многообразны. К ним относятся подчинительные союзы (*как только, чуть, лишь; чуть только ...как; лишь ...как* и др.), союзные соединения¹ (*только...и, лишь...и* и др.), фразеологизированные конструкции (*не успел...как, не прошло...как* и др.). Это значение выражается также в сложносочиненных и бессоюзных предложениях (особенно при наличии неглагольных предикатов): *Легким, беззвучным движением взвизгивает лев в воздухе. Один прыжок – и он уже на спине у буйвола* (Куприн); *Вот апперкот – я на полу* (Высоцкий).

Во многих работах обращалось внимание на специфику некоторых типов конструкций, выражающих быстрое следование. Прежде всего, это относится к сложным предложениям с двойными союзами (*едва... как, только ... как* и др.) и грамматикализованными лексическими элементами (*не успел...как, стоит...как, не прошло...как*). Обсуждались вопросы об их системном месте в классификации сложных предложений, поскольку формальный признак (наличие союза в обеих частях сложного предложения) и грамматическая взаимозависимость между частями не позволяют отнести их ни к сложносочиненным, ни к сложноподчиненным предложениям². Это дало основания И. П. Чиркиной, В. В. Бабайцевой³ и другим относить их к переходному, гибричному типу, к зоне синкретизма.

Большинство исследователей отмечают грамматическую взаимозависимость между частями данных предложений, в связи с чем они квалифицируются как «жесткие» (в них каждый компонент имеет «признак

¹ Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988, с. 26.

² Чиркина И. П. Переходные конструкции в синтаксисе // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга. 1971, с. 45-46.

³ Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000, с. 511.

вхождения в целое»⁴) и «несвободные»⁵ конструкции. По словам Л. Ю. Максимова, несвободные конструкции данного типа включают кроме минимума структурных элементов «еще несколько более частных взаимосвязанных элементов структуры, которые обуславливают более сложную, а часто и не выводимую прямо из данной структуры семантику»⁶, характеризуются более строгим соотношением видо-временных форм сказуемых, а также «гораздо экспрессивнее предложений, построенных по свободным моделям». Эта особенность обусловлена спецификой выражаемого ими значения. Как отмечает Н. И. Формановская, в них «трудно решить, какая часть грамматически независима, а какая ей подчинена, но именно эта взаимная подчиненность частей, их спаянность, неразрывное единство особенно хорошо выражают быструю смену одного действия другим»⁷.

Подчеркивание быстроты следования событий свидетельствует о наличии в данных предложениях дополнительных субъективных смыслов, связанных с определенными намерениями и ожиданиями субъекта, на что обращалось внимание в работах М. И. Черемисиной и Т. М. Колосовой, С. А. Шуваловой⁸. Так, применительно к предложениям с союзами быстрого следования М. И. Черемисина и Т. М. Колосова отмечают, что в них на объективные (временные) отношения накладываются субъективные оценки, тесно связанные с определенной системой ожиданий, основанной на опыте: «В каждом случае интервал соотносится с некоторым ожиданием для ситуаций данного типа, а абсолютные значения сроков оказываются самыми разными от секунд до десятилетий»: *«Не успел он получить диплом, как уже оказался старшим научным сотрудником»*⁹.

Эти наблюдения позволяют поставить новые вопросы, например, о том, кто является субъектом данной оценки, с чьей точки зрения интервал оценивается как небольшой и соответственно как положительный или как отрицательный? Представляется, что новое знание о конструкциях со значением быстрого следования может быть получено посред-

⁴ Прияткина А. Ф. Особенности функционирования союзов (К типологии союзных конструкций) // Функциональный анализ значимых единиц русского языка. Новокузнецк. 1992, с. 75.

⁵ Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969; Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н. Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис и пунктуация. М., 1997.

⁶ Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н. Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис и пунктуация. М., 1997, с. 185.

⁷ Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. М., 1978, с. 105.

⁸ Шувалова С. А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990.

⁹ Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987, с. 67-68.

ством изучения их функционирования в структуре текста, выявления их композиционно-текстовых функций с учетом типологии коммуникативных регистров речи и понятия точки зрения¹⁰.

С точкой зрения текстового субъекта тесно связан характер представления интервала между ситуациями, названными в частях сложного предложения. Во многих случаях указание на быстрое следование действий обусловлено стремлением говорящего передать реальную быструю смену действий, которую он наблюдает в своем хронотопе (репродуктивный регистр): *Как только кончился обед, Ася встала и, надевая шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти к фрау Луизе?* (Тургенев).

Вместе с тем конструкции быстрого следования могут сообщать о событиях, лишенных конкретно наблюдаемой быстроты. Нередко события, упоминаемые в предложении, предполагают существование промежуточных действий или состояний, однако они остаются неназванными в силу того, что не осознаются субъектом или оказываются незначимыми для него: *Никогда не бывало, чтоб не спала по ночам, обычно едва положит голову на подушку – как кричат уже утренние петухи, пора вставать* (Тендряков) (не вербализованы звенья, указывающие на время сна субъекта). Обычно это характерно для фрагментов информативного регистра, в которых сообщается о действиях, происходящих в различных хронотопах и лишенных конкретной наблюдаемости. В информативном регистре перцептивная ось времени T_3 отсутствует (в нем представлено таксисное время T_2), поэтому во фрагментах информативного регистра обычно сообщается о масштабных, комплексных событиях, разделенными большими (не охватываемыми одним периодом восприятия) временными интервалами¹¹. Используя конструкции быстрого следования в информативном регистре, говорящий акцентирует свое внимание не столько на быстрым темпе событий, сколько на выражении причинно-следственных связей, оценок, интерпретаций:

Чтобы мне князем или графом сделаться, нужно весь свет покорить, Шипку взять, в министрах побывать, а какая-нибудь ... Варенька или Катенька, молоко на губах не обсохло, покрутит перед графом шлейфом, пощурит глазки – вот и ваше сиятельство... (Чехов). Здесь действия лишены реальной быстроты, однако говорящий намеренно пропускает промежуточные этапы для того, чтобы показать неза-

¹⁰ Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

¹¹ Как отмечает М. Ю. Сидорова, информативный регистр отличается от репродуктивного более крупным «шагом» повествования (Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М., 2000, с. 178).

служенную легкость достижения результата и тем самым выразить свое осуждение данного положения дел.

Таким образом, можно разграничить случаи реальной быстроты следующих друг за другом действий и особой, экспрессивно-оценочной быстроты, отражающей точку зрения субъекта речи и нередко реализующейся во фрагментах информативного регистра.

О наличии оценочного смысла также свидетельствует частое употребление лексических единиц в переносном значении в конструкциях быстрого следования. Смена ситуаций представляется в явно преувеличенном, несоответствующем действительности, гиперболизированном виде, что может быть, в частности, связано с неодобрением субъектом речи действий диктумного субъекта. Примером этого является внутренний монолог (несобственно-прямая речь) Ленского из «Евгения Онегина» Пушкина, произносимый возмущенным героем, осуждающим поступок Ольги:

Да Ольга слово уж дала
Онегину. О боже, боже!
Что слышит он? Она могла...
Возможно ль? **Чуть лишь из пеленок,
Кокетка, ветреный ребенок!**
Уж хитрость ведает она,
Уж изменять научена! (Пушкин).

Существуют также лексико-грамматические средства, подчеркивающие отсутствие интервала с точки зрения говорящего. Это обороты, типа: *не успел опомниться... как, не успел оглянуться... как: Последний курс, преддипломная практика... **Оглянуться не успели, пролетело пять лет*** (В. Владимиров);

*Наконец он (Чичиков) пронюхал его домашнюю, семейственную жизнь, узнал, что у него была зрелая дочь... С этой-то стороны придумал он навести приступ. ... **И в канцелярии не успели оглянуться**, как устроилось дело так, что Чичиков переехал к нему в дом, сделался нужным и необходимым человеком, закупал и муку и сахар, с дочерью обращался, как с невестой, повытчика звал папенькой* (Гоголь).

Конструкции *не успел оглянуться* в сочетании с модусными перфективными предикатами типа *очутиться, оказаться* во второй части передают неосознанность субъектом течения времени в процессе его перемещения, фиксируют лишь момент осознания субъектом изменения своего местоположения: *Сколько Иван не прибавлял шагу, расстояние между преследуемыми и им ничуть не сокращалось. **И не успел поэт опомниться**, как после тихой Спиридоновки **очутился у Никитских ворот**, где положение его ухудшилось* (Булгаков).

В рассмотренных примерах интервал между событиями оказывает-

ся незначимым для субъекта речи. Им могут быть противопоставлены предложения, в которых временной интервал осознается субъектом и называется в первой части посредством использования темпоральных лексем (*минута – и, мгновение – и* и других):

*И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут* (Пушкин).

Значимость временного интервала особенно характерна для текстовых фрагментов, представляющих будущие ситуации. Здесь интервал отражает напряженное ожидание субъектом наступления какого-либо важного для него события. В зависимости от желательности / нежелательности данного события этот промежуток времени оказывается также наполнен различными эмоциями говорящего или субъекта действия. В процитированном выше отрывке из стихотворения А. С. Пушкина именно предикат *минута* экспрессивно окрашен, он передает напряжение творческого процесса, в котором находится поэт. В других случаях интервал наполняется опасением, страхом: *Санки летят, как пуля. Рассекаемый воздух бьет в лицо, ревет, свистит в ушах, ревет, больно щиплет от злости, хочет сорвать с плеч голову. ... Вот-вот еще мгновение, и кажется, – мы погибнем!* (Чехов). Здесь реализуется принцип, о котором писал В. В. Виноградов: одни и те же синтаксические формы способны иметь «субъектно-экспрессивное» значение, изображать внутреннее состояние героев, а также служить средством «объективно-повествовательного воспроизведения какого-нибудь события»¹².

Ярко выраженный экспрессивный характер носят сложные предложения, вторая часть которых передает не реальную, а воображаемую ситуацию. Они служат особым образным средством для передачи впечатления субъекта, воспринимающего какую-либо реальную ситуацию и стремящегося более ярко и наглядно ее представить: *... Костя успел заметить: в противоположной арке возник молодой человек. Он бежал, и не просто бежал – мчался с такой скоростью, будто собирался взлететь. Еще секунда – ноги перестанут толкать землю и он взлетит, как реактивный снаряд* (Токарева).

Двум рассмотренным случаям (с незначимым и значимым для субъекта интервалом) могут быть противопоставлены конструкции, в первой части которых указывается на условный интервал между событиями. Эти конструкции носят ретроспективный характер: во второй части предложения субъект отмечает какое-либо неожиданное изменение ситуации (обычно предикат в перфективной функции). В первой же

¹² Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // В. В. Виноградов. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980, с. 222-223.

части используются условные и экспрессивные обозначения интервала (или действий, происходящих в этот короткий промежуток времени) типа *щелчок*, *раз* и др., с помощью которых говорящий подчеркивает неожиданность и быстроту наступления ситуации, названной во второй части:

... она сидит за столом, но ее нет. ... Жизнь ушла, и это ни с чем не перепутать. Только что – одно, и вдруг – другое...

Только что ребенок – щелчок – и женщина. Только что живая – щелчок – и мертвая (Токарева); *Уголовное дело шьется в пять минут. Раз – и ты уже на стройках коммунизма...* (Довлатов);

– Борис Акунин – человек инициативный... он не будучи поначалу профессиональным писателем, выпустил уже двенадцать книг. Раз – и сделал! (Т. Толстая).

Рассмотрение типов текстовых фрагментов, содержащих различные способы передачи быстроты действий, показывает, что подчеркивание непосредственного следования событий характерно для представления напряженных ситуаций, полных внутреннего драматизма. Конструкции быстрого следования не только указывают на временной контакт между действиями, но и вносят эмоционально-экспрессивный смысл, связанный с передачей эмоционального переживания, напряжения, которое испытывают участники ситуации и/или наблюдатель. Автор, сообщая о действиях диктумных субъектов и соединяя их союзами быстрого следования, дает возможность читателю догадаться о внутреннем состоянии героя, о его отношении к чему-либо. Обычно части таких предложений оказываются связанными, помимо временных, еще и причинно-следственными отношениями, которые эксплицитно не выражены в предложении, но могут быть восстановлены читателем из более широкого контекста. Такова, например, ситуация во фрагменте из «Героя нашего времени», переданном от лица внешнего наблюдателя Максима Максимыча и раскрывающем отношении Бэлы к Печорину:

... Я виноват перед тобой и должен наказать себя; прощай, я еду – куда? ... А вась недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки; тогда вспомни обо мне и прости меня». – Он отвернулся и протянул ей руку на прощание. ... Печорин сделал несколько шагов к двери; он дрожал... Только едва он коснулся двери, как она всколыхнулась, зарыдала и бросилась ему на шею. Поверите ли? Я, стоя за дверью, также заплакал (Лермонтов).

Во фрагменте из рассказа Чехова «Дама с собачкой» душевное состояние героини, глубина ее чувств передается посредством указания на быстроту ее действий:

Проводив дочь в гимназию, Гуров отправился в "Славянский базар". Он снял шубу внизу, поднялся наверх и тихо постучал в дверь. Анна

Сергеевна... поджидала его со вчерашнего вечера; она была бледна, глядела на него и не улыбалась, и едва он вошел, как она уже припала к его груди (Чехов).

Эмоциональное отношение текстового субъекта к изображаемой ситуации может передаваться посредством использования в конструкциях быстрого следования слов и выражений не в прямом, а в переносном, метафорическом значении. Вот как, например, представляет герой «Театрального романа» свое внутреннее состояние (отчаяние, чувство безысходности, разочарование) после того, как он прочитал свою пьесу директору театра:

... когда уже стало темнеть, я осипшим голосом произнес: "**Конец**".

И вскоре ужас и отчаяние охватили меня, и показалось мне, что я построил домик и лишь только в него переехал, как рухнула крыша (Булгаков).

Наличие в семантике союзов быстрого следования потенциального экспрессивного элемента подтверждается возможностью употребления в предложениях с ними безглагольных акциональных конструкций типа *Татьяна в лес; Она – в слезы, в обморок*. Как отмечает Г. А. Золотова, они представляют собой неизосемические, экспрессивно-фазисные модификации основной модели, передающие динамичное действие, движение субъекта или изменение его состояния¹³. Примеры употребления безглагольных акциональных предложений в предложениях с союзами быстрого следования: ... за Антипом следила внимательно... *Знала: только она за порог, Антип снимает балалайку и играет – не работает* (Шукшин); *Лишь няня к волосам, дитя подымет вой* (Крылов); *Друзья мои, вам жаль поэта: / Во цвете радостных надежд, / Их не свершив еще для света, / Чуть из младенческих одежд, / Увял!* (Пушкин).

Безглагольные конструкции в сочетании с союзами быстрого следования, употребляясь в составе главного предложения, способны также выступать в роли императива, выражая яркое экспрессивное побуждение к действию, в совершении которого заинтересован говорящий (волюнтивный регистр): *Вот что, Иван Арнольдович, вы все же следите внимательно: как только подходящая смерть, тотчас со стола – в питательную жидкость и ко мне!* (Булгаков).

В придаточных с союзами быстрого следования возможно употребление и других неизосемических и экспрессивных средств сообщения о действии – девербативов, глагольных междометий: *Он еще не знал хорошо, что сделает, но знал, что уже не владеет собою и – чуть*

¹³ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2001 (2-е изд).

толчок – мигом дойдет теперь до последнего предела какой-нибудь мерзости (Достоевский); Архангел нам скажет: "В раю будет туго". / Но **только ворота – целк, / Мы Бога попросим**: "Впишите нас с другом / В какой-нибудь ангельский полк" (Высоцкий). Примечательно, что другие временные союзы, способные указывать на следование событий, обычно не сочетаются с безглагольными акциональными предикатами и глагольными междометиями. Это касается как союзов недифференцированного значения (*когда*), так и дифференцированного союза *после того как*: * *Когда няня к волосам, дитя подымет вой*; * *Когда толчок – он дойдет до предела*.

Экспрессивный характер союза *чуть* проявляется в особой модели сложного предложения, в которой представлено сочетание *чуть что*: *Купцы – не бояре: тем податься некуда, вотчину в кармане не унесешь. Купец, как улитка: **чуть что – рожки спрятал и уятился с капиталом**...* (А. Толстой). Эта конструкция, свойственная разговорной речи, сообщает о быстро следующих узуальных событиях, связанных условно-следственными отношениями. За ситуацией, обозначенной посредством местоимения *что*, закреплена, как правило, отрицательная экспрессивная оценка – оно подразумевает событие, неожиданное или неблагоприятное для субъекта речи или субъекта действия: – *Ты только не реви... Моду взяли: **чуть что, так реветь сразу**. Не можешь, – значит, не можешь. Чего плакать-то?* (Шукшин).

Специфика конструкций быстрого следования обнаруживается также в типичных композиционно-текстовых функциях их частей. Для характеристики функций предикатов мы используем термины *аористив, перфектив, имперфектив*, введенные в «Коммуникативной грамматике» для обозначения текстовых функций, выделенных В. В. Виноградовым¹⁴.

Значение быстрого следования предполагает ограниченность каждого из событий, и эта особенность определяет композиционно-текстовые функции частей сложных предложений. Данные конструкции предназначены к использованию в повествовательных подрегистрах, сообщающих о последовательной смене ситуаций. Соответственно определяется и функционально-синтаксическая парадигма их предикатов, способных в зависимости от семантики и таксисных отношений с окружением выступать в аористивной и перфективной функциях. Аористивная функция состоит в передаче цепи последовательных действий, как правило, целенаправленных, обращенных в перспективу, предполагающих дальнейшее развитие: *А я **повернул** кобылку – и **к лесу*** (Зощенко); *Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; **ружье из***

¹⁴ Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

чехла – и туда; я за ним (Лермонтов); Доведя Оленьку до калитки, он простился и пошел далее... по-видимому, она ...произвела на него впечатление, потому что немного погодя к ней пришла пить кофе одна пожилая дама, мало ей знакомая, которая **как только села за стол, то немедля заговорила о Пустовалове**, о том, что он хороший, солидный человек... (Чехов). Перфективная функция «включает в сюжетное время состояние (лица, предмета, пространства), являющееся результатом предшествующего действия либо предельного состояния, перешедшего в новое качество»¹⁵: ...**малейшее движение, неосторожный жест рукой – и вы окажетесь в воде** (Тендряков).

В зависимости от семантики предикатов предложения быстрого следования допускают разновидности сочетаний этих двух основных функций. Например:

аористив – аористив: Митька вскочил и – **бегом** по камням... (Шукшин);

перфектив – перфектив: Но нет! я останусь тем же неоконченным существом, каким был до сих пор... **Первое препятствие – и я весь рассыпался** (Тургенев);

аористив – перфектив: Залезешь в шалаш – **и умер**. Насилу добудутся потом (Шукшин).

Наиболее характерным является сочетание аористива в первой части с перфективом во второй: **Один кивок – и он забудет ненаписанные картины, забудет самого себя** (Тендряков).

Соотношение функций «аористив – перфектив» характерно для представления ситуаций, первая из которых содержит целенаправленное действие субъекта, а вторая – неожиданный для субъекта результат первого действия. Во второй части обычно сообщается о внезапном и значимом для субъекта (часто неизбежном) переломе в развитии событий, причем мгновенность наступления новой ситуации часто подчеркивается употреблением в перфективной функции форм настоящего времени: **О славный час! о славный вид! / Еще напор – и враг бежит** (Пушкин), а также безглагольных предикатов: **Звонок Щелокову – и все в обмороке** (Аксенов);

Еще так недавно они все сидели вокруг дубового стола, празднуя пятую годовщину окончания школы, хорошо так пели и с густым звоном чокались, человек тридцать, пожалуй, и все счастливые, трезвые, весь год прекрасно работавшие, а теперь, как только стали расходиться по домам, так сразу – тошнота, и темнота, и безнадежно валкая панель (Набоков). В последнем примере обнаруживается контраст между ситуацией в предшествующем контексте, оцениваемой

¹⁵ Золотова Г. А., Онисенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998, с. 27.

положительно, и новой ситуацией – мгновенным и неожиданным переходом субъектов в состояние, оцениваемое отрицательно. Предикат первой части в аористивной функции (как только стали расходиться по домам) сообщает о начале сознательного, целенаправленного действия субъектов, тогда как безглагольные перфективы во второй части передают наступление нового состояния, не зависящего от их воли. Впечатление мгновенности и неожиданности перехода поддерживается контрастом семантическим (действие – состояние), функциональным (аористив – перфектив), а также противопоставлением способов выражения предикатов (глагол в придаточном и существительные в главном предложении).

Аористивные и перфективные функции предикатов сохраняются и в конструкциях, передающих узуальные, повторяющиеся действия, однако на их первоначальную функцию накладывается также значение итеративности, свойственное всему сложному предложению: *Имея в кармане доллар или любую так называемую свободную валюту..., вы можете ехать в любую страну, вы при деньгах. Наши же деньги, как только вы пересечете границу, превращаются в простые бумажки, в мусор. Разве это не унижительно? Что это, тоже одно из благ?* (Солоухин).

Существует зависимость между семантикой языковых средств, с одной стороны, и их функцией и местом в сложном предложении, с другой. Рассмотрим эти закономерности на примере сложносочиненных и бессоюзных предложений.

Во-первых, можно выделить слова, семантика которых предопределяет их текстовую функцию и фиксированность / нефиксированность позиции в составе сложного предложения со значением быстрого следования.

1. **Аористивная функция** закреплена за следующими группами предикатов, которые могут находиться как в составе первой, так и второй части сложного предложения:

– глаголы со значением быстрых, активных действий, имеющих границу: *Петрунька, как птица, взлетел на плетень – и на ту сторону* (Шукшин);

– пропозитивные имена, обозначающие краткие или мгновенные действия (*шаг, прыжок, толчок* и др.): *Еще один огромный взмах – / И смят ресницы* (Цветаева); *Звонок, свисток – перрон поплыл мимо окна* (Грин); *Один фальшивый звук в речи – и вся ее гармония для нас исчезла* (Тургенев).

– директивные синтаксемы (субстантивные, местоименные, наречные)¹⁶: *Петрунька туда – бык за ним. Петрунька сюда – бык за ним* (Шукшин); *Бабка в сторону – и собака за ней* (Зоценко).

2. **Перфективная функция** выражается предикатами следующих типов:

а) глаголами со значением изменения состояния, которые могут входить в состав первой или второй части: *...ребенок родился – ну вот издержки, сынок заболел – издержки, умер – издержки* (Достоевский); *Малейшая задержка – и мысль, блеснув, исчезнет* (Паустовский);

б) неглагольными предикатами, выступающими во второй части сложного предложения:

– существительными со значением перехода в новое состояние или конечного звена в цепи событий (слово *конец* и его экспрессивные разговорные синонимы *каюк*, *крышка* и другие): *... они с ходу влетят в сани – и конец* (Шукшин); *Заснешь – каюк* (Булгаков);

– краткими прилагательными в функции предиката: *Мужчина взглянет, повернется чуть-чуть в профиль – и готов. Доволен. Ни о чем не мечтает, ни о чем не жалеет* (Тэффи);

– наречиями со значением изменения состояния, положения: *Свернул – бочка набок* (Шукшин); *... бык поднатужится – хомут пополам* (Шукшин);

– краткими страдательными причастиями: *Еще одно последнее мгновенье – / И брошен наземь мой железный бог* (Высоцкий);

– фразеологизмы со значением результата изменения: *Ро-та, пли! – и дело в шляпе...* (Куприн); *Доктор увидит ваши деньги – и все лечение насмарку* (Тэффи).

Перечисленные языковые средства характеризуются общими семантическими признаками: а) выражением краткости действий субъекта или мгновенности перехода от одной ситуации к другой; б) указанием на границу ситуации. Их использование в тексте способствует ускорению темпа повествования.

Во-вторых, в предложениях со значением быстрого следования в качестве предикатов могут использоваться также те глагольные и безглагольные предикаты, семантика которых связана с длительностью и лишена указания на границы ситуаций (это определяет их типичное

¹⁶ Описывая разновидности безглагольных предикатов, мы используем теорию синтаксем, предложенную Г. А. Золотовой. Под синтаксемой Г. А. Золотова понимает «минимальную... семантико-синтаксическую единицу русского языка, выступающую одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризующая, следовательно, определенным набором синтаксических функций» (Золотова Г. А. Синтаксический словарь. 2-е изд. М., 2001, с.4).

функционирование в описательных подрегистрах). В конструкциях быстрого следования их исходная семантика модифицируется, благодаря чему они приобретают значение ограниченности.

Глаголы, обозначающие длительные процессы, также способны выступать в конструкциях быстрого следования. Границы этих процессов эксплицитно маркируются посредством способов глагольного действия, благодаря которым глагол приобретает способность выступать в аористивной или перфективной функции (*бежать – побежать*)¹⁷: ... секунда! – и он сейчас **побежит**, и все поле **побежит** за ним, публика, флаги, облака, жизнь! (Олеша).

Динамическое прочтение и соответственно перфективную функцию приобретают статичные предикаты (*стоять, сидеть, лежать* и др.), подразумевающие предшествующее мгновенное изменение: *Гаврила рванулся раз, два, – другая рука Челкаша змеей обвилась вокруг него... Треск разрываемой рубахи – и Гаврила **лежал** на песке, безумно вытаращив глаза* (Горький).

В конструкциях быстрого следования «снимается» свойственная некоторым видо-временным формам глагола функциональная немаркированность по признакам динамики / статики, процессуальности / результативности (формы НСВ прошедшего и настоящего времени). Так, в языковой системе формы настоящего времени обладают большим функциональным потенциалом (могут выступать в имперфективной, аористивной и/или перфективной функциях). Однако в конструкциях быстрого следования они получают однозначное динамическое прочтение, в связи с чем их функциональная парадигма сужается (аористив и/или перфектив). Например, перфектив во второй части: – *Ах так! Меня отвергают! – с фальшивым отчаянием возопил молодой человек... и внезапно извлек из внутреннего кармана маленький... револьвер. ... Одно ваше слово, и я **живу!*** (Акунин); *Еще минута-две, и мои слушательницы крепко **спят*** (Шукшин).

Безглагольные предикаты, обозначающие длительные ситуации и обычно функционирующие в описательных подрегистрах, также изменяют свою семантику. Причем это, как правило, связано с фиксированной позицией в составе определенной части сложного предложения. Во второй части именные предикаты, обычно выражающие статические признаки субъекта, приобретают динамический характер (перфективная функция)¹⁸, имплицитно выражая переход субъекта в новое состояние (при отсутствии фазисных модификаторов):

¹⁷ Золотова Г. А. Перфект и перфектив: лексика, грамматика, функция // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1998, с. 28-29.

¹⁸ В «Коммуникативной грамматике» аналогичное явление было ранее отмечено на материале простого полипропозитивного предложения с именными локативными синтак-

– субстантивные синтаксемы: – *Хотите, я тоже стану блондинкой? Два часа – и блондинка* (Токарева) (т. е. *и я стану блондинкой*); *Все равно что после обеда выпить одну только рюмку ликеру: и полезно и приятно, а выпить десять – и во рту прегадкое ощущение...* (Куприн); *одно движение большим пальцем, и окурек уже без внутренностей*... (Тендряков);

– адъективные синтаксемы: *...в проливе под Керчью ставим крепость – и все море наше...* (А. Толстой); *Обругал – и душа спокойна* (Тендряков);

– локативные синтаксемы: *Вот апперкот – я на полу* (Высоцкий);

– отрицательные модификации бытийных, локативных, посессивных и других моделей:

Одна бомба – и города нет (Тендряков); *После получасовой борьбы я наконец бросил хлеб. Не сводя с меня пустых, не пускающих в себя глаз, она [собака] боком приблизилась к куску. Прыжок – и... ни куска, ни собаки* (Тендряков).

Особую быстроту и динамизм придает конструкциям быстрого следования использованию конкретно-предметных существительных в роли предикатов. Предметные существительные при этом модифицируют свою семантику, приобретая событийное, предикативное прочтение и способность выступать в соответствующих композиционно-текстовых функциях. Например, обозначая мгновенное действие в первой части, они выступают в аористивной функции: *И теперь надо чиркнуть спичку. Одна спичка – и обрушится беда. Одна спичка – и смерть Розе, Рябине...* (Тендряков). Конкретно-предметные существительные могут символизировать изменение состояния субъекта и выполнять перфективную функцию: *Перепостился – зроб* (Цветаева).

Сочетание безглагольных событийных предикатов (или безглагольного и глагольного предикатов) в аористивной и перфективной функции можно рассматривать как особый тактический прием, позволяющий передать быстроту действий с точки зрения субъекта-наблюдателя, который будто бы не заметил момента совершения первого действия, а зафиксировал только конечный результат. Неназванность промежуточной фазы создает эффект «затемнения»¹⁹, что придает пове-

семами «в + Вин.п.», «на + Вин.п.», «к + Дат.п.». В условиях репродуктивно- или информативно-повествовательного регистра (на фоне директивных синтаксем) локативные синтаксемы получают динамическое прочтение: *Около городского моста медведь остановился, учительница вошла в город* (Соколов-Микитов), т. е. *около моста = дойдя до моста*. (см. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998, с. 259).

¹⁹ Термин «затемнение» используется А. К. Жолковским и Ю. К. Щегловым для обозначения особого приема выразительности, который состоит в том, что «на кульминационном участке развития сцена закрывается от персонажей и читателя некоей завесой,

ствованию еще большую динамичность. Этот эффект особенно ощутим в случаях, когда в первой части используется опосредованный способ сообщения о действии. Например, само действие не называется, а указываются лишь сопровождающие его слуховые признаки. Создается впечатление, будто наблюдатель не увидел момента совершения действия, а зрительно зафиксировал только его конечный результат:

Слышу легкий театральный шорох

И девическое "ах" –

И бессмертных роз огромный ворох

У Киприды на руках (Мандельштам);

Кейс был здесь же, рядом, на полу.

Скрипнула дверь, ...кто-то вошел. Фандорин не обернулся – зачем?

Мягкие, почти бесшумные шаги. ... Легкий шорох – и кейс вдруг

исчез из поля Николасова углового зрения.

Тут уж он обернулся – и увидел нечто невероятное (Акунин).

Проанализированный материал позволяет обобщить некоторые закономерности, свойственные конструкциям быстрого следования, и сделать выводы.

1. Сложные предложения со значением быстрого следования, относимые в грамматиках к разным формальным типам, обнаруживают существенное сходство своих семантических и функциональных характеристик. Изучение их функционирования в тексте выявляет не только предназначенность для выражения быстрой смены событий, но и связь с субъективными (эмоциональными, оценочными) смыслами, с отражением точки зрения наблюдателя. Это проявляется в использовании экспрессивных возможностей разных языковых средств:

– лексики (слова в переносном значении; экспрессивные средства разговорного характера);

– морфологии (неизосемические конструкции, включающие безглагольные предикаты разных типов);

– синтаксиса (фразеологизированные конструкции *не успел...как; не прошло...и* и др.).

2. Термины «быстрое следование» и «минимальность интервала» нуждаются в уточнении, поскольку в тексте возможно как представление реальной, наблюдаемой быстроты смены событий, так и выражение экспрессивно-оценочной быстроты, передающей точку зрения какого-либо текстового субъекта.

после устранения которой результат предстает в готовом и статичном виде» (Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности. М., 1996, с. 115).

3. Отношение быстрого следования событий обуславливает использование сложных предложений данного типа во фрагментах повествовательных подрегитров. В связи с этим отмечается закреплённость предикатов их частей за выполнением аористивной и перфективной функций.

Л и т е р а т у р а

1. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
2. *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы» // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
3. *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Работы по поэтике выразительности. М., 1996.
4. *Золотова Г. А.* Перфект и перфектив: лексика, грамматика, функция // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1998.
5. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2001 (2-е изд).
6. *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. 2 изд. М., 2001.
7. *Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
8. *Кручинина И. Н.* Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988.
9. *Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н.* Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис и пунктуация. М., 1997.
10. *Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969.
11. *Прияткина А. Ф.* Особенности функционирования союзов (К типологии союзных конструкций) // Функциональный анализ значимых единиц русского языка. Новокузнецк, 1992.
12. *Русская грамматика.* М., АН СССР, 1980.
13. *Сидорова М. Ю.* Грамматика художественного текста. М., 2000.
14. *Формановская Н. И.* Стилистика сложного предложения. М., 1978.
15. *Черемисина М. И., Колосова Т. А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
16. *Шувалова С. А.* Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990.
17. *Чиркина И. П.* Переходные конструкции в синтаксисе // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга. 1971.

Роль заголовков и подзаголовков в англо-американской прессе

© доктор филологических наук Е. Н. Малюга, 2002

Данная статья посвящена изучению роли заголовков и подзаголовков в британской и американской экономической прессе и их связи в газетных статьях с вопросительными предложениями.

Поскольку нас интересует и вопрос вариативности, так как в статье используется материал, основанный на двух основных вариантах английского языка, то сначала хотелось бы выяснить являются ли англичане большими эстетами по сравнению с американцами в своих экономических газетах. Этот вопрос затрагивает сферу этнической психологии. И ответ на него дать не так просто, хотя, в общем, у каждого из нас имеется представление о британской сдержанности, об американской уверенности в себе, но это лишь общие представления и по отношению к материалу, рассматриваемому в данной статье, вопрос об эстетической функции приобретает более конкретное содержание.

Итак, британская газета «Financial Times» широко использует новейшие компьютерные технологии. Это, в частности, выражается в том, что они используют такой мощный фактор, как красочные иллюстрации, в то время как американская газета «The Wall Street Journal Europe» использует черно-белую печать. Но этим дело не ограничивается и как видим мы из нашего исследования английские авторы статей склонны к многоаспектным заголовкам в своих статьях. Как правило, это сочетание заголовка и подзаголовка, которое поражает воображение читателя своей парадоксальностью и необычностью, но несет ярко выраженную апеллятивную функцию.

Например, «**Would I rather be Henry VIII ?**» или «**Do you want to be a fish?**».

Следующие же за заголовками подзаголовки выполняют чисто информативную функцию и в предельно лаконичной форме передают содержание статьи.

К примеру после заголовка «**Would I rather be Henry VIII?**» следует подзаголовок «**It's a stupid question — almost as silly as the way we measure inflation and economic growth**».

Это, безусловно, отличает заголовки английских статей от американских, которые выполняют информативную функцию. Например,

«**The American century: Is it going or coming?**», «**New President?**»

Безусловно, такие заголовки определяют характер статей. Например:

New President?

Mr. Eisner now says, «it's possible» he will again bring in a No. 2 executive. The company president slot hasn't been filled since Michael Ovitz left Disney in 1996 after a brief, one-year tenure. Disney has so considered creating an «office of the president» giving several executives a greater role in corporate decision-making. Mr. Eisner says no decision on either matter appears imminent.

.....
The result is a sense of heightened competition in Disney's senior executive ranks. Mr. Eisner notes there was some disruption when the theme-park reorganization, for example, gave Mr. Pressler oversight of several operations, including Walt Disney Imagineering, that formerly reported directly to the chief executive.

But he adds that the moves, and some attrition, have swept out a number of «drifting-along kind of executives who are at the midlife-crisis level.» He has instead elevated a fiercer breed of executive who «remains in the (game of) musical chairs and finds a seat. That's the person that I think is important to the company.»

(From **The WSJE**. August, 1999)

Вопрос «New President?», приводится в качестве заголовка *подраздела* данной статьи. Однако на него дается уклончивый ответ самого Айснера («it's possible») и затем проводится подробный анализ работы председателя компании, выдержанный в весьма хвалебных тонах, позволяющий надеяться на *правильный выбор нужного человека* если таковой понадобится. Любопытным признаком данной статьи является прием *лаконичной статьи* (да еще с портретом самого Айснера), помещаемой в центр более пространной статьи:

Англичане склонны также к игре слов (типа to beat or not to beat, two beers or not two beers), проявлению эрудиции, рассчитанной на читателя. И в этом смысле мы можем утверждать, что в использовании языка англичане более эстетичны в экономических газетах, чем американцы.

Говоря о связи заголовков, подзаголовков и вопросительных предложений в британской и американской прессе, можно утверждать, что заголовки, подзаголовки и вопросы в отдельно взятой статье объединены одним смысловым целым. Вопросительные предложения, находящиеся в проминантных позициях (начало, середина и конец абзаца) могли бы выступать в роли подзаголовков, а иногда и заголовков.

Например, в статье из газеты «Financial Times» мы, прежде всего, видим расхождение позиций Евросоюза и Америки, которое будет ниже иллюстрироваться еще неоднократно — не все, что хорошо для Америки, хорошо для Евросоюза. Следует отметить и то, что автор задает

чистый (эксплицитный) вопрос и дает совершенно конкретную рекомендацию (хотя и в несколько уклончивой форме), причем от своего лица, не ссылаясь на какие-либо авторитеты (можно предположить, что и редакция разделяет его мнение, поскольку он является экспертом в данной области).

The challenge for the ECB

Central bankers do not like surprises. European policymakers had been looking forward to a comfortable launch of the euro next January. When 11 countries including Italy signed up for the single currency in May, the talk was of a European boom, not a global recession.

.....
Nevertheless, the change in world conditions has prompted US central bankers to contemplate easing monetary policy. *Should their counterparts in Europe do the same?* The answer is: not yet.

European central bankers are unlikely to cut rates in anticipation of imported deflation or to offset falling equity markets.

(From «F.T.» Wednesday, September, 1998).

Любопытно, что сравнительно небольшой размер статьи влечет за собой отсутствие подзаголовка. Сам заголовок абсолютно недвусмысленен и единственным экспрессивным словом в этом кратком заголовке является само слово «challenge». Если мы посмотрим на другие статьи в этой же газете, то мы обнаружим аналогичную ситуацию: содержание такого рода заголовков абсолютно прозрачно, например: Analysts see sharp falls in metal supplies; Equities take a beating but fight back from lows; SWX (the Swiss exchange) to open office in London; VW (Volkswagen) dismisses speculation over trucks takeover; Murdoch steps down at Star TV и т.д.

Kouchner pleads for cash for Kosovo

Bernard Kouchner, the United Nations «governor» of Kosovo, yesterday made an emotional appeal for more money, police and diplomatic help to restore public services, law and order in the beleaguered province.

.....
Dr Kouchner also excoriated the international community for sending him only 1,800 police when he had asked for 6,000. Referring to the murder rate in Kosovo, he told ministers of Nato and its Euro-Atlantic Partnership Council (EAPC): «Don't talk to me about law and order until you send me more police. I can't do this with my bare hands».

.....

He said: «*How can you expect people with missing sons, daughter, fathers, mothers to put aside thoughts of revenge until this mystery is cleared up?*»

(From «F.T.», December, 1999)

Не прочитав статьи, по заголовку трудно определить, кто такой Кушнер, у кого и для каких целей он просит денег для Косово. Но, подзаголовок, который на этот раз стоит *впереди заголовка*, совершенно однозначно определяет ситуацию. С этой точки зрения у статьи оказывается, фактически, два заголовка и становится непонятным — нужен ли вообще второй (гораздо менее определенный) заголовок. Но если переставить местами подзаголовок и заголовок, то получится обычное соотношение не очень понятного и тем самым привлекающего внимание читателя (иногда парадоксального) заголовка и поясняющего, конкретизирующего его подзаголовка.

Что касается вопроса, то это типичная *импликация — возмущение*, звучащее довольно патетически, т.е. ответа на этот вопрос собственно и не требуется. Таким образом, это уже высказанное ранее требование (в более эмоциональной форме) в форме вопроса. Хотя назвать этот вопрос *неинформативным* тоже нельзя, информации здесь более чем достаточно. Говорить об отсутствии элемента вопросительности здесь тоже нельзя: совесть-то у вас есть? Таким образом, здесь есть и экспликация для плохо информированных и импликация — побуждение.

В следующем примере под общим заголовком даны три статьи, из которых мы анализируем только одну «Societe Generate» именно потому, что только в ней встречаются вопрос, заголовки и подзаголовки.

THE LEX COLUMN Common knowledge

Selective disclosure of information is clearly a bad thing: it distorts prices and undermines investors' confidence in the markets. The tricky part is tackling it without making the cure worse than the disease.

Unfortunately, the US Securities and Exchange Commission's new «fair disclosure» rules might do just that. Having tried and failed to prosecute analysts and investors under the country's vague and inadequate insider trading laws, the SEC intends to shift the burden of providing full disclosure squarely on to companies. Under the proposals, when a public company wants to reveal material information it will have to file with the SEC, issue a press release or host a publicly accessible conference call.

.....
Приводимая ниже статья взята нами из специального раздела полосу под заглавием Common knowledge, которому предшествует очень

характерное словосочетание (набранное более мелким шрифтом, но от этого не менее значительным — THE LEX COLUMN).

Societe Generale

Societe Generale's decision to buy nearly 4 per cent of Credit Lyonnais complicates further the already tangled shareholder structure of the recently-privatised French bank. *But does it make a juicy bidding war more likely?*

Investors certainly seem to think so. Hence yesterday's near 10 per cent increase in CL's share price. One hope is that SG might challenge Credit Agricole for CL's hand when the latter's takeover protection starts to lift in 2001. Another is that the move will encourage other rival suitors, such as Banque Nationale de Paris, to enter the fray.

(From «F. T.», December, 1999)

На первый взгляд, это чисто эксплицитно выраженный информативный вопрос, если судить по следующему на него ответу (настораживает лишь слово «juicy»). Но оно содержит совершенно определенную импликацию — иронию, которая полностью разъясняется в конце статьи.

Это одна из центральных новостей (после статьи «UK equities») и именно по этой причине мы значительно сократили первоначальный текст. Нам хотелось бы обратить внимание на три момента:

1) статья имеет *только заголовок* (в общем подразделе **Common knowledge**), поскольку читатели (хотя бы руководствуясь экономическим контекстом) прекрасно осведомлены, о чем пойдет речь. Это, так сказать, *сообщение на злобу дня* и никаких *специальных апеллятивных* приемов не требуется. *Подчеркнем, что на 100 статей данного номера газеты примерно 80 даны без подзаголовков* (если, конечно, нет указаний на страну, о которой пойдет речь; но это нельзя считать подзаголовком, тем более, что такого рода ориентировка предшествует заголовку);

2) *комментаторы упорно употребляют «Vit» перед вопросами* (и как будет видно далее), казалось бы, без всякой необходимости, это уже превратилось в своего рода журналистский штамп. Складывается впечатление, что это просто *попытка обратить внимание на себя*, на то, *что у них есть собственное мнение*; но нельзя отрицать, что это и своего рода дополнительный намек на отрицательный ответ;

3) *собственное мнение (и/или редакции) излагается независимо от каких-либо подпорок в виде цитат, ссылок на авторитеты или их авторитетные заявления.*

Мы специально привели название раздела для того, чтобы стала понятной его направленность: правильно ориентировать простых людей в том море экономической информации и рекламы, которая обрушивается на них каждый день огромным потоком. В этом смысле **Common**

knowledge является лишь пожеланием, целью авторов, а вовсе не реальностью, как можно было бы предположить на первый взгляд.

В каком-то смысле, сопоставляя название раздела и начало статьи, мы начинаем понимать, почему названию раздела предшествуют слова **THE LEX COLUMN**. Авторы, возможно, предпринимают безнадежную, но благородную попытку поставить рекламу на уровень закона с большой буквы. Они хотят сообщать о реальном положении тех или иных компаний.

Следующая статья явно проблемного характера. Основной ее вопрос действительно не так легко разрешим и этим обусловлено не только значительное количество вопросов в начале статьи и далее (пожалуй, самое большое по сравнению с другими статьями), но и их усложненная структура.

Global e-commerce law comes under the spotlight

The threshold question is: whose laws apply? When an American woman slips and falls in a hotel in Italy, can she sue in New Jersey, just because the hotel advertises globally on the internet? When a Christmas tree catches fire in an American home and causes a fatality, can the store where the tree was purchased sue the Hong Kong manufacturer in a US court, just because the Hong Kong company has a presence in cyberspace?

In both two cases, the US courts said «no». But the question of jurisdiction remains unresolved, both internationally and within the US, according to Mr Westermeier. «*What consumer laws, contract law, privacy laws and other laws apply to e-commerce transactions? Where does a transaction take place? How will conflicts in law be determined?*» he asks.

.....
What about linking, the fundamental comparative advantage of the internet? How can companies protect themselves against liability for what appears on the linked site? And is it legal for companies to «deep link» to an interior page of the web site, bypassing advertising on the home page?

The anonymity of the web presents a nightmare for companies. *How can US companies avoid contravening export laws by selling to Libyans?*

But the thorniest issue of all is probably privacy: how can consumers be protected against e-instructions, in a world of «online profiling», where companies gather information about them without their knowledge? The problem has global dimensions: the US and EU are at loggerheads over an EU privacy directive that could exclude valuable European consumer data from the US, forcing companies to keep separate databases.

In the end, it comes back to the same question: how can business be borderless when the law is not? No one yet has the answers.

(From «F.T.», December, 1999).

По объему статью можно отнести к статьям средней величины: она занимает почти половину газетной полосы. Заголовок тоже занимает промежуточное положение между совершенно парадоксальными, непонятными и загадочными, с одной стороны, и заголовками, понимание которых не вызывает никаких трудностей.

Поэтому появление подзаголовка как бы напрашивается само собой: «*International business is clashing with local and national law in the borderless new world*». Смысл содержания статьи теперь становится гораздо понятнее: в случае возникшего спора будет не так-то просто решить тот или иной конкретный вопрос. Коммерция, как известно, всегда имела глобальный характер. Этот тезис не нуждается в доказательствах. Что же касается закона, то он преимущественно ограничен национальными рамками.

Отсюда возникает противоречие: законами какой именно нации или международной организации будут пользоваться лица, предъявляющие тот или иной иск и решающие его? В статье приводится несколько совершенно конкретных примеров возможных споров, в связи с чем, и появляется целый ряд вопросов.

Мы уже сказали, что основная проблема статьи: это законы какой страны будут применяться в данном случае. Поэтому когда в статье задается вопрос: «*The threshold question is: whose laws apply?*», то нет никакого сомнения в том, что основной эксплицитный вопрос должен звучать торжественно.

Просодический характер двух остальных вопросов резко меняется: он становится более разговорным, причем пунктуация (в газете сведенная к минимуму) не дает нам надежной основы для правильного просодического оформления этих вопросов. Так, например, совершенно ясно, что основной подъем в расширенном интервале должен реализовываться на слове «Jersey». Что же касается завершающей части этого предложения, то она произносится со скобочной просодией.

Нельзя не заметить, что и содержание и манера произнесения дают основания для того, чтобы заподозрить комментатора в ироническом отношении автора к обсуждаемому предмету, что, по-видимому, вызвано совершенно однозначным решением американского суда. Автор явно не согласен с такой постановкой вопроса, которая вызывает негативные чувства не только в мире вообще, но и в самой Америке. Следовательно, присутствует импликация негативного плана.

Вопросы юрисдикции в этой области продолжают оставаться несовершенными и поэтому автор обращается к американскому адвокату м-ру Вестермайеру, который согласен с тем, что здесь возникает множество проблем, которые адвокат тоже формулирует в виде специальных эксплицитных вопросов, суммируя их в вопросе: «**How will conflicts in law be determined?**»

Если до сих пор вопросительные формы, использовавшиеся комментатором, были скорее примерами возможных ситуаций, а сам он уже знал ответы на эти вопросы, то вопросы, которые задает адвокат, действительно являются запросом об определенной информации, это эксплицитные вопросы, хотя и не лишенные определенной доли недоумения, сомнения. По-видимому, здесь следовало бы, учитывая прагматическую ситуацию говорить о существовании переходной стадии от эксплицитных (или чистых) вопросов (поскольку вопросы предельно близки к упомянутой категории) к имплицитным.

Проанализируем материал американской газеты «The Wall Street Journal Europe» с точки зрения употребления заголовков, подзаголовков и их связи с вопросительными предложениями.

Хотя в следующем заголовке и остается какая-то недоговоренность, представленная часть вполне понятна, т. е. можно считать, что *тенденция давать понятные заголовки в американской газете выявляется в достаточной мере.*

A Guide to the Better Sort of People (by P. Levy)

«Among the 100, 000 of living people named in this edition there are plenty of non-Britons and nonresidents. The baronets Croft of Croft Castle have been Australians for several generations; the American bone Lord Menuhin died too late to be excised from this volume (and *by the way, is he the only peer to have had a Hebrew motto on his coat of arms?*)»

(From **The WSJE**, August, 1999)

Вопрос сформулирован таким образом, что информативная или *экспликативная функция сочетается с имплицативной* (ирония), и это тоже типично для данной газеты.

Один вопрос мы приводим из раздела «**Letters to the Editor**» (включение этого раздела в наш анализ искажило бы основное сопоставление комментаторских статей) только в силу его исключительности.

Would You Fly The 'Killer' Skies?

How often would one expect to hear an airline CEO publicly describe an aircraft as a «killer airplane?» («Crowds in the Sky», front page, Aug.2) That kind of thoughtless comment, along with a description of the lack of comfort in the new Boeing 737, shows how corporate financial management can run roughshod over customer service, and simultaneously ignore the sensitiveness of customers.

(From **The WSJE**, August, 1999).

История с падениями Боингов наделала столько шума во всем мире, что автор статьи, естественно, использует «убийственную» иронию в

заголовке (*что является своего рода редкостью в американских газетах*) и всячески пытается обелить реально сложившуюся ситуацию, твердо отстаивая американские позиции в авиации.

Заголовок не является повтором заголовка редакционной статьи, и использование такого заголовка следует отнести на счет писавшего письмо. Другими словами, он ни в коей мере не характерен для газеты вообще.

Что же касается первого вопросительного предложения абзаца, то это чисто риторический вопрос, не требующий никакого ответа — ответ дает сам автор (“thoughtless comment”), но интонация этого вопроса выражает крайнее возмущение автора (падение на слове «often» с увеличенным интервалом, что в целом приводит к расширению диапазона предложения).

U.S. Supports Montenegro's Democracy

Your July 29 editorial «*Who Will Lead the Balkans?*» was marked by an extraordinary misunderstanding of U.S. government policy toward Montenegro.

(From **The WSJE**, August, 1999)

Формально вопрос следует отнести к началу (или середине) абзаца, на самом же деле это всего лишь *заголовок*, на который ссылается корреспондент, в принципе, осуждающий двойные стандарты американского правительства. Поскольку далее никаких вопросов не встречается, мы ограничиваемся только первым абзацем, хотя корреспондент, занимающий государственный пост заместителя секретаря комитета по общественным проблемам, счел необходимым довольно пространно высказаться о поведении американского правительства Черногории и Югославии.

Приведем еще один пример из газеты «The Wall Street Journal Europe».

Internet Regulation?

Vincent Cerf has a deserved reputation for work on key developments that led to the Internet («Don't Give AT&T a New Monopoly,» editorial page, July 30). Unfortunately, Mr. Cerf now seems to believe that the Internet can be improved by regulating it.

.....
If America's government officials begin regulating high-speed Internet access, they would simply be penalizing those who saw high speed's potential first. They also would slow the only existing hope for competition in local telephone markets. *How in the world would either of those benefit consumers?*

(From **The WSJE**, August, 1999)

В этой статье корреспондент также выражает свое неудовольствие по поводу переделки телефонной сети и, если заголовок еще можно прочесть с нейтральной интонацией, то заключительная фраза письма по своим интонационным параметрам весьма схожа с тем, что мы имели в предшествующем письме. Вопрос, таким образом, тоже следует считать чисто *риторическим*: автор уверен, что планы перестройки не приведут ни к чему хорошему, то есть, пользующиеся телефонной связью не будут иметь никаких преимуществ, оказавшись в руках новой монополии.

Мы считаем возможным ограничиться приведенными тремя письмами, поскольку общая тенденция определилась уже с достаточной ясностью.

По вполне понятным причинам в рассмотренном разделе вопросы появляются гораздо чаще, чем в других разделах, причем самого разнообразного характера, и судить по этим вопросам о стиле газеты было бы крайне рискованно. Собственно говоря, сам раздел мог бы быть назван по сути «**Questions to the Editor**» («Editor», с одной стороны, и крайне разношерстная публика, с другой).

В «**Financial Times**» появляется время от времени *аналогичная полоса, которая в равной степени нерепрезентативна в указанном отношении* и которую мы игнорировали при подведении итогов сопоставления двух газет.

Как мы видим, вопросы часто выступают в роли заголовков, поэтому мы не могли не обратить внимание на тот *разительный контраст* между британской и американской газетами, который заключается в обычном соотношении заголовка и подзаголовка в *Financial Times*, когда заголовок призван выполнить *контактоустанавливающую* функцию между автором и читателем (своим странным, парадоксальным, загадочным содержанием), а подзаголовок дает краткую, но четкую информацию о содержании статьи; заголовки же в «**THE WALL STREET JOURNAL EUROPE**» по своему содержанию практически идентичны британским подзаголовкам, они всего лишь информативны и, как правило, подзаголовки отсутствуют. Что же касается вопросительных предложений, используемых в проминантных позициях в газетных статьях, то они зачастую могут выступать и в роли самостоятельных заголовков и подзаголовков, что дает возможность авторам статей привлекать внимание читателей.

К вопросу о переводе терминов гуманитарных наук

© кандидат филологических наук А. Г. Анисимова, 2002

Терминологии гуманитарных наук обнаруживают меньшую строгость и упорядоченность терминологических систем, а также зависимость от соответствующих идеологических концепций. В западной науке предлагаются несколько методов перевода терминов, которым присущи специфические коннотации соответствующего иностранного языка: использование функционального эквивалента, свойственного культурным и языковым традициям страны (*cultural/functional equivalent*); буквальный перевод каждого слова (*translating word by word*); заимствование оригинального термина языка-источника (*transcribing (i.e. borrowing the SL term)*); создание неологизма (*neologising*).

Российскими учеными выделяются следующие способы перевода терминов: беспереводное заимствование, калькирование, трансформационный перевод, описательный перевод/интерпретация.

В настоящей статье будут рассмотрены калькирование, трансформационный перевод и описательный перевод.

Метод калькирования обычно применяется при переводе сложных терминов или терминов-словосочетаний, когда обе (или более) части переводятся последовательно как, например, *shadow cabinet* — *теневой кабинет*; *brain drain* — *утечка мозгов*; *backbencher* — *заднекамеечник* и т.п.

Из приведенных примеров становится ясно, что применение этого метода возможно лишь тогда, когда внутренняя форма английского термина отчетливо ясна.

Однако именно в терминосистемах гуманитарных наук, внутренняя форма может быть обманчивой. Так, например, термин *trouble-shouter* (по аналогии с *trouble-maker*) может быть ошибочно понят и переведен как «истребитель беспорядков» — тем более, что его нетерминологическое значение в общелитературном языке таковым и является: *trouble-shouter* — *a person employed to discover and remove causes of trouble in machines, organizations, etc.* [Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition. — Longman, 1995; p. 1441]

Однако в журналистике данный термин имеет значение «разъездной корреспондент». Или, к примеру, искусствоведческий термин *breakfast piece*, внутренняя форма которого кажется предельно ясной.

Дефиниция этого термина такова: «Breakfast piece — a still life showing various items of food and drink, usually piled up in some disorder. The term is often reserved for Dutch 17th century paintings of this type, espe-

cially those of the Haarlem school» [Mayer Ralph. A Dictionary of Art and Techniques. — NY: Crowell, 1980, p.38].

Необходимо отметить, что большинство терминов гуманитарных наук были заимствованы из общелитературного языка, причем их значение сузилось по сравнению с семантическим объемом слов общелитературного языка, а дефиниции уточнились и детализировались. Однако существует ряд терминов (к ним принадлежат и термины, рассмотренные выше), которые также были заимствованы из общелитературного языка, но с течением времени полностью переосмыслились, приобрели совершенно новое значение, став «полноправными терминами, которые входят в «картину мира» профессионалов той или иной области знания.

Также вызывает затруднение поиск форм перевода префиксов *multi* и *pluri*, которые обычно не транслитерируются переводчиками, а переводятся соответственно *много-* или *разно-*. К сожалению, выбор варианта зачастую зависит от переводчика, от его предпочтений, т.к. в разных словарях предлагаются разные варианты перевода (единого закрепленного эквивалента не существует). Так, например:

multifarious — *разнообразный, многогранный;*

multiformity — *многообразие, разнообразие, полиморфизм;*

multilayer — *мультислой;*

multivalence — *многовалентность, поливалентность;*

pluripresence — *вездесущность;*

pluripotent — *плюрипотентный.*

Таким образом, значения префиксов *multi* и *pluri* хоть и схожи, но не одинаковы, как, впрочем, и соответствующие им приставки *много-* и *разно-*, которые имеют в русском языке сходный, но не одинаковый смысл.

Как уже отмечалось выше, даже при наличии «прозрачной» внутренней формы перевод терминологических словосочетаний может представлять известные трудности «вследствие тенденции английского языка к предельной краткости, подчас в ущерб ясности смысла» [Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Теория и методика учебного перевода. М., 1974. С. 100].

Так, например: «*bomb-sitter* — участник сидячей демонстрации/забастовки, направленной против атомной гонки вооружений» или «*one-man company* — компания, контрольный пакет акций которой принадлежит одному лицу».

Исходя из лексико-грамматических особенностей английского и русского языков, представляется возможным выявить определенные закономерности перевода терминологических словосочетаний. Общеизвестно, что для английского языка характерно атрибутивное употребление имен существительных, а в русском языке соотношение «признак-

предмет» передается с использованием других грамматических структур, а именно:

1. прилагательное/причастие + существительное.

Экономическая терминология:

government assets — государственные авуары;
merchant bank — торговый банк;
block policy — постоянный/генеральный полис;
capacity plan — грузовой план; *investment company* — инвестиционный банк.

(Большой англо-русский, русско-английский словарь по бизнесу. Издание второе. М., 1994).

2. существительное (именительный падеж) + существительное (родительный падеж).

Юридическая терминология:

loyalty check — проверка благонадежности;
alarm system — система сигнализации;
audio detector — датчик обнаружения звука;
response path — маршрут движения (оперативной группы);
liaison officer — офицер взаимодействия;
mob dispersion — разгон толпы.

(Англо-русский юридический словарь. М., 1994).

3. Существительное + предложный оборот.

Политическая терминология:

job bias — дискриминация в области труда;
poll tax — налог на избирателя;
strike ballot — голосование по вопросу объявления забастовки;
bomb trailer — платформа для транспортировки взрывных устройств;
bug detector — датчик для обнаружения подслушивающих устройств.

(Англо-русский политический словарь. М., 2000).

Подобно методу беспереводного заимствования (транскрипции и транслитерации) калькирование также не всегда раскрывает для читателя значение переводимого слова или словосочетания. Причина этого в том, что сложные и составные слова и устойчивые словосочетания, при переводе которых калькирование используется чаще всего, нередко имеют значение, не равное сумме значений их компонентов; значение всего лексического образования в целом может остаться нераскрытым.

Так, неподготовленному читателю слова «заднескамеечник» и «теневого кабинета» вряд ли скажут что-нибудь без развернутых пояснений.

Трансформационным перевод считается в том случае, когда имеет место изменение смысловой структуры английского слова или его внутренней формы:

Commonwealth Nation — страны содружества;
mail cover check — перлюстрация.

Последний пример иллюстрирует применение понятия «трансформационный перевод» в более широком смысле: русский и английский термины создавались (заимствовались и т.д.) независимо друг от друга и, следовательно, имеют исторически различную структуру и форму, а не из-за применения трансформационного перевода.

Сюда же следует отнести перевод, в основном политических, терминов с помощью подбора «аналога». Подыскивается ближайшее по значению монолексемное соответствие для термина иностранного языка, не имеющего в русском языке точных соответствий, а также для перевода английской безэквивалентной лексики в русском языке:

горсовет — *Municipal Council*;
райсовет — *Regional Council*;
know how — секреты производства.

Данный метод перевода особенно характерен для экономической терминологии, так как закрепившийся в русском языке термин имеет не менее устоявшийся в английском языке аналог:

agreement currency — международный клиринг;
dead line — предельный срок;
deferred charges — расходы будущих лет;
paper exchanges — девизы.

Описательный/интерпретирующий метод перевода представляет собой раскрытие значения термина при помощи развернутого определения/описания:

vindictive — (эк.) денежное возмещение в виде наказания ответчика;
landslide — (полит.) победа на выборах с большим перевесом голосов;
late duck — (полит.) человек, дорабатывающий последние дни на избранной должности; организация или правительство, срок полномочий которых скоро истекает; страна, утратившая свое бывшее влияние; банкрот; провалившийся на выборах кандидат; член конгресса, не избранный на новый срок, но еще имеющий право работать в конгрессе до конца сессии.

Нетрудно заметить, что описательный перевод, хотя он и раскрывает значение исходной безэквивалентной лексики, имеет тот серьезный недостаток, что он обычно оказывается весьма громоздким и неэкономным. Часто переводчики прибегают к сочетанию двух приемов транс-

крипции/калькирования и описательного перевода, давая последний в сноске.

Л и т е р а т у р а

1. *Борисенко И. И.* Русско-английский юридический словарь. М: Руссо, 2000.
2. *Федоров Б. Г.* Новый англо-русский банковский и экономический словарь. СПб.: Лимбус пресс, 2000
3. *Capela John J.* Dictionary of International Business Terms. N.Y.: Barren's, 1996.
4. A Dictionary of Law. Oxford University Press, Oxford, N.Y. 1997.
5. Dictionary of Arts and Crafts. London, 1983

ЛИНГВОПОЭТИКА

Несколько слов о соотношении синтаксического облика художественного произведения и характере его стиля

© кандидат филологических наук Н.В. Митева, 2002

Непрерывно возрастающий в наше время интерес к синтаксису художественных произведений имеет свое особое и вполне закономерное основание. Дело в том, что ключ к пониманию специфики слога писателя прежде всего в синтаксисе, ибо это категория преимущественно структурно-синтаксическая. Как известно, все художественные компоненты произведения, начиная от строения сюжета и кончая отбором лексики, находятся на службе у ведущей идеи, у художественного замысла произведения.

Однако, отмечая, что лексика, строй предложения и т.д. участвуют в создании выразительной ткани произведения, мы отнюдь не считаем, что они участвуют в ее создании одинаково и всегда в равной степени. Более того: уже заранее можно сказать, что формирование языка и слога писателя осуществляется обычно в русле тех языково-стилистических традиций данного национального языка, которые сложились во время появления его произведений. Итак, отбор конструкций, их организация, расположение и объединение в сложные целые — словом, вся словесная композиция данного произведения находится в прямой зависимости от своеобразия индивидуального синтаксиса каждого писателя, что, в свою очередь, подчиняется общим стилистическим и литературным нормам данного национального языка.

В силу этого складываются языково-стилистические традиции, отличающиеся известной устойчивостью и продолжительностью существования, в практику творческой деятельности писателей входит предметность в отношении подбора и приемов употребления синтаксических конструкций, как и других речевых средств. Избранный автором жанр литературы, описываемая эпоха, идейное содержание, образная система, а также события, типы и ситуации — все это предполагает известную общность подбора и применения средств языка.

Вопрос о соотношении между синтаксическим обликом художественной прозы и характером ее стиля чрезвычайно важен. Без обращения к этому вопросу нельзя установить конкретно языковое — а, следовательно, стилистическое — своеобразие отдельных писателей и целых литературных направлений. Структура предложения внутри художест-

венной прозы небезразлична к мироотношению, к общей жизненной установке, также как и к эстетическим задачам писателя.

Предложение отражает существенные черты того восприятия действительности, которое находит свое выражение в данном произведении. Как справедливо указывает в своих «Главах из чешской поэтики» проф. Я. Мукаржовский, «предложение есть не только синтаксическая форма и мелодическая формула, но это также, и это самое главное, есть способ мышления, способ выражения отношения к действительности». Структура отдельного предложения и целого комплекса выражает, следовательно, способ охвата и, более того, в широком смысле слова интерпретации писателем окружающего мира.

В особенности здесь большое значение имеет облик персонажей и характер социальной действительности, изображенной в художественной прозе. Характер восприятия мира персонажами нередко находит свое косвенное отражение в авторской и несобственной прямой речи. Синтаксис при этом реагирует на различные тональности и различную степень конкретности и абстрактности мировосприятия и даже просто описания явлений весьма тонко и не менее разнообразно, чем лексика. При учете всей сложности описываемых явлений, и в особенности поочередно каких-либо отдельных его сторон, появляется предложение, построенное иногда в форме сентенции или какого-либо обобщения. При этом иногда наблюдаются изменения в самом характере синтаксических построений — предложения в значительной мере становятся паратактическими, логические связи отходят на второй план. А в некоторых случаях стремление к концентрации, выражению сути в малом отрезке текста, даже, казалось бы, самые интересные подробности оказываются опущенными. В выборе тех или иных форм организации предложения писатель может руководствоваться самыми различными мотивами — характером изображаемого объекта, эмоционально-ритмическими заданиями, существующей традицией, жанровыми закономерностями и т.д.

Реалистические принципы стиля проявляются у английских писателей в их стремлении обогатить свой язык живыми разговорными интонациями как в речи персонажей, так и в авторской речи. Одним из приемов, передающих эти интонации, является использование комментирующих предложений как типичной синтаксической структуры разговорной речи. Из богатого арсенала структурно-семантических типов присоединительных конструкций каждый автор берет те, которые наиболее соответствуют его изобразительной системе. Кроме того, являясь средством художественно-изобразительной экспрессии, комментирующие предложения выполняют по замыслу автора стилистические задания. Эмоциональная насыщенность художественной прозы, иногда

выражающаяся в склонности к эллипсам, также тяготеет к необозримым периодам, к цепочкам бесконечных присоединений. В последних значительную роль играют нарастание, эмоционально окрашенные перечисления и др.

Стилистический прием всегда является реализацией потенциальных возможностей общенародного языка. Возможности стилистического употребления фактов языка практически безграничны, но стилистическим приемом следует считать те из них, которые на основе единства своих функций предстают в обобщенном и типизированном виде. Возникает вопрос о соотношении общего и индивидуального в стилистическом приеме. Подвергаясь специальной литературной обработке, стилистический прием с точки зрения его конкретной реализации носит сугубо индивидуальный характер. Индивидуальность стилистического приема, неповторимость его речевого использования послужили, очевидно, основанием для того, чтобы рассматривать стилистический прием как отклонение от нормы языка. Приняв эту точку зрения, следовало бы признать также, что язык художественной литературы, в недрах которой зарождаются стилистические приемы, противопоставлен общенародному языку. В то время как язык художественного произведения не только не противопоставлен общенародному языку, но основывается на нем и вне его не может существовать. Стилистический прием, как известно, выделяется и тем самым противопоставляется выразительному средству сознательной литературной обработкой языкового факта. Понимание стилистического приема одновременно и как творение своеобразной творческой индивидуальности и как закономерного явления системы языка трудно, но необходимо. Использование приемов синтаксической связи, типичных для живой разговорной речи (пропуск отдельных частей высказывания) в языке художественной литературы, условно рассматривается как отклонение от норм письменной речи. Такое отклонение должно быть обусловлено смысловым заданием высказывания. Эти отклонения видоизменяют характер отношения между частями высказывания, не нарушая грамматического значения синтаксических связей.

Таким образом, индивидуальное в стилистическом приеме нельзя рассматривать как отклонение от общего, закономерного в языке. Это скорей всего своеобразное преломление индивидуальных особенностей стилистического приема сквозь категорию общего. Индивидуальное в использовании стилистического приема может проявляться в различной реализации конкретного содержания в модификациях моделей стилистического приема. Именно поэтому возможно выделение структурных и семантических типов того или иного стилистического приема, построение его модели. Каждый стилистический прием может рассматри-

ваться на 2-х уровнях: на уровне структуры языка и на уровне отдельного сообщения. На структурном уровне стилистический прием рассматривается как тип сообщения, в котором анализируются лишь обобщенные, типизированные качества стилистического приема. Выявление закономерностей в структурной и семантической организации стилистического приема, т.е. построение его модели, по нашему мнению, входит в задачу лингвистической стилистики. На уровне индивидуального сообщения на основе выявленных обобщенных типизированных качеств изучаются индивидуальные, неповторимые свойства стилистического приема, т.е. анализу подвергается конкретное применение стилистического приема, что входит в задачу стилистики литературоведческой.

В заключение можно сказать, что стилистический прием, являясь средством выразительности высказывания, бытует, главным образом, в стиле художественной речи. Однако было бы ошибочным считать, что этим ограничивается сфера применения стилистического приема.

Л и т е р а т у р а

1. *Гальперин И.П.* Очерки по стилистике английского языка. М. 1971.
2. *Mukařovský J.* Kapitoly z české poetiky. II. Praha. 1948.

К вопросу об элементе живописи в прозе М.Ю. Лермонтова (на примере романа «Вадим»)

© кандидат филологических наук Г. В. Москвин, 2002

К 1832-33 годам, когда Лермонтов, как предполагается, начал работать над «Вадимом» [Андроников: 96-97; Лермонтов: 636], романтическая «теория живописного» получила художественное воплощение в западноевропейской литературе, главным образом во французской. «Pittoresque» в художественной манере В. Гюго, А. де Виньи и других авторов выразило «стремление к конкретным образам, протест против сухого аллегоризма описаний 18-го века, а с другой стороны и протест против фотографичности» [Родзевич: 26]. С точки зрения Ш. О. Сен-Бева («Poesie, vie et pensees de L. Delorme», 1829), «не “описания” природы, а ее картины должны занимать писателя» [Родзевич: 26-27].

Манера «pittoresque» в «Вадиме» проявляется уже в первом абзаце: «лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи», «длинные, черные мантии с шорохом обметали пыль», «трепещущий огонь свечей казался тусклым и красным». В вариантах автографа заметно намерение придать образам еще большую осязаемость: вместо «лиловые облака» было «лиловые тучи», вместо «красные лучи» – «красные полосы», черный цвет был дополнительно акцентирован словосочетанием «черные клобуки» [Лермонтов: 477].

На протяжении всего текста обнаруживается авторская установка писать «картинами»: «У ворот монастырских была другая картина», «...эту картину можно бы назвать рисованной программой», «...одна такая рука могла бы быть целою картиной!», «Имея эту картину пред глазами, вы без труда могли бы разобрать каждую часть ее», «...картина была ужасная, отвратительная...» и т.п. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что слово «картина» появляется в тексте, как правило, не в связи с пейзажными описаниями, оно чаще всего сопровождает портрет и массовые сцены. Отмеченное наблюдение наводит на мысль, что картинность изображения призвана выделить в тексте наиболее содержательные в идейном отношении сюжетные эпизоды.

В согласии с повествовательным стилем времени лермонтовское повествование в «Вадиме» изобилует обращениями к читателю. Может возникнуть впечатление, что Лермонтов не полагается на самостоятельность своих описаний – он побуждает читателя к активности, т.е. стремится заставить его воображать, видеть написанное. Однако это не вполне так, поскольку в большинстве случаев обращения к читателю не связаны с созданием картины: если они помогают организовать повест-

вание, то их роль становится «технической». Например: «Я попрошу своего или своих любезных читателей перенестись воображением в ту малую лесную деревушку...» (здесь обращение призвано привлечь внимание читателя к смене места действия) или «Вы можете вообразить, что он не спал...» (внимание читателя концентрируется на внутреннем состоянии героя). Только в двух случаях призывы к читателю предваряют портретные характеристики. Примечательно, что оба описываемых персонажа являются, пожалуй, единственными безусловно отрицательными героями в романе, более того, они представляют собой верхнюю и нижнюю границы спектра ненависти Вадима. Первый из них Борис Петрович Палицын – средоточие мести героя:

Представьте себе мужчину лет 50, высокого, еще здорового, но с седыми волосами и потухшим взором, одетого в синее полукафтанье с аннским крестом в петлице; ноги его, запрятанные в огромные сапоги, производили неприятный звук, ступая на пыльные камни; он шел с важностью размахивая руками и наморщивал высокий лоб всякий раз, как докучливые нищие обступали его.

Во втором случае – «отвратительное зрелище представилось его <Вадима> глазами» – дается портрет нищенки. После довольно подробного описания ее омерзительных черт автор замечает, что они «еще ничего не значили в сравнении с глазами нищенки», и фокусирует на них внимание читателя.

...вообразите два серые кружка, прыгающие в узких щелях, обведенных красными каймами; ни ресниц, ни бровей!.. и при всем этом взгляд, тяготеющий на поверхности души; производящий во всех чувствах болезненное сжатие!.. Вадим не был суевер, но волосы у него встали дыбом. Он в один миг прочел в ее чертах целую повесть разврата и преступлений...

Такая выделенность (с помощью обращений к читателю) Палицына и нищенки может и не быть преднамеренной, но она симптоматична. Палицын находится на высшей социальной ступени в системе персонажей романа, нищенка представлена как низший социальный и человеческий тип. Вероятно, Лермонтову нужно, чтобы эти два персонажа были увиденны и поняты читателем такими, какими он их видит сам, чтобы через портрет и поведение было передано его чувство. Отсюда и призыв: посмотрите на них и вы поймете, в каком мире осуществляется страдание Вадима. Оба образа связывает сюжетная и идейная нить: нищенка появляется сразу после того, как он, по сути, отдал распоряжение о казни семейства Палицына, застав в его имение казака Белобородку с людьми, и тут же сомнение и горькое прозрение посетили героя:

... а теперь?.. имея в виду одну цель – смерть трех человек, из коих только один виновен, теперь он со всем своим гением должен потонуть

в пучине неизвестности ... ужели он родился только для их казни!.. разобрав эти мысли, он так мал сделался в собственных глазах, что готов был бы в один миг уничтожить плоды многих лет; и презрение к самому себе, горькое презрение обвилось как змея вокруг его сердца и вокруг вселенной, потому что для Вадима все заключалось в его сердце!

Омерзение, вызванное видом нищенки, останавливает порыв Вадима отказаться от планов мести: он совершает нечаянное убийство, «с досады» толкнув нищенку в грудь, и эта нелепая смерть, причиной которой он стал, увлекает его на оставленный было путь мщения. Следует прокомментировать идейную мотивировку действий героя (как его поступка с нищенкой, так и дальнейших): Вадим близок к тому, чтобы отказаться от мести, уничтожив «плоды многих лет», но вид и поведение нищенки обнаруживают для него греховную мерзость этого мира – так, читая «в ее чертах целую повесть разврата и преступлений», он «не встретил ничего похожего на раскаянье». Автор пишет, что Вадим «отгадал правду: есть существа, которые на высшей степени несчастья так умеют обрубить, обточить свою бедственную душу, что она теряет все способности кроме первой и последней: жить!» Неудивительно, что, отгадав такую правду, герой не щадит жизни. С этого эпизода потребность в преодолении противоречия между сердцем и душой человека определяет развитие основной нравственно-философской темы незаконченного романа, в рамках которой должен был, вероятно, изменяться преступный и страдающий герой. Поэтому и было необходимо Лермонтову наглядно живописать персонажей ненавистного Вадиму мира, создавая тем самым возможность для читателя разделить чувство героя.

Интересно, что сам автор, вольно или невольно, в пассаже, предшествующем встрече с нищенкой, указывает на дихотомический принцип изобразительной манеры своего повествования:

Теряясь в таких мыслях, он сбился с дороги и (был ли то случай) неприметно подъехал к тому самому монастырю, где в первый раз, прикрытый нищенским рубищем, пламенный обожатель собственной страсти, он предложил свои услуги Борису Петровичу... о, тот вечер неизгладимо остался в его памяти, со всеми своими красками земными и небесными, как пестрый мотылек, утонувший в янтаре.

Для изображения земного и небесного автор использует разные краски: для мира страстей сердца человеческого они должны быть осязательными, наглядными, «тяжелыми», для изображения душевных проявлений – «краски воздушные, солнечные» [Анненский: 247]. Сравнение памятного вечера с «пестрым мотыльком, утонувшем в янтаре», с первого впечатления удивляющее, является попыткой создать образ, с одной стороны емкий, т.е. вбирающий в себя события, описания, чувства и мысли героя в тот вечер, с другой же – единичный и конкретный,

предъявленный читателю как живописная миниатюра, сотворенная природой. Этот образ должен запечатлеть тот вечер во времени, красках и передать мысль о плене души Вадима.

Следующей особенностью изобразительной манеры Лермонтова в «Вадиме» является стремление «остановить движение времени» для портретных характеристик или акцентировки положения героев в той или иной сцене. Так, например, портрету, рассказу о мыслях и владевшей Вадимом страсти предпосылается фраза: «В толпе нищих был один – он не вмешивался в разговор их и *неподвижно* <курсив мой – Г.М.> смотрел на расписанные святые врата». Можно привести другой яркий пример остановленного тока времени: «Между тем горбатый нищий молча приблизился и устремил яркие черные глаза на великодушного господина; этот взор был *остановившаяся молния*» <курсив мой – Г.М.>. В последнем примере заметна и установка на сценичность повествовательной манеры в «Вадиме», вполне понятная, если учесть взаимопроникающие жанрово-стилевые потоки в творчестве Лермонтова.

Показательны для становления поэтики прозы Лермонтова способы пейзажных описаний в «Вадиме», и в этом отношении наиболее интересным является первое из них: описание вида, открывающегося из дома Палицына. При внимательном чтении возникает впечатление, что автор не столько описывает непосредственно наблюдаемую местность, а заполняет пространство на пустом холсте, подобно живописцу, – другими словами, здесь совмещаются изобразительные принципы двух видов искусства, живописи и литературы. Описание начинается с точки, где как бы установлен воображаемый мольберт: «Дом Бориса Петровича стоял на берегу Суры, на высокой горе». Взгляд художника не переносится сразу на Суру, а пространство между ними заполняется следующей фразой: «...на высокой горе, кончающейся к реке обрывом глинистого цвета». Далее природная основа картины «заселяется» человеком с неизменными атрибутами его жизни: «... кругом двора и вдоль по берегу построены избы, дымные, черные, наклоненные, вытягивающиеся в две линии по краям дороги, как нищие, кланяющиеся прохожим». Заслуживают внимания не только емкость и насыщенность описания, но и последовательность создания живописных образов. Так, помимо пространственной протяженности («кругом двора и вдоль по берегу»), можно заметить и дополнительный эффект, акцентирующий социальный контраст (двор, окружающий дом на высокой горе, и «избы, черные, дымные, наклоненные»). Тут же, словно под кистью художника, возникает образ дороги: «... избы <...>, вытягивающиеся в две линии по краям дороги». Конкретная изобразительная деталь («избы, дымные, черные, наклоненные») получает собственно литературное

распространение: «как нищие, кланяющиеся прохожим», придающее особую материальную выразительность этому фрагменту картины и настроение скорбной жизни.

Продолжение пейзажа выполнено в той же манере, т.е. оставшееся на «холсте» пространство заполняется последовательно вдаль и в стороны по всему видимому спектру с учетом живописной перспективы: «...по ту сторону реки видны в отдалении березовые рощи и еще далее лесистые холмы с чернеющимися елями, налево низкий берег, усыпанный кустарником, тянется гладкою покатостью – и далеко, далеко синеют холмы как волны». Примечательно, что картина не имеет завершения в зрительном восприятии: синеющие «холмы-волны» распространяются в глубину ее художественного мира. Следует отметить и то, что по завершении описания повествователь возвращается к дому, т.е. к месту, откуда оно разворачивается, и тогда выясняется, кто был постоянным созерцателем этой картины: «Вокруг старинного дома обходит деревянная резной работы голодарейка, служащая вместо балкона; здесь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синие странствующие воды и барки с белыми парусами и разноцветными флюгерями». Таким образом, «со-творцами» пейзажа являются автор и героиня, живописец и созерцатель.

Приведенный пейзаж содержит элементы, свидетельствующие об установке автора на «панорамность» описания: «кругом», «вдоль», «по ту сторону», «в отдалении», «еще далее», «налево», «далеко, далеко». Стремление к объемному изображению связано, как представляется, с потребностью синтезировать живописные и литературные приемы, т.е. видимую конкретность живописного вида компенсировать «вездесущностью» литературного описания. Подтверждением отмеченной установки служит сочинение Лермонтова «Панорама Москвы», написанное в Школе гвардейских подпрапорщиков и датированное 1834 г., в котором автор ставит цель «окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец». Структура вида Москвы в сочинении охватывает все стороны света, в ней учитываются и глубина вида, и объемность. Вот основные вводные пространственные ориентиры описания: «На север перед вами, в самом отдалении на краю синего небосклона», «Ближе к центру города...», «Еще ближе, на широкой площади...», «На восток картина еще богаче и разнообразнее», «Вправо от Василия Блаженного...», «К югу, под горой...», «На западе, за длинной башней...». Совершив круг, описание возвращается в Кремль, к месту, откуда оно началось.

Давно замечено, что «Панорама Москвы» по замыслу и конструктивным идеям сближается с главой «Париж с птичьего полета» из романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери» [Лермонтов: 673]. Влияние

отмеченной главы на «Панораму Москвы» едва ли можно оспорить, мы же считаем необходимым отметить и возможные источники влияния в отечественной журналистике и литературе. К примеру, в «Московском телеграфе» за 1830 г. была помещена статья «Панорама Москвы», что могло быть отмечено в творческом сознании Лермонтова и сказаться на идее его сочинения. Что же касается литературных источников, то следует указать на уже наметившуюся традицию «панорамности» описаний в художественной прозе. Приведем пример из «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина:

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодотворнейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалье, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим [Карамзин].

Близость описаний у Карамзина и Лермонтова очевидна, что может свидетельствовать и о прямом влиянии первого, и об опосредованном, т.е. через формирующуюся традицию в русской литературе. Обратим внимание, что в тексте «Бедной Лизы» «синятся Воробьевы горы», в «Вадиме» же «синиют холмы как волны». Примеров того, как синиет морской горизонт, в литературе не счесть, поскольку это естественная деталь в пейзажных описаниях. У Карамзина Воробьевы горы растворяются в синем небе, что тоже имеет естественные основания. Здесь открывается весьма продуктивная тема в литературе, связанная со сложным комплексом психологических состояний героев, религиозных переживаний и философских идей, – сочетание земных возвышенностей, высоты, неба, синевы и вдохновенного Богом духа человеческого. Вспомним экспозицию в «Княжне Мери»: «На запад пятиглавый Бешту синиет...» Сравнение «синиют холмы как волны» вовсе не обяза-

тельно восходит непосредственно к Карамзину – холмы в лермонтовском пейзаже виднеются на горизонте, где сливаются земля и небо, и здесь степень естественности возникновения образа выше, чем у Карамзина. Между тем настойчивость, наблюдаемая в уподоблении холмов волнам, симптоматична (можно же было написать, что холмы синеют на горизонте). В этой связи уместно вспомнить стихотворение «На холмах Грузии» А. С. Пушкина, в котором холмы, ток Арагвы «волны» посылаемого к любимой чувства («Печаль моя полна тобою, / Тобой, одной тобой...») слиты в идее осуществляющегося общего бытия.

Особый интерес для рассматриваемого в статье вопроса представляют те портреты (одиночные и групповые), зарисовки массовых сцен, ценность которых состоит, прежде всего, в том, что они призваны, как проясняется из развертывающегося замысла автора, выразить основные структурные идеи романа. Каждый из упомянутых художественных фрагментов так или иначе связан с живописью как видом искусства. Любопытно, что обложка тетради, в которой была обнаружена рукопись «Вадима», вся заполнена рисунками лиц, фигур, силуэтов, сценок. Прямое отношения этих рисунков к сюжету романа установить нельзя, но нет сомнения, что по ним можно судить о той творческой атмосфере, в которой создавалось произведение. Калейдоскопичность этого своеобразного полотна наводит на мысль о синхронном существовании в его сознании идей и впечатлений в потоке окружающей и чувствуемой художником жизни. Можно предположить, что сюжет и мысль «Вадима» имеют одним из источников как эти, так и другие, соотносимые с творческим процессом создания романа, зарисовки.

«Излюбленным приемом, к которому обращается Лермонтов для создания живописного фона герою и действию, является использование эффектов освещения, в особенности же резкой рембрандтовкой светотени <...> “рембрандтовкое” освещение, полное мрака, тайны, неуловимого, загадочного брожения...» – так пишет исследователь об изобразительной манере в «Вадиме» [Михайлова: 125-126]. Признавая справедливость этого наблюдения, сделаем несколько дополнительных замечаний. Во-первых, «рембрандтовские светотени и освещение» распространяются не на все описательные фрагменты произведения, а преимущественно на отмеченные нами выше. Во-вторых, их подбор указывает на известную системность в манифестации основных идей романа, которые «фиксируются» благодаря использованию средств живописи. В третьих, надо отметить жанровое разнообразие этих зарисовок, а потому и более широкий спектр стилевых приемов, чем рембрандтовская манера письма.

Анализ отмеченных зарисовок позволяет уточнить идейную структуру незавершенного романа и перспективу ее развития. Обычно образ

Вадима полагается в один уровень с другими персонажами. Например, одной из традиционных интерпретаций образов Вадима и Ольги в их идейном соотношении является указание на парадигму «демонское – ангельское». Такой подход правомерен, он отражает романтическую традицию в литературе, в значительной мере проявившуюся в «Вадиме», а также и известную инерцию в литературоведении. Последнее замечание связано с необходимостью усматривать, помимо очевидной стилевой зависимости «Вадима», видеть и новаторство, пусть начинающего, прозаика. Взгляд «по горизонтали» (Вадим – Ольга, Вадим – Палицын, Вадим – Юрий, Вадим – нищие, Вадим – пугачевцы, Вадим – прихожане, Вадим – крестьяне и пр.), когда главный герой рассматривается в ряду остальных действующих лиц, имеет глубокие художественные основания, если концепция художественного мира в произведении представлена в отношении «автор и создаваемая им действительность». В «Вадиме» структура художественного мира иная: «автор – герой – протагонист – действительность». Речь идет здесь не столько об иерархии художественных пластов романа, сколько об особой роли протагониста. На образе Вадима лежит двойная нагрузка: с одной стороны, он действует, как и все, в романе, с другой – в этом образе типологизируется авторское мироотношение – процесс, в котором поиск нового героя совмещен с личностным и творческим формированием самого Лермонтова. Вот почему «все отдельные “составляющие” образа были традиционными, даже банальными, а сам образ как целое – беспрецедентным, ни на что не похожим» [Маркович: 138].

Сказанное выше можно аргументировать тем, что в живописных зарисовках, нюансирующих идейную структуру романа, Вадим оказывается не в фокусе изображения, а *созерцателем* «картин». В их число входят упоминания об изображении дьявола и лика Спасителя, сопровождаемые комментариями, отмечающими этап и характер миропонимания героя, смена его состояний. Так, в начале романа «нищий стоял сложа руки и рассматривал дьявола, изображенного поблекшими красками на св. вратах, и внутренне сожалел об нем...». В церкви, непосредственно перед началом бунта, Вадим оказывается наблюдателем следующей картины:

Направо, между царскими и боковыми дверьми, был нерукотворный образ Спасителя, удивительной величины; позолоченный оклад, искусно выделанный, сиял как жар, и множество свечей, расставленных на висящем паникадиле, кидали красноватые лучи на возвышающиеся части мелкой резьбы, или на круглые складки одежды; перед самым образом стояла железная кружка, – это была милость у ног Спасителя, – и над ней внизу образа было написано крупными, выпуклыми буквами: *приидите ко мне вси труждающиеся и аз успокою вы!*

Между приведенным и другим эпизодом, в котором взгляд Вадима вторично обращается на образ Спасителя, располагаются две сцены: богатая женщина отталкивает крестьянку с грудным младенцем перед образом и Вадим видит Ольгу, чьи глаза «были устремлены на лик Спасителя». Эти сцены определяют смену в состоянии Вадима:

С горькой, горькой улыбкой Вадим вторично прочел под образом Спасителя известный стих: приходите ко мне вси труждающиеся и аз успокою вы! Что делать! – он верил в Бога – но также и в дьявола!

Ангельское и человеческое, вариации этой темы получают выражение в созерцаниях Вадимом Ольги. Вначале образ девушки предстает как ассоциированный с ангелом:

Это был ангел, изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве. – Сальная свеча, горящая на столе, озаряла ее невинный открытый лоб и одну щеку, на которой, пристально глядяваясь, можно было бы различить мелкий золотой пушок; остальная часть лица ее была покрыта густой тенью; и только когда она поднимала большие глаза свои, то иногда две искры света отделялись в темноте; это лицо было одно из тех, какие мы видим во сне редко, а наяву почти никогда. – Ее грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь в свою работу, и длинные космы волос вырывались из-за ушей и падали на глаза; тогда выходила на свет белая рука с продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть целю картиной!

После рассказа Вадима о трагической судьбе их отца, доведенного до нищеты и смерти в тяжбе с Палицыным, ангельская чистота образа Ольги смущается мотивами бунта и мщенья, что проявляется в ее изображении:

...перед иконой Богоматери упала Ольга на колени, спина и плечи ее отделяемы были бледнеющим светом зари от темных стен; а красноватый блеск дрожащей лампы озарял ее лицо, вдохновенное, прекрасное, слишком прекрасное для чувств, которые бунтовали в груди ее; Вадим не сводил глаз с этого неземного существа, как будто был счастлив.

В церкви Ольга молит о спасении, это молитва девушки, в которой земная любовь заслонила «великую душу» (в сцене, когда Вадим рассказывает Ольге историю их отца, автор обмолвился, что «великие души понимают друг друга»), поэтому ее молитва – просьба о земном:

Не заметив брата, Ольга тихо стала перед образом, бледна и прекрасна; она была одета в черную бархатную шубейку, как в тот роковой вечер, когда Вадим ей открыл свою тайну; большие глаза ее были устремлены на лик Спасителя, это была ее единственная молитва, и если б Бог был человек, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно.

И, наконец, последнее изображение Ольги, уже «погибшей и грешной», после чего тема «ангельское – земное» в этом образе не развивается:

Неподвижно сидела Ольга, на лице ее была печать безмолвного отчаяния, и глаза изливали какой-то однообразный, холодный луч, и сжатые губки казались растянуты постоянной улыбкой, но в этой улыбке дышал упрек провидению <...> Вадим стоял перед ней, как Мефистофель перед погибшею Маргаритой, с язвительным выражением очей, как раскаяние перед душою грешника...»

К рассматриваемому типу изображений можно отнести и следующее:

...у стены едва можно было различить бледное лицо старого схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, если б голова порою не наклонялась и не шевелились губы; черная мантия и клобук увеличивали его бледность, и руки, сложенные на груди крестом, подобились тем двум костям, которые обыкновенно рисуются под адамовой головой.

В приведенном пассаже получает развитие идея о нераздельности в человеке греха и потребности очищения, высказанная еще на первых страницах романа («...одинокий монастырь, неподвижный памятник слабости некоторых людей, которые не понимали, что где скрывается добродетель, там может скрываться и преступление»). Образ схимника предваряет описания толпы в церкви (в особенности «между столбами и против царских дверей»), буйной толпы народа перед монастырскими воротами и нищих в их иступленной радости и бесновании.

Поближе, между столбами и против царских дверей пестрела толпа. Перед Вадимом было волнующееся море голов, и он с возвышения свободно мог рассматривать каждую; тут мелькали уродливые лица, как странные китайские тени, которые поражали слиянием скотского с человеческим, уродливые черты, которых отвратительность определить невозможно было, но при взгляде на них рождались горькие мысли; тут являлись старые головы, исчерченные морщинами, красные, хранящие столько смешанных следов страстей унижительных и благородных, что сообразить их было бы трудней, чем исчислить...

<...>

Между тем перед воротами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-где показывались казацкие шапки, блистали копыя и ружья; часто от общего ропота отделялись грозные речи, дышащие мятежом и убийством, – часто раздавались отрывистые песни и пьяный хохот, которые не предвещали ничего доброго, потому что веселость толпы в такую минуту – поцелуй Иуды! <...> картина была ужасная, отвратительная... но взор хладнокровного наблюдателя мог бы ею насытиться вполне; тут он понял бы, что такое народ...

Последовательность этих сцен показывает, как распространяются в мир высвобожденные пороки и преступления человеческие. Обратим внимание, что с каждым следующим описанием автор стремится к большей наглядности, «картинности» сцен, к большей акцентировке отношения «созерцающий – картина» (в первой сцене «он с возвышения свободно мог рассматривать...»), во второй сцене появляется «взор хладнокровного наблюдателя», в третьей – «неизвестный живописец», вынесший «на первый план картины» беснующихся нищих). Изображение нищих становится как кульминацией развития темы «божественное и сатанинское в человеке», так и переломным моментом в сюжете, после чего личный конфликт уступает свою доминирующую роль конфликту общественному. «Расколотовость» двух мощнейших сюжетоорганизующих ситуаций вызвала, как следствие, невозможность завершения романа.

Применение приемов живописи в «Вадиме» отражает процесс формирования стиля Лермонтова как прозаика. Это многофакторное художественное явление, включающее в себя и естественное для молодого писателя стремление к максимальной выразительности и зрительности в описательных контекстах, и влияния романтизма, и современных веяний в литературе. Несовершенство личной творческой манеры письма часто предполагает компенсацию за счет «заемных» средств, вместе с тем можно говорить и о потребности Лермонтова в раскрытии возможностей слова как средства пластичного изображения мира. Однако в любом случае приемы живописи на раннем этапе прозы Лермонтова – не самоцель и не эстетический эксперимент. В применении этих приемов обнаруживается системность и функциональная значимость – жанровая, сюжетно-композиционная и идейная.

Л и т е р а т у р а

1. Андроников И.Л. Исторические источники «Вадима». //Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964.
2. Анненский Ин. Об эстетическом отношении Лермонтова к природе. Вторая книга отражений. М., 1979.
3. Карамзин. Н.М. Избранные сочинения. Т.1. М.-Л.,1964.
4. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 6 т. Т.6 М.-Л., 1957.
5. Маркович В.М. О значении незавершенности в прозе Лермонтова. // Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. СПб. 1997.
6. Михайлова Е.Н. Проза Лермонтова. М., 1957.

Английские современники А. П. Чехова о его творчестве

© доктор филологических наук М. В. Давыдов, В. М. Давыдов, 2002

Англия познакомилась с творчеством А. П. Чехова гораздо позже, чем другие страны Европы. Если во Франции и Германии он уже был хорошо известен широкому кругу читателей, то в Англии знакомство с Чеховым по сути началось с изданием рассказов Чехова на английском языке Р. Е. К. Лонгом (1). В 1903 году был напечатан первый сборник рассказов, а в 1908 — второй. Оба сборника были тепло приняты английскими читателями, которым уже были известны произведения Толстого, Тургенева и Достоевского. В 1912 году англичане познакомились и с драматургией Чехова, которая произвела на них не менее благоприятное впечатление. Разумеется не все зрители реагировали положительно на постановки Чехова, некоторым они казались просто непонятными, бессюжетными, но образованная публика воспринимала их с большим интересом. Достаточно сказать, что спектакль «Вишневый сад», в котором роль Трофимова исполнял известный английский актер Джон Гилгуд, выдержал более ста пятидесяти представлений подряд.

В настоящей статье нашей целью является сопоставление точек зрения английских писателей-драматургов — современников Чехова — о разных аспектах его творчества, причем, мы естественно, опираемся и на отечественную литературную критику.

При оценке различных точек зрения англичан по тем или иным вопросам творчества Чехова необходимо учесть, что в английской литературе требование глубокого познания человека и поиска новых форм в 20-е годы вылилось в появление антиреалистического течения «**неопсихологизма**». Среди писателей и критиков входивших в группу «Блумсберри» (Вирджиния Вульф, Дезмонд Маккарти, У. Джехарди и др.) произведениям Чехова уделялось достаточно много места, поскольку они считали, что он разделяет их взгляды.

Остановимся прежде всего на вопросе о **тематике** рассказов А. П. Чехова. Дезмонд Маккарти (2) писал: «Чехов идет по стопам Тургенева: *его излюбленная тема — разочарование...* *«Но ведь и наша жизнь, если присмотреться к ней пристальнее, — это жизнь мухи, попавшей в ловушку ... Это тема, которая не может устареть»* (эмфаза наша — М. Д., В. Д.).

И вместе с тем Д. Маккарти пишет: «Чехов создает произведения искусства, которые волнуют нас и возвышают, как если бы это была прекрасная музыка. Мы выходим из театра после «Трех сестер» не с чувством уныния но с надеждой для человечества.

...Бывали драматурги, у которых репертуар был шире, а приемы выразительней, чем у Чехова, но *никто еще не подходил к оценке человеческого характера с таким тонким чувством справедливости*» (эмфаза наша).

Уже в этой оценке мы замечаем определенное противоречие: «разочарование» — «надежда». Да и вряд ли, если Чехов обладал «тонким чувством справедливости» (а он им действительно обладал) именно «разочарование» (хотя это повторяют и некоторые другие английские писатели) было главной темой Чехова.

Правда, Джордж Колдерон (3) считал, что Чехов — *«пессимист по натуре»* и именно это является источником его иронии. *«Разочарование — вот его основная тема»*, утверждает Дж. Колдерон. «Поведение действующих лиц, их переживания рассчитаны вовсе не на то, чтобы мы вместе с ними огорчались или радовались. Их судьбы возбуждают в нас смех и жалость тем преувеличенным значением, которое они сами приписывают тому, что с ними происходит».

Другими словами, А. П. Чехов стоит не только над своими персонажами, но над людьми вообще. Более того, Колдерон заостряет пессимизм Чехова, утверждая, что «если у Чехова нет злодеев, то у него нет и героев. Он не побуждает вас встать на ту или другую сторону. Все его персонажи, даже тогда, когда они находятся в разных лагерях, выступают против общего врага — Жизни». Таким образом, получается, что *Чехов не просто пессимист, а ненавистник Жизни и людей*.

Но был ли А. П. Чехов пессимистом от природы? Биографические данные не дают никаких оснований для подобных утверждений. Так, например, в предисловии к «Избранным произведениям А. П. Чехова» (4) С. П. Злобин пишет: «Для чуткого, вдумчивого, живого и наблюдательного мальчика каким рос Антон Павлович, детство и юность были богатой копилкой жизненного опыта...» (стр. 6) и далее — «общительный, остроумный и веселый, жизнерадостный Антон Павлович быстро обогатился в Москве знакомствами среди студентов, художников, молодых литераторов (эмфаза наша)», и высказываний такого рода можно привести сколько угодно.

Разумеется, вопрос о пессимизме не мог не интересовать А. П. Чехова, но только как литератора, описывающего соответствующее состояние. Но даже здесь необходима определенная оговорка. В письме А. С. Суворину (30 мая 1888) Чехов говорит: «Вы пишете, что ни разговор о пессимизме, ни повесть Кисочки нимало не подвигают и не решают вопроса о пессимизме. Мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как Бог, пессимизм и т.п. Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о боге или пессимизме. Художник должен быть не судьейо

своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем.»

Но вернемся к английским современникам Чехова. В уже упомянутой нами выше статье Джордж Колдерон писал: «Подобно Достоевскому Чехов ни к кому и ни к чему не питал ненависти. Повстречавшись с фарисеями, он не воскликнул бы: «Горе вам!» — а написал бы рассказы, чтобы объяснить их жизненную позицию».

Другими словами, он посочувствовал бы и фарисеям, которых так не любил Иисус Христос. ***Так все таки не над людьми, а за людей.*** Такая точка зрения была распространена среди большинства английских писателей.

У члена той же группы «Блумсберри» Уильяма Джерхарди (5) несколько оригинальная точка зрения на этот счет: ***«Чехов не был ни пессимистом, ни оптимистом. ... Представьте себе, что один и тот же человек и революционер и схимник, и что оба одновременно кричат: «Вперед!» и тогда вы поймете, почему Чехов остается на месте. Представьте также, что в сознании человека полемизируют два ловких адвоката, полностью опровергая один другого, — и тогда вы поймете, отчего Чехов никогда не спешил вынести приговор себе подобным. Чехов писал и святых и грешников одной и той же сочувственной кистью. Инстинктивно он ставил себя на место каждого человека, которого изображал. Понимая все движущие ими причины, Чехов за всякой неправдой видит скрытую в ней правду, — и неправда перестает быть неправдой».***

Довольно парадоксальное заявление. Да, Чехов глубоко понимал диалектику наблюдаемой им жизни, однако, констатируя наличие ***неправды и зла*** он вовсе не мирился с ними, а боролся с ними своими средствами — ***смехом***.

Обратимся для подтверждения этой мысли к книге В. Б. Катаева «Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова» (6) и процитируем всего лишь несколько строк: некоторые «критики писали, что Чехов убивал человеческие надежды. Действительно, рассказ «Ионыч» может показаться насмешкой над многими светлыми упованиями». И далее: «Смысл рассказанной нам истории, таким образом, может быть понят на соединении двух начал. Мать-природа действительно нехорошо шутит над человеком, который часто бывает обманут жизнью, временем, и иногда трудно понять, в чем при этом он сам виноват. ***Но настолько отвратительно то, во что может превратиться человек***, которому дано все, чтобы жить нормальной, полезной жизнью, ***что вывод может быть только один, бороться с превращение в Ионыча должен каждый, даже если надежды на успех в этой борьбе почти нет***» (курсив и эмфаза наши).

Одна из виднейших представительниц неопсихологизма в Англии, Вирджиния Вульф (7), высказывалась по поводу пессимизма Чехова следующим образом: «Человеческое сознание в высшей степени интересует его, он самый тонкий, самый проникательный исследователь человеческих взаимоотношений

...Душа больна, душа излечена, душа неизлечена. Вот что самое важное в его рассказах».

Говоря о проблеме неопсихологизма вообще, критикуя английских реалистов — Голсуорси, Шоу и Беннета за социальный характер их творчества, В. Вульф противопоставляла им русских писателей, в творчестве которых внутренний мир человека якобы раскрыт как нечто самодовлеющее: «Интерес писателей нового направления сосредоточен на **темных сторонах психологии** и в результате появляется необходимость в новой форме. **Только писатель нового направления и, вероятно, только русский писатель** мог заинтересоваться ситуацией, из которой он извлек рассказ, названный им «Гусев». ...У нас не уверенности даже в том, можно ли назвать рассказом **этот: расплывчатый незавершенный отрывок**, — ведь нас всегда учили, что неотъемлемыми признаками рассказа является краткость и завершенность».

Любопытно, что Д. Маккарти, также принадлежавший к «Блумсберри», высказывает совершенно противоположную точку зрения: **«В героях этой пьесы (Три сестры) нет ничего собственно русского — я их прекрасно знаю, хотя никогда не бывал в России. Пьеса Чехова захватывает вас потому, что в моментальных снимках обыденной жизни, которые нам показал Чехов, мы с горечью узнаем то, что сами ежедневно наблюдаем в жизни».**

Приведем теперь высказывание Джона Миддлтона Марри (8), который, как и Д. Маккарти, отдает должное главному качеству характера А. П. Чехова — справедливости. Его оценка является, пожалуй, наиболее правильной. Он уже не пишет о теме разочарования, а выражает свою мысль по другому: «Чехов весь полон **разочарованиями**, которые мы считаем исключительной особенностью нашего поколения; и все, что характерно для нашей эпохи повышенной чувствительности, отразилось в нем. **Он подвергался злобным нападкам за свое равнодушие к политике, а вместе с тем сделал больше добра ближнему, отдал больше здоровья и сил, чем все благонамеренные проповедники либерализма и социальных реформ. ... С раннего детства и до самой смерти он был единственной поддержкой своей семьи. Если приложить к нему мерку христианской морали, Чехов был святым. Его самопожертвование было безграничным.»**

Итак, подведем итог обсуждению англичан, современников Чехова, вопроса о теме. Из приведенной цитаты В. Б. Катаева уже собствен-

но ясно, что согласиться с определением общей темы Чехова как разочарование мы не можем.

Любопытно, что и сам Чехов протестовал, когда критики указывали на отсутствие темы в том или ином его рассказе. Когда брат Александр пишет ему о таких отзывах как: «Похвалы — самые ожесточенные. Хвалят тебя за то, что в рассказе нет темы, а тем не менее он производит сильное впечатление», то в ответ на эти восторги Чехов дает следующую отповедь: «Рассказ «Счастье» мне самому симпатичен **именно своей темой**, которой вы, болваны, не находите (курсив наш)» (А. П. Чехов. Сочинения, т. XIII, стр. 344).

И действительно тема очевидна в этом рассказе, и хотя она лежит не на поверхности, а в глубине, но для вдумчивого читателя, на которого и рассчитывал Чехов, она абсолютно ясна (и здесь мы просто процитируем известного литературного критика — А. Б. Дермана (9): «**Тема стремления людей к счастью, к достойной жизни человека**»). Другими словами, это совершенно нечто противоположное тому, что усматривали критики из группы «Блумсберри».

До сих пор мы обсуждали вопрос об общей теме произведений Чехова и о том, как она виделась английским критикам, но, естественно, если говорить о более конкретных темах, то их у Чехова можно найти сколь угодно много.

Если же говорить не обо всем творчестве Чехова, а о его драматургии, то нельзя не привести мнение, высказанное Бернардом Шоу (10). Б. Шоу был самого высокого мнения о Чехове и даже написал пьесу «Дом, где разбиваются сердца» по мотивам «Вишневого сада». «В плеяде великих европейских драматургов,» — писал Бернард Шоу, «Чехов сияет как звезда первой величины, даже рядом с Толстым и Тургеневым. У же в пору творческой зрелости я был восхищен его драматическим решением темы **никчемности культурных бездельников**, не занимающихся созидательным трудом».

Шоу был просто яростно настроен против того, что люди, обладавшие высокой культурой «отказывались от тяжелой поденщины политиков», хотя и признает, что им *«вряд ли позволили бы вмешаться в дела политиков»*. Характеризуя демократию своего времени, он с горечью писал: «Говорят, что каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает. Правильнее было бы сказать, что каждое правительство имеет свой круг избирателей, которого оно заслуживает, так как ораторы с передней скамьи могут по желанию наставлять или развращать невежественных избирателей, как им захочется. Таким образом, наша Демократия вращается в порочном кругу взаимных вознесений и низвержений».

Пассивность интеллигенции, против чего выступал Чехов, была **темой**, к которой Шоу не мог оставаться равнодушным и он был первым английским писателем, который указал на социальное звучание Чеховской драматургии.

От вопроса о тематике произведений Чехова перейдем к вопросу о том материале, который он использовал. Здесь мы имеем самые разные точки зрения, диапазон которых очень широк. Любопытна, например, точка зрения Сомерсета Моэма (И). В разное время он высказывал различные мнения об используемом Чеховым материале, признавая его тем не менее удивительным писателем, то есть в таланте Чехова он ни на минуту не сомневался: «У Чехова нет разнообразия характеров — он беспрестанно описывает одни и те же типы. Ему редко удавалось напасть на эпизод, который был бы сам по себе интересен, да он и не стремился к этому. И, тем не менее, лучшие его рассказы остаются в памяти дольше, чем многие из тех, в которых есть захватывающая фабула и ярко индивидуальные характеры. Почему? *(Действительно, почему? — М.Д.,В.Д.)* Затрудняюсь сказать. Когда читаешь Чехова, то кажется, что это вовсе и не рассказы. Они совершенно просты; и можно подумать, что их способен был бы написать любой, если бы не тот факт, что такие рассказы никому, кроме него, не удавались».

Однако с утверждением об однообразии характеров, выведенных Чеховым, плохо согласуются такие полные восхищения строки Моэма, как: «К рассказам Чехова невозможно применить избитое выражение — кусочек жизни; кусочек жизни — это что-то отсеченное, а перед нами как бы увиденная сквозь сетку сценка, и хотя мы видим только часть, мы знаем, что действие будет продолжаться.» «Английские читатели находили в его рассказах нечто новое, необыкновенное, часто ужасающее и подавляющее, но изображенное *правдиво*, и это было *выразительно, чарующе и далее романтично*».

И действительно, если, как говорит Моэм, «**действие будет продолжаться**», то тезис об однообразности характеров становится очень шатким. Конечно же, высказывания английских современников о чеховских персонажах, их типичности или нетипичности, во многом зависели от того, в какой степени тот или иной английский писатель был знаком с произведениями Чехова в тот или иной период своей жизни.

В этом смысле Кэтрин Мэнсфилд (12) была абсолютно права, когда говорила: «В целом Чехова понимают очень плохо. Его постоянно рассматривают под каким-нибудь одним углом зрения, а он из тех, к кому нельзя подходить только с одной стороны. Нужно охватить его со всех сторон — увидеть и почувствовать его целиком».

Мнение Кэтрин Мэнсфилд не прямо, но косвенно подтверждает тот факт, что английские критики Чехова были знакомы с его творчест-

вом далеко не в полной мере. Утверждение об ограниченности круга освещаемых Чеховым персонажей плохо согласуется с тем, что мы знаем о жизни Чехова. Так, например, в упомянутой выше статье С. П. Злобина мы читаем: «Лица, характеры, житейские случаи и бытовые мелочи, отдельные фразы и психологические черточки людей, человеческие взаимоотношения — все это отлагалось, как геологические пласты, в сознании Чехова, чтобы после послужить богатейшей рудой для выплавки из нее замечательных художественных образов.»

Даже если ограничиться драматургическим материалом, то в нижеприводимой цитате Дезмонда Маккарти косвенно признается, что Чехов выводил на сцену самых различных персонажей: **«Оригинальность** его заключается в том, что он не только вывел на сцену живых людей — это делали многие со сремен Аристофана и до Сент Джона Ханкина — он вынес на сцену то, что во всех других пьесах происходит между действиями, а уж это до него не делал никто».

Оценка материала (охвата самого широкого круга персонажей) заслуживает гораздо большего доверия, когда мы обращаемся к тем английским литературным критикам, которые углубленно занимались Чеховым и, в частности, его переводами на английский язык. Вот что пишет например Эдуард Гарнетт (13), жена которого специально занималась переводами Чехова на английский язык: «Нарисованные им картины почти всегда овеяны дыханием **безбрежного людского океана, крестьянских масс**; это видение сокровенных глубин возвышает его творчество над мелочными, классово-ограниченными произведениями западноевропейской беллетристики. Именно этот фон, это безбрежное, беспокойное море человеческой жизни, трогательное и трагичное, порождает русскую широту кругозора и русский размах эмоционального проникновения и нравственных оценок, столь отличных от наших. Чехов считал, что *злу* в человеческой жизни можно противопоставить только *«любовь и работу, науку и силу воли»*.

Кстати, Эдуард Гарнетт был очень высокого мнения о качестве русской литературы вообще: «Если английские читатели хотят получить достаточно точное представление о Чехове, они не должны рассматривать его в отрыве от всей русской культуры. Чистота души присуща всей русской литературе. Эта *чистота* не менее, чем *искренность ума*, является духовной традицией великих русских писателей».

Перейдем теперь к вопросу, который волновал не только английских критиков, но и отечественных, а именно, к вопросу о методе Чехова. И здесь хотелось бы начать с весьма точного определения, которое дает Джон Голсуорси (14). Остроумно высказавшись о методе Чехова, он отмечал, что тот, как магнит, привлекал молодых английских писателей: «Что касается Чехова, я бы сказал, что его рассказы на первый

взгляд не имеют ни начала, ни конца, они — сплошная середка, вроде черепахи, когда она прячет хвост и голову.

Для того, чтобы писать, как Чехов, мало считать его метод интересным и новым. Для молодых людей, которым очень хотелось выйти в люди, не затрачивая особых усилий, его метод был словно блуждающий огонек. Эти писатели, должно быть, думали, что достаточно в точности пересказать все, что случилось за один день, и у них получится такой же чудесный рассказ, как у Чехова. Увы! ...Мне невольно приходит в голову, что если к тому же отбросить искусно и смело всякий намек на форму, на логическую последовательность, при этом утратится и то, что составляет самую суть человеческой жизни.

В связи с новаторством Чехова имеет смысл привести и высказывание Джона Миддлтона Марри: «Когда западная литература бросалась из одного тупика в другой, **Чехов ясно видел и понимал, какие избрать пути**. Сегодня мы начинаем чувствовать, насколько Чехов близок нам, завтра, возможно поймем, **как бесконечно он опередил нас**.»

Что касается «бесфабульности» произведений Чехова, то, справедливости ради, следует отметить, что в ранней чеховской прозе рассказы с совершенно определенной фабулой — типичное явление: например, «Шведская спичка», рассказ написан в лучших традициях детективного жанра, в «Хамелеоне» логика сюжетной ситуации подводит читателя к совершенно определенным выводам. Фактически фабульными являются и «Человек в футляре», «Дама с собачкой» и «Невеста». Такие же рассказы, как «Убийство» и «В овраге» имеют твердо очерченную фабулу.

Говоря же о драматургии Чехова, вопрос о фабуле следует признать еще более спорным. «Чайка» имеет романтическую фабулу. Фабула менее очевидна в «Трех сестрах» и только в «Вишневом саде», как пишет литературный критик А. Б. Дерман: «В противоположность развязке всех предшествующих пьес ни одного внешне эффектного момента, ни одного романтического персонажа... продажа имения с аукциона, да и то происходящая не на сцене, а где-то», т.е. в этой пьесе действительно можно говорить о «бесфабульности».

Тем не менее пьеса производит большое впечатление на английских литературных критиков. Фрэнк Суинторн (15) писал о его драматургическом методе следующее: «Его герои, чьи реплики производят на нас столь ошеломляющее впечатление, *на самом деле просто думают вслух*. Чехов в своих пьесах подводит нас к самым сокровенным тайнам душевных движений человека — ближе подойти к ним вряд ли возможно». Другими словами, «внутренняя речь» была выведена наружу. Но это еще не все, поскольку существует и «подтекст», который вдумчивый зритель должен сам вывести из показанного.

«Свою задачу он видел в том, чтобы перевести на язык убедительных образов свое сочувствие человеческой природе в ее многообразных проявлениях. Он ничего не проповедовал и не был сентиментален. Если бы мы могли хотя бы на мгновение увидеть настоящего Чехова, **его сдержанность, его юмор, его умение изображать человеческую одержимость, не осуждая ее.** Мы бы полюбили его пьесы и за то, что в них действительно есть».

В этой связи интересно привести отзыв Д. Б. Пристли (16) о постановке «Вишневого сада»: «В особенности меня поразил его шедевр — «Вишневый сад». Для меня это было откровением. Меня очаровала новая тонкая техника, разнообразие настроений, естественное ритмичное течение действия, юмор и пафос, нежность и поэтичность. ...Чехов принес в театр свое великое предвидение, горячую надежду на человечество, и глубокое неиссякаемое чувство сострадания.»

В начале 20 века социальная «новая драма» (Ибсен, Б. Шоу, Дж. Голсуорси и Чехов в их числе) не пользовалась успехом у буржуазного зрителя, ему больше импонировали развлекательные пьесы. Зададимся вопросом, почему же Чехов сознательно стремился к бесфабульности своих произведений и к какому направлению в литературе следует его отнести?

Уильям Джерхарди отвечал на эти вопросы следующим образом: «**Реализм Чехова** есть естественное развитие реализма Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого, но Чехов нашел для него **новую и более подходящую форму.** ...Реализм дочеховский был не более чем условность. Когда писатели стали вводить в литературу незначительные случаи, характерные для живой жизни, реалистическая литература стала больше походить на живую жизнь.

Даже Флобер, даже Тургенев, даже сам Толстой придерживались старой традиционной формы — крепко сколоченной фабулы. ...Жизнь, в ее беспредельной многогранности кажется расплывчатой и лишенной формы, поэтому реалисты прошлого полагали, что в каждом конкретном случае можно изображать только одну какую-нибудь отдельную сторону жизни, а у Чехова возникла другая точка зрения — он **стал изображать жизнь во всей ее совокупности.**

Арнольд Беннет (18) (во время своих высказываний о Чехове он был уже хорошо известным писателем в Англии) ставил Чехова в один ряд с Достоевским, Тургеневым, Гоголем и Толстым. «Сила воздействия его рассказов в их **бесхитростности.** Конечно, на самом деле они не просто бесхитростны, а в высшей степени **продуманы и отделаны.**

Искусство всегда остается условным, но оно создает все более утонченные формы и приближает условности искусства к жизни.

Рассказы Чехова знаменуют решительную победу в этой давней борьбе. Читая их, представляешь, как он, вероятно, говорил себе: «По мне жизнь хороша и так. Я ничего не стану в ней менять. Буду изображать ее такой, какая она есть.... Он, кажется, достиг предельного реализма».

С тезисом «Я ничего не стану в ней менять» вряд ли согласился бы сам автор. «Кусок жизни» — это может быть и правда, но какой «кусок» и каким светом он освещен, и к каким выводам придет читатель — для автора далеко не безразлично. Отсюда и «продуманность и отделанность» рассказов Чехова — в этом Беннет абсолютно прав. Таким образом, его оценки противоречивы, а *tertium non datur*, к сожалению.

Джон Миддлтон Марри писал: «Его произведения были новыми, в полном смысле этого слова. Именно это *качество непостижимой простоты*, с которой Чехов описывает жизнь, и *мешает нам увидеть скрытую под этой простотой глубину понимания жизни*».

Приведем теперь мнение Герберта Эрнеста Бейтса (19): «Чехов излагает правду такой, какой вы ее сами видите и чувствуете, без всяких подделок и трюков, и поэтому правда его не стареет оттого, что меняются моды и вкусы. Она всегда остается правдой.»

«Говорят, что в рассказах Чехова ничего не происходит. Это неверно. На самом деле у Чехова происходит очень многое: но не всегда событие имеет у него место в самом рассказе или во время действия его пьес, не всегда в настоящем. Часто оно только подразумевается: оно происходит за пределами его произведений, и, главное, оно не прекращается и после того, когда рассказ уже закончен. Поэтому Чехов возлагает на читателя очень большую ответственность (курсив наш). И, если читатель наделен достаточно тонкой чувствительностью, он справляется с возложенной на него задачей.»

Мы совершенно сознательно подчеркиваем эту мысль Бейтса, поскольку она повторяется как у английских, так и у отечественных критиков. **Реформаторство Чехова выразилось в «распределении им ролей между читателем и писателем: первому — создание текста, второму — подтекста»** (А.Б. Дерман). Поэтому мы не можем согласиться с Вирджинией Вульф, заявлявшей, что, «между Чеховым и Бернардом Шоу существует огромное различие. Чехов не менее других отдает себе отчет в существовании зла и несправедливости в обществе, но при всем этом он не обладает темпераментом реформатора».

А. Б. Дерман пишет о реформаторстве Чехова еще и следующим образом: «Одна черта всегда присуща писателям-реформаторам (Пушкин, Тургенев, Чехов). Это — очень рано обозначающаяся неудовлетворенность современной им литературой, а в частности — повышенная реакция на обветшалость господствующих в данный момент приемов

творчества, вполне и рано осознанная необходимость их появления и освежения. ...Решительно никто и предположить не мог, как напряженно вникал Чехов во все детали творческого процесса, как всесторонне обдумывал все элементы, из которых складывается работа художника слова. Только после кончины писателя, когда начали появляться в печати его письма к собратям по перу, — лишь тогда в его откликах по самым разнообразным поводам на вопросы литературного мастерства неожиданно приоткрылась завеса над реформаторской стороной творчества Чехова. Да и то именно лишь «приоткрылась»: страх, который внушала Чехову поза ментора, сплошь и рядом побуждал его маскировать шутливым тоном самую серьезную сущность своих высказываний».

Сам Чехов в письме Суворину (XV, 51) о своем реформаторстве говорит следующее: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам». Ранее, в письме тому же Суворину (XIV, 208) Чехов говорил: «Требую от художника сознательного отношения к работе, Вы правы, но Вы смешиваете два понятия: *решение вопроса и правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника. В «Анне Карениной» и в «Онегине» не решен ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют, потому только, что все вопросы поставлены в них правильно. Суд обязан ставить правильно вопросы, а решают пусть присяжные, каждый на свой вкус».

Нам хотелось бы завершить свою статью выдержками из статьи Шона О'Кейси (20), помещенной в журнале «National Affairs» за 1954 год: «Великих людей среди нас немного. Но мы знаем их, наслаждаемся ими, радуемся тому, что они сливаются с нами воедино. Чехов неизменно находится в центре. Вот уж кто поистине родился в сорочке. Поэт, как и Уитмен, драматург как Шекспир, великий человек, как и все они, он совместил в себе всех. Но Чехов для меня еще больше. Он *друг*. ... Немногое можно сказать о Чехове с уверенностью — он так велик, так многогранен, что к нему нельзя подходить с обычной меркой. Он освещает свой путь собственным светом, и мы можем лишь видеть его и слушать кроткий его голос, в котором звучит музыка милосердия и правды. Но при всей своей кротости и милосердии, он был так же стоек, как прекрасная русская береза, он обладал мужеством, да, великим мужеством, которое выдерживало нападение, сломить его было невозможно, и вокруг него в течении всей его жизни сиял свет надежды. **И он был пророком.** «Трофимов: Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину.»

Л и т е р а т у р а

1. Anton Tchekhoff. The Black Monk and Other Stories, trans. from Russian by R. E. C. Long., Duckworth, 1903; Anton Tchekhoff. The Kiss and Other Stories, trans. from the Russian by R. E. C. Long., Duckworth, 1908.
2. Mac Carthy D. The Three Sisters. «New Statesman», 1920, v. 14, № 361, p. 676-677; Tchekhov and the Stage Society. «The New Statesman», 1921, v.18, № 451, p. 454-455; Tchekhov. «The New Statesman», v. 26, № 671, 645-646.
3. Calderon G. Tchekhoff. Two Plays. The Seagull. The Cherry Orchard. L., 1912; The Russian Stage in «Quarterly Review», 1912, v. 217, № 432, p. 27.
4. А. П. Чехов. Избранные произведения. М., 1960.
5. Gerhardi W. Anton Chehov, a Critical study. N.-Y., 1923
6. Катаев В. Б. Сложность простоты: Рассказы и пьесы Чехова. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М., 1999.
7. Woolf V. The Common Reader, p. 192-193; p. 222-225 («Modern Literature», «The Russian Point of View»).
8. Murry. J.M. The Humanity of Tchekhov. «Athenaeum», 1920, v. 152, p. 299-301.
9. А.Б. Дерман. О мастерстве Чехова. М., 1959. С. 129.
10. W. Shaw B. Heartbreak House, Great Catherine and Playlets of the War, p. VII-IX; «Литературная газета», 1956, № 88 от 26 июля.
11. Sommerset Maugham W. A Writer's Notebook, p. 144.; Introduction to the Greatest Stories of all Times. Tellers of Tales. N. Y., 1947; Points of View.Essays, L., 1958.
12. The Letters of Katherine Mansfield, L., 1928., p. 395-396.
13. Garnett E. Tchekhov and his Art. «London Quaterly Review», 1921, v. 236, № 469, p. 257-269.
14. Galsworthy J. Candelabra, Selected Essays and Addresses, p. 229-233 («Four Novelists in Profile»).
15. Smnerton F. «The Cherry Orchard». «Nation», 1920, v. 27, № 16, p. 498-499.
16. Priestley J.B. «Литература и искусство», 1944, № 27, от 1 июля; «The Art of the Dramatist». L.,1957.
17. Bennett A. Books and Persons, p. 117-119 («Tchekhoff»).
18. Bates. H. E The Modern Short Story. A Critical Survey, p. 72-89 («Tchekhov and Maupassant»).
19. Sean O'Casey. On Tchekhov. «National Affairs», 1954, v. 11, p. 19-20.

Языковые средства формирования оценочности в современной публицистике

© кандидат филологических наук Л. А. Нестерская, 2002

Широкий спектр языковых средств, предназначенных для выражения оценки в русском языке, связывает духовный опыт человека с ситуациями жизни, представляет его внутренний мир в значениях языковых единиц. Функции оценки в речевой деятельности многообразны и зависят от аспектов ее семантики. Это познавательная, дидактическая, эмотивная, воздействующая и другие функции. Существует языковой фонд оценочных средств, который представляет функционально-стилевые оценочные дискурсы и формируется широким кругом разнородных средств русского языка: аффиксы со значением субъективной оценки, лексико-грамматический класс слов категории оценки, оценочное значение качественных прилагательных, пейоративная и мелиоративная лексика, оценочное значение семантических структур. Наконец, в выражении категории оценки существенна роль общей контекста высказывания и изложения в целом: в сущности, в определенном контексте любая языковая единица может выполнять оценочную функцию.

Интересно в этой связи обратиться к языку современной прессы. Газета в настоящее время больше, чем когда-либо, ориентирована на читательское восприятие, причем, она идет за читателем, учитывая его социальный опыт и коммуникативные потребности. Качественно новый тип читателя требует от газеты новых форм воздействия на читательскую аудиторию. Соответственно меняется арсенал приемов, средств воздействия на читателя в самом газетном языке.

В языке газеты соединяются две противоположные тенденции: стремление к стандартизации, свойственное строгим стилям, и стремление к экспрессивности, характерное для разговорной речи и языка художественной литературы. К максимуму информативности стремятся научный и деловой стили. К максимуму эмоциональности приближаются некоторые бытовые и поэтические тексты. Язык газеты не терпит ни той ни другой крайности: в первом случае не было бы эмоционально воздействующего эффекта (скучно, не интересно), во втором – необходимой фактографии (на одних чувствах). Только в газетном изложении эти две тенденции могут легко соединяться: статьям на серьезнейшие темы предшествует экспрессивный, «легкомысленный» заголовок (вообще современная пресса – это своеобразное соревнование заголовков):

«О чем промолчал глас народа»; «В экологическом концлагере»; «Второй эшелон номенклатуры».

Вторая половина 80-х годов взорвалась неожиданным, небывалым речетворчеством. В сфере массовой коммуникации были сняты запреты на целые слои опальных лексиконов, освобожден громадный потенциал оттенков и значений слов. Изменения в языке газеты обусловлены появлением значительного количества функциональных неологизмов, т. е. известных ранее, но крайне редко употреблявшихся лексем: *благочестие, притерпелость, русскость, милосердие, выживание...*; *раскол, деспотизм, оппозиция, бонапартизм, фракция...*; *левые, правые, прогрессисты, консерваторы, анархосиндикалисты, почвенники, западники, урбанисты, земельники...*; *парламент, муниципалитет, префектура* и т. д.

Новые коммуникативные возможности реализуются за счет резко возросшей сочетаемости ключевых слов с разнообразными определениями. Так, на месте *развитого социализма* появилась целая россыпь словосочетаний с иными интерпретациями: *социализм аппаратный, аграрный, брежневский, бюрократический, вульгарный, горбачевский, дореформенный, докапиталистический, застойный, за колючей проволокой, имперский, казарменный, командно-административный, крестьянский, нищий, утопический, чиновно-административный, чиновно-бюрократический*.

Смена идеологических оценок многих слов активного словаря в языке газеты следует за социально-историческими сдвигами. Разрушаются идеологические стереотипы, происходит речевая переоценка реалий, изменяется и сама система оценочных средств газеты. Традиционные, ранее эксплицитные, однозначные, навязываемые читателю оценки уже могут иметь не воздействующий а обратный эффект – эффект отторжения материала. Общая методологическая установка современной газеты – более осторожное, скрытое воздействие на читателя, стремление не навязывать свое мнение а призвать читателя к совместному размышлению над поставленными проблемами. Исчезает (или резко сокращается) употребление подчеркнуто оценочной (как позитивной так и негативной) лексики типа *вехи, судьбоносный этап, форум, маяк, пульс эпохи*, с одной стороны, и *клеймить позором, преступная клика, крестonosцы, акулы бизнеса, гидра капитализма*, с другой стороны.

Смена идеологической парадигмы не отменила действия принципа социальной оценочности в языке прессы которые формирует важнейший разряд лексики газеты, – концептуальную лексику, политический словарь газеты. В качестве концептуальных в языке современной прессы широко используются политические термины: *правовое государство, гражданское согласие, демократические преобразования, курс*

реформ, оппозиция, лобби. Вошли в политический словарь и активно используются экономические термины: *кредиты, инфляция, рынок, рыночные отношения, клиринг, маркетинг и др.*

Многие лексические единицы политического словаря, имевшие ранее отрицательную окраску, приобретают нейтральное звучание или даже меняют знак оценки: *ВПК (военно-промышленный комплекс), бизнес, бизнесмен, биржа, биржевик, олигарх и др.* В целом оценочность новой концептуальной лексики только формируется и носит более сдержанный характер. Например, трудно сказать, сформировалась ли новая оценочная окраска (ранее негативно-пренебрежительная) у слова *элита*. См.: *Политическая элита, российская элита, правительственная элита, партийная элита, парламентская элита, бизнес-элита, элита шоу-бизнеса.* Судя по контекстам, намечается нейтрализация негативной оценочности у этого слова.

Современная газета в настоящее время больше, чем когда-либо, ориентирована на читательское восприятие, так как имеет дело с принципиально новым социально-культурным и идеологическим типом читателя. В связи с этим изменяется язык современной газеты: он становится более демократичным, более эмоциональным. Стремлением к оценочности, поисками экспрессии объясняется использование в языке газеты большого количества фразеологических единиц.

Излюбленный прием журналистов – различные преобразования фразеологизмов.

Можно выделить два типа создания фразеологического образа путем семантических преобразований:

1. В истоке образа – фразеологизм, и к нему приводится свободное сочетание:

«Весной приятно поговорить о достижениях. В такие дни не хочется кусать собратьев по перу и чернилам. Их хочется хвалить, прославлять, *поднимать на щит* и в таком виде *носить по всему городу*» (Ильф и Петров) сначала дается переносное, потом прямое значение фразеологизма.

«Немало осталось в истории *белых пятен*, но *белыми* они кажутся только с первого взгляда. Чаще всего при ближайшем рассмотрении в них преобладает красный цвет – цвет человеческой крови».

2. Создание образа идет противоположным путем и первичным оказывается свободное словосочетание:

«В случае победы Жириновского на выборах его торжественно введут в *кремлевские палаты*. Его личная *палата* будет № 6».

Среди образных средств, формирующих экспрессивность, эмоциональность языка современной прессы, центральное место, безусловно, занимает политическая метафора. В газетных статьях о политике

метафора может служить средством украшения текста и средством активизации внимания читателя. Благодаря своей фигуральности, небуквальности метафора может выполнять прагматическую функцию сглаживания наиболее острых политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность журналиста за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом.

Метафора – не только прием изображения, это способ мышления, способ восприятия мира. Метафора социальна. Именно метафора является отражением картины мира в общественном сознании, именно метафора показывает, какова она, эта картина.

Милитаризация сознания нашего общества в доперестроечный период отражалась в особом наборе метафор в публицистике.

Вот примеры, взятые из современной российской прессы: *гвардия, фронт, вооруженность, перевооруженность, торпедировать, форсировать, маневрировать, обойма, смотр, разведка, атака* и др.

Интересно, что в настоящее время актуализовалось метафорическое поле, связанное с темой болезни общества. Истоки этих метафор в публицистике восходят к идее уподобления общества живому организму (метафора персонификации). Никогда раньше метафоры не создавали такого целостного семантического поля, включенного в сферу политики. Жизнь современного общества отражается в общественном сознании таким образом, что группа лексики из тематического «поля болезни» становится едва ли не самой частотной.

Вот некоторые политические метафоры, входящие в тематическое поле болезни: *болезнь общества, атрофия власти, паралич власти (экономики, агросистемы, информационный и т. д.), аллергия на контакты с прессой, бациллы феодальной морали, злокачественная опухоль национализма, оздоровление финансов.*

Самый распространенный тип политической метафоры в современной российской прессе – это в основном двучленные метафоры: *корабль реформ, здание экономики, вирус большевизма.* Все они в политическом контексте выражают оценку современной общественной ситуации.

Характерно, что весь «арсенал» политических метафор используется прежде всего для изображения негативных сторон жизни общества: *Вирус импичмента* (КП, 31.03.96); *«Вперед маячит паралич экономики»* (МН, 21.04.95), *«Агония социализма затянулась»* (МН, 29.09.93); *«Больная, издерганная страна нуждается не в токо-, а в психотерапии»* (МН, 29.09.94),

В современной прессе происходит активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественного явления. Например, превращение некоторых собственных имен в нари-

цательные в форме множественного числа. Этот семантический процесс непосредственно связан с различием политических оценок событий и их участников. В современной прессе наблюдается заметная активизация этой модели для выражения оценки (в подавляющем большинстве случаев отрицательной) личности и группы лиц как общественного явления. См.: *«А что касается нас, юмористов, то на наши век материалов, которые нам в изобилии «подбрасывают» всякие лигачевы, полозковы и Жириновские, хватит сполна»* (АиФ, 1996, № 38). Без явной пейоративности, но с легкой иронией говорится об отечественных бизнесменах: *«Наши будущие отечественные морганы, ротшильды и форды»* (КП, 08.02.96). В прессе оппозиционной, естественно, обобщенно-пейоративно употребляются *совчаки, поповы, ельцины, горбачевы*. *«Для этой дамы, смеющейся истории, все горбачевы, ельцины, поповы, Яковлевы, лигачевы – всего лишь раскрашенные и не совсем удачно выполненные марионетки»* (День, 1994, №1).

В языке современных газет возрастает значимость имплицитной формы выражения оценочной информации, контекстуально-речевой оценки (см. заголовок «Танки вместо аргументов»). Актуальной становится косвенная оценка – «полуоткрытая», иносказательное выражение оценки. Активно используется подтекст. Сложилась система различных стилистических приемов создания оценки в газетных заголовках: прием парадокса (*«Выбор... по принуждению»*), контраста (*«Подвалы и небеса ношен жизни»*), использование вопросительно-риторических предложений (*«Расчеты на вчерашних счетах?»*).

Косвенное оценочное высказывание передает в большинстве случаев оценку более изощренную, едкую, ироничную, особо задевающую адресата, тем более что отсутствие в таких рода высказываниях оценочного предиката не дают тому, кого оценивают, выстроить линию защиты. Например, Максим Соколов в газете «Русский телеграф» от 28.02.98 в субботнем обозрении пишет о бывшем вице-премьере, министре МВД А. С. Куликове: *«Доктор наук Куликов наиболее органично ощущает себя в различных ученых собраниях, беспрестанное участие в которых и составляет для него главную привлекательность вице-премьерского служения. На сей раз маститый ученый выступал на заседании Научного совета по проблемам социально-политической безопасности Российской академии наук, где выразил серьезное беспокойство нынешним состоянием российских умов, в которых укореняется идея, что собственность не священна»*.

Феномен оценки заключается в разнообразных логических или эмоциональных реакциях человека на познаваемую действительность, возникающих при сравнении ее с идеализированной моделью мира. Эмоционально-оценочный взгляд во многом определяет облик языковой

картины мира. В центре оценки стоит человек: как субъект оценивающий и как субъект оцениваемый. Оценке подвергается более всего то, что зависит от человека, его воли, разума и деятельности, в оценке человека мы очень свободны, эмоциональны, склонны к преувеличениям, в оценке же артефактов и особенно внешнего мира — более сдержанны и осторожны.

Тематические ряды, определяемые оценочной деятельностью человека, тесно взаимодействуют. Так, связи в «механизмах жизни» отражаются на связях в «механизмах языка».

Наиболее весомо и разнообразно представлена оценка в разговорной речи. Это та сфера, где говорящий может в полной мере выразить свое мнение о предмете речи. Представляется, что в условиях разговорной речи эмоционально-оценочные коннотации наиболее частотны, разнообразны, ярки и сопровождают различные оценочные средства.

В языке современной прессы группа оценочных слов отличается повышенной стилистической окрашенностью, причем лексические единицы сниженных стилей являются сигналами особой эмоциональной экспрессивности (*дрянь, ошалеть, выкручиваться, вкалывать*).

Экспрессивная окрашенность свойственна словам с «парадоксальной» внутренней формой (*пропесочить*) и, наоборот, без внутренней формы, но с необычным звучанием (*мымра, дундук*).

Ярчайшими средствами эмоциональной оценки являются сниженные слова и значения, рождающиеся в живой разговорной речи (*балдеж, крутой, отлуп*).

Особую роль в развенчании официальной политической речи играл и играет жаргон и в частности та его разновидность, которую называют словом *стеб*. Приблизительно говоря, это специфический язык, на котором общалась интеллигентская и молодежная «тусовка» в 70-80-е годы. Стеб был противопоставлен тогда официальному языку, партийному «новоязу». «Стеб – род интеллектуального ерничества, состоящий в снижении символов, через демонстративное использование их в пародийном контексте». В прессе почти безраздельно господствует стеб... (М. Гурков, Б.Дубинин. «Знамя». 1994, №11). В основе снисходительно-иронического тона публикаций некоторых молодежных газет лежит стеб.

Пародирование, вышучивание официальной фразеологии, лозунгов, призывов, всем известных цитат, названий марксистско-ленинских статей и книг – одно из самых распространенных средств выразительности и оценки в современной публицистике.

См. заголовки сегодняшних газет: «*Броненосцы в потемках*»; «*И нефть смывает все следы*»; «*Кто возродил к жизни роковые яйца?*»;

«Импровизация – сестра таланта»; «Революционное сознание денежных масс».

И, наконец, неузальное словообразование, в основе которого лежит каламбур: «Шахрай больше не главный "наци" и не "вице"» (материал об отставке вице-преьера С. Шахрая); «Грузия взбесилась» (заметка о том, что 7 тысяч жителей Грузии заражены вирусом бешенства)

В лихом развязном стиле газеты пишут о политике, катастрофах, убийствах и пр.

Возможны игры со словом – это реакция на стиль доперестроечных газет, на их серость и безликость. Формируется новый политический словарь газеты, не узко партийный, но широкого политического содержания. Сфера действия оценочности по сравнению с предшествующим периодом сужается. У журналистов подчас не сформировано собственное отношение к фактам, своя позиция. И тогда на помощь приходит спасительная ирония. Это тоже средство непрямой оценки.

Таким образом, в языке современной российской прессы формируется языковой фонд оценочных средств, который представлен на разных языковых уровнях и делает язык газеты более выразительным.

Л и т е р а т у р а

- Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.* Метафоры в семантическом представлении эмоций // ВЯ. 1993. № 3.
Арутюнова Н. Д. Языковое значение. Оценка. Событие. Факт. М., 1986.
Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // ВЯ. 1996. №1.
Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М, 1990.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Место ритмической группы среди ритмико-интонационных средств в свете проблем обучению русскому языку как неродному

© С. В. Киржанова, 2002

Ритм – наиболее воспринимаемое и наименее материально выраженное общезыковое явление, которое «является мощным средством донесения содержания речи до сознания слушателя или читателя, помогает ему расчленить речь на смысловые компоненты для того, чтобы ускорить ее понимание» [Рыков 1986:5].

Исследователи в этой области предполагают, что существует определенная временная сетка, заданная физиологией человека, которая помогает выработать внутренний стандарт для темпа и ритма, независимый от внешних условий. Различные языки используют по-разному те временные пределы, которые определяются физиологическими факторами. Языки с акцентным ритмом (английский, русский) используют временную сетку, соизмеримой и периодической единицей которой является ритмическая группа (А. М Антипова), или фонетическая синтагма (О. Ф. Кривнова). Регулярная длина таких речевых отрезков обычно составляет 2-3 фонетических слова (7 ± 2 слога – «магическое» число Дж. Миллера).

Носителями русского языка ритмическая группа (РГ) не осознается в качестве самостоятельного смыслового фрагмента, т. е. единицей текущего смыслового членения, поскольку она слабо оформлена просодически. Сходство ритмических групп основано лишь на одном показателе – дугообразном мелодическом контуре, форма которого варьируется в зависимости от характера мелодического контура синтагмы, в которую они входят. Паузы, отделяющие их друг от друга, часто называются мнимыми, т. к. физического перерыва в звучании нет, но есть изменение тонального контура, наблюдается некий «перелом в мелодике» [Зиндер 1979] или «прекращение падения тона и начало нового подъема». При этом ударные слоги и промежуточные безударные стремятся к одному тональному уровню, к монотону. Это способствует тесноте связи слов, формирующих РГ. Поэтому ударные слова, входящие в одну ритмическую группу образуют тесное смысловое единство. Кроме того, нередко в зависимости от индивидуальной смысловой интерпретации

ритмическая группа приобретает качество самостоятельных смысловых фрагментов, соотносящихся с синтагмой или целым высказыванием.

При обучении же русскому языку как неродному фонетические синтагмы являются важными структурно-смысловыми элементами текста. Для практики РКИ характерен формально-статический подход при обучении языковым навыкам и умениям, т. е. учащимся предлагаются высказывания с уже готовой лексико-синтаксической структурой, которой соответствует определенная ритмико-интонационная характеристика (ритмико-интонационное членение и общая просодическая огласовка) [Брызгунова 1969]. В то время как ритмико-интонационное членение речи относится к динамическим текстovým явлениям [Аванесов 1972]. В практике РКИ с этой проблемой мы сталкиваемся в первую очередь при обучении чтению и аудированию. Обучение выделению и озвучиванию данных речевых отрезков способствует формированию чувства ритма – ритма изучаемого языка. «В области речевого ритма в психолингвистических экспериментах ученым удалось выявить: конструктивную функцию ритмической структуры текста, которая проявляется в ощущении «целостности», возникающей при восприятии ритмической организации текста; организующую функцию, обуславливающую прогностическую деятельность человека; эстетическую функцию, которая заключается в инициировании простейших эстетических эмоций (эксперимент показывает, что ритмические отрезки звучат приятно для испытуемых)» [Колосницына 1993: 28-30].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сосед меняет проводку. Сосед / меняет проводку. Эти карты / вы можете купить / в окрестностях Москвы. Эти карты вы можете купить / в окрестностях Москвы. Я прочила текст / и выучила / новые слова.

Наступила весна. Запели птицы. И на душе / стало радостнее.

Творчество любого поэта / возникает не на пустом месте. Оно всегда заключает в себе / момент традиции. Как используются / традиционные поэтические средства Н. А. Некрасовым?

Творчество / любого поэта / возникает / не на пустом месте. Оно всегда / заключает в себе / момент традиции. Как используются / традиционные / поэтические средства / Н. А. Некрасовым?

Как видно, ритмическим группам соответствуют либо одиночные знаменательные слова, либо сочетания слов, связанные каким-либо типом синтаксической связи. По своей смысловой нагрузке одни совпадают с целым высказыванием (*Наступила весна*), другие с завершенной синтагмой (*Я прочитала текст*) или незавершенной (*эти карты вы можете купить*), обусловленные АЧ; третьи же не являются единицами текущего смыслового членения и их легкое просодическое выделение

мотивировано общей эвфонической тенденцией к ритмизации (*вы можете купить; и выучил*). Интонолог А. М. Антипова видит функцию таких (внутрисинтагменных) пауз в выделении последующего слова или слов, а не цели разделения высказывания на смысловые части. Степень членности на фонетические синтагмы варьируется индивидуально.

Л и т е р а т у р а

- Антипова А. М.* Ритмическая система английской речи. М., 1984.
Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.
Колосницyna Г. В. Ритмическая основа интерактивного обучения русскому языку как иностранному: Дисс. ... докт. пед. наук. М., 1993.
Кривнова О. Ф. Смысловая значимость просодических швов в тексте // Проблемы фонетики III. М., 1999.
Рыков В. В. Ритмическая организация прозаической речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Новые орфографические ошибки

© Е. Ю. Скороходова, 2002

В настоящее время много внимания уделяется разного рода речевым ошибкам. Подробно анализируются нарушения орфоэпических правил, поскольку мы ежедневно находим примеры подобных нарушений в теле- и радиопередачах (такой материал представлен в работе М. В. Горбаневского, Ю. Н. Караулова, В. М. Шаклеина «Не говори шершавым языком», М.: Галерея, 2000). Изучаются нарушения морфологических норм, поскольку они свидетельствуют об активных процессах в грамматической системе языка (Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике; Ильина Н. Е. Рост аналитизма в морфологии // Сб. Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 1996). Дефектные с точки зрения логики высказывания также представляют интерес и подробно описаны, поскольку дают представление о неких стабильных нарушениях при формулировке умозаключений (Кукушкина О. В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М.: Диалог-МГУ, 1998). В настоящей статье предлагается разбор ошибок скрытых, которых мы не можем обнаружить ни в устной речи, ни на страницах журналов и газет. Речь пойдет об орфографических ошибках.

Орфография как практический навык должна формироваться в средней школе. В. Я. Булохов в работе «Повышение орфографической грамотности учащихся» указывает, что с точки зрения размещения орфографических ошибок в слове «наиболее уязвимыми являются корни существительных, прилагательных, глаголов, числительных и деепричастий» (1, 54), связывая возникновение орфографических ошибок с недостаточным объемом оперативной памяти. Не претендуя на глобальные обобщения, я попробую выделить наиболее частотные и показательные орфографические ошибки, допускаемые в письменных работах абитуриентами и студентами высших учебных заведений (материал собирался в течение последних трех лет). Для этого удобно использовать классификацию Б. И. Осипова, предложенную в статье «Типология орфограмм в русском языке». Согласно этой классификации, орфография ставит пишущего перед выбором «1) буквы; 2) прописного или строчного написания; 3) однократного или удвоенного написания; 4) оставления на строке или переноса; 5) слитного, раздельного или дефисного написания со следующей буквой» (5, 8).

К ошибкам первого типа нужно отнести, прежде всего, написание безударных гласных. Обычно в ситуации колебания происходит замена А на О, И на Е – **потреот, обожюр, нотура, октуальный, семпотич-**

ный, огоня, кретековать, опсалютный, онализ, депломат, стобильный, а также мена И/Э в начале слова: **этог, игонист, эдиллия, эрония, ипопея.** Ошибки встречаются и там, где их можно было бы избежать, подобрав проверочное слово. Однако оказывается, что эта операция не под силу многим пишущим на русском языке – ошибочной выбор проверочного слова приводит к таким вариантам написания, как **ценизм (цена?), тираризировать (тиран?), честолюбие/чистолубие, координально (координация?), коллефицированный (количество?), аллигарх (аллигатор?), поднаготная (нагота), портатип (портативный?), экстримальный (экстрим?).** Как видно из примеров, неправильный выбор проверочного слова приводит к замене не одной буквы, а нескольких, порождая своеобразную контаминацию. Такой же контаминацией следует, очевидно, считать написание **светоприставление** и **светопредставление, мировоздание, обладать, скупидом, кровопотливый, самоанализм, врознь, сумадур.**

Второй тип ошибок – неправильный выбор прописной или строчной буквы – в настоящее время имеет довольно характерное проявление, ранее не встречавшееся: это написание с большой буквы всех имен в названии произведения – «Война и Мир», «Преступление и Наказание», «Мертвые Души» и пр. Такой тип ошибки можно рассматривать как влияние иноязычной графики.

Третий тип ошибок – удвоенное написание буквы – имеет несколько проявлений. Это, во-первых, проявление «гиперкоррекции» (**бюрократия, деффцит, харрактеристика, проффессия, триллогия, аффтор, аппатия, гумманность, колличество, расса**). «Гиперкоррекция» выделяется как вид ошибки с 60-х годов XX в. – см., например, статью А. В. Суперанской «Написание заимствованных слов в современном русском языке» (сб. «Проблемы современного русского правописания». М.: Наука, 1964, с. 69-101). Именно «естественным проявлением гиперкорректных форм» (4, 80) автор обосновывал необходимость орфографической реформы – в частности, отмены удвоения согласных в заимствованных словах. Реформа не была проведена, и гиперкорректные формы продолжают существовать во всевозможном многообразии. Во-вторых, представление об удвоении согласных на стыке морфем и неумение делить слово на морфемы порождает такие ошибки, как **просматривается, насмерть, раскрывать, высказывать, раззорять, расстерянность, высмеивать, рассказание, осуждение, воспоминание.** И в-третьих, неожиданное явление – довольно частое удвоение гласной О в корне или на стыке префикса и корня: **персоонаж, воодружен, воплощать, сооблазн, одноозначно.** Интересно, что удваивается не ударный гласный (это было бы логичнее), а первый или второй предударный. Удвоение других гласных ни разу не встречалось, но можно

считать также весьма частой ошибкой мену О/У – **хаус, индивидуом, периуд**, а также появление «лишних» гласных: **смысол, отрасоль (отрасаль), идеинтичный, преиобретать, упрачинять, немеркнующий, будущий**. Последний тип ошибки, скорее всего, связан с небрежностью в произношении, особенно распространенной сейчас в средствах устной массовой информации. Следует отметить, что в настоящее время проблеме правильного произношения как необходимой составляющей культуры речи уделяется пристальное внимание. Уже доказано, что неправильное произношение резко снижает эффективность речи, мешает восприятию содержания и подрывает авторитет говорящего (см., например, *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. Раздел «Орфоэпия». М.: Высшая школа, 1979, с. 195). Поэтому красивая, правильная речь отвечает требованиям не только эстетики, но и прагматики. С другой стороны, количество орфоэпических и акцентологических ошибок в прежде авторитетных средствах массовой информации настолько велико, что носителю языка невозможно больше ориентироваться на них, отсюда потребность в дополнительной, точной информации, в комментариях специалиста. В настоящее время во многих периодических изданиях самого разного толка можно найти материалы, посвященные проблемам правильного произношения и расстановки ударения, что говорит о важности и актуальности подобной информации. Однако мы видим, что небрежность, нечеткость в произношении дает также и всплеск грубых орфографических ошибок. По моему мнению, проявления некоего слогового сингармонизма: **кумунизм, пулучать, гусударство, по которуму, вырысший**, являются также следствием нечеткого произношения, а не описками.

Четвертый тип ошибок (перенос) также весьма разнообразен. Многие авторы сочинений и диктантов без малейших колебаний оставят или перенесут на другую строку одну букву, разобьют переносом аббревиатуру или осуществят перенос таких слов, для которых это вообще невозможно (**вскрик, взять**). Авторы таких ошибок пребывают в убеждении, что правил переноса вообще не существует – это выясняется при личной беседе. «У нас же свободный перенос!» – таков обычный ответ. Ослабление жестких правил переноса, связанное с компьютерной версткой, не упростило дело, а привело к еще большему разнобою. Но правила переноса есть, их можно найти в справочнике (например, *Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1998, с. 80).

Пятый тип ошибок – слитное/раздельное/дефисное написание – также пополнился в последние годы рядом новых вариантов. Дефисное написание наречий **по-русски, по-старому** провоцирует множество ошибок

«по аналогии», причем не только среди наречий: **по-зеленеет, по-тихоньку, по-возможности, по-поводу, по-сравнению, по-жизни, поэтому, по-любви, по-русскому языку, по-роду своей деятельности.**

Растет количество ошибок, говорящих об отсутствии простейших навыков – умении делить поток речи на отдельные слова. Достаточно типичные ошибки (слитное/раздельное написание сложных предлогов **в течение, в продолжение, ввиду**) сочетаются с новыми – **воснавном, в селенная, в нештатные ситуации, насамом деле, о бовсем, внадежде, вотдельности, всостоянии.**

В данной статье не были упомянуты ни пунктуационные ошибки, также во многом связанные с интонационной небрежностью, ни грамматико-орфографические ошибки, ни стилистические, хотя материал собран и, очевидно, изучение такого рода нарушений может быть очень интересным. Сошлюсь на мнение А. А. Леонтьева: «Ошибка является одним из важнейших орудий исследования нормального, правильного функционирования речевого механизма: она – это как бы сигнал «разошедшегося шва» и может помочь раскрыть номенклатуру и иерархию таких швов, то есть внутреннее строение языковой способности» (3, 42).

Причин массового распространения такого рода нарушений может быть очень много. В. Г. Костомаров так говорит об орфографических ошибках: «При новых правилах игры, диктуемых психологией переформируемой, реформируемой жизни, когда новое принимается безоговорочно, а старое отбрасывается категорически – только потому, что оно старое, теряют свою безапелляционную обязательность даже орфографические и пунктуационные предпочтения. Можно было бы игнорировать подобные явления, несмотря на их массовость. Однако за ними со всей несомненностью просматриваются серьезные тенденции, в основе которых извечные сомнения в оптимальности правил правописания и расстановки знаков препинания, непреходящее желание их упростить. И если в более спокойные времена эти чувства сдерживаются стремлением держаться за традицию, культивировать преемственность, то в наши дни они порой становятся необузданными». (2, 279).

Л и т е р а т у р а

1. Булохов В. Я. Повышение орфографической грамотности учащихся. Красноярск, 1993.
2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб, «Златоуст», 1999.
3. Леонтьев А. А. Психология грамматики. М., МГУ, 1968.
4. Проблемы современного русского правописания. М., «Наука», 1964.
5. Фонетические и орфографические исследования. Сборник. Ижевск, 1988.